

Бібліотека

ЗРИТЕЛЬ

Ежемѣсячное изданіе

1792 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРВУРГѢ, 1792 го.

въ типографїи Г. Крылова съ товарыщи,

А. С. Пушкинъ

ОДОБРЕНИЕ.

Чалечашашь позволено отъ Управы благочиннаго
Февраля 25 дня 1792го года. Коллежскій Совѣт-
никъ и отправляющій должностъ Саккшпеме-
бургскаго Полиціймейстера

Андрей Жандр.

245689 №

рег. 3332

В В Е Д Е Н И Е.

Одинъ или многіе будущъ издаватъ Зришль; о томъ, кажется, нѣтъ нужды увѣдомлять благосклоннаго читашеля. Пускай представлющъ человѣка, который любопытнѣмъ взоромъ смотритъ на все и дѣлаєтъ свои примѣчанія: Сей то воображаемый Зришель позволяетъ себѣ выбравъ, изъ самой природы, образовать разныя свойства по своему разсужденію не дерзая никако касаться личности; подобно какъ живописецъ желая написать на своей картины различныя страсти рисуетъ человѣка во всѣхъ правилахъ естества; но ничего прямо лица не изображаетъ.

Право писателя представлять порокъ во всей его гнусности; дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе; а добродѣтель во всей ся красотѣ, дабы плѣнишь сю читашеля: симъ правомъ вознамѣрился пользоваться зришель.

Любезные Россіяне, предмѣтъ моего вниманія и душевнаго почтенія! если ли

въ свободные часы я, что есть: воображаемый вами зришель, явясь очамъ вашимъ въ сихъ листахъ, извлеку на лицахъ вашихъ улыбку . . . вошь моя слава! вошь мое торжество!

Увѣдомляю при томъ, что не все буду я сочинять; и не все такъ же переводить. Вздумаешься сочинить; сочиню: вздумаешься пересказать; переведу: вздумаешься о чёмъ разсуждать; разсужу: вздумаешься написать небылицу; напишу: услышу или увижу какую новость на Пarnassъ, и вздумаешься обѣйней сказать; скажу . . . Не подумашь ли кто, что здѣсь спиховъ не будешь?. Боже сохрани! . . . безъ спиховъ сжемъся чинъ, какъ пища безъ пищя, или какъ чай безъ сахара. Угостить ли шошь хозяинъ гостей, который предшавилъ имъ обѣдъ, хотя бы преизобильный и превкусный: но безъ всякихъ напишковъ? . . . безъ спиховъ не льзя.

На конецъ зришель посвящаешь себя благосклоннымъ чишателямъ всякое первое число: дай Боже! чтобъ могъ имъ понравиться.

Мѣсяцъ Февраль.

Нынѣ высокосъ, Февраль имянинникъ, вошъ причина, для чего зритель начинается съ Февраля!

Къ самому себѣ.

Я писатель! чѣмъ чортъ не шутитъ... да и писатель нешуточный попому, что познакомился съ типографію... я кладу на бумагу мои мысли и сообщаю ихъ своимъ согражданамъ!... не много ли я зашиваю?... Не уже ли мои мысли тяжовы, что могу ихъ сообщашь другимъ?... О самолюбіе! самолюбіе! къ чему ты насъ приводишь?... Разсудокъ говоритъ: постой дерзновенный! куда ты спремишься? Не думаешь ли ты описывать блаженство Россіянъ и прелѣсти нынешняго вѣка?... Твоему ли перу начертанъ то, что чувствуюшъ сердца и души?... Весьма бы хотѣлось, да слава и безъ меня разгласила всѣму миру... Не воображаешь ли ты въ мысляхъ своихъ, что въ силахъ обозрѣть

добродѣтели согражданъ твоихъ и прославляшь ихъ первомъ твоимъ? . . . Воображаю, и не умолчу ни когда: добродѣтель возхищашаешь мою душу: я люблю ее; и люблю обѣй сказывань; а для добродѣтели гостовъ срываешь маску съ пороковъ . . . Постой, дружекъ! постой, ты думаешь и пороки замѣчашь? . . . Да ты самъ развѣ безпороченъ? . . Такъ съ себя та я и начну; себѣ та я ни чего и не прощу; безъ слабости нѣтъ ни одного человѣка: я взгляну въ зеркало правды, и право не буду на него досадовать, если ли увижу себя въ немъ точно такимъ, каковъ я есь: не такъ, какъ модница иная разбиваешь его, когда оно показываетъ ей лицо не таковымъ, какъ ей хочется . . Вонъ уже ты и вооружилъ на себя многихъ изъ прекраснаго пола . . Чѣмъ дѣлать? Я поспараюсь загладить мой просупокъ и напишу такое, чѣмъ будешь пріятно: я смертно желаю, хощь на одну минуту, лежать на ихъ уборныхъ сполнахъ, и сочту себя счастливымъ, когда пригожусь, хотя на бумажки для завиванія волосъ . . Уничженіе наче гордости; и шо правда: этошь разсудокъ всегда

меня въ шупикъ пригонитъ: однакожъ ободрюсь и скажу самъ себѣ правду . . я пишу и буду писать, и думаю, что отъ эшаго порока и вѣкъ не изправлюсь . . опять разсудокъ на меня напалъ . . Ну; а какъ твои листы нагоняшъ на всѣхъ скуку, и вмѣсто удовольствія всякий будешь при имени твоемъ зѣвашь, а послѣ и совсѣмъ застанешъ? . . А чѣмъ? . . Это между прочимъ не худо. На примѣръ: когда игрокъ раззоряя ближняго, или проигрывая все то, чѣо предки его пошомъ и работою наживали, рѣшишся приданое жены или ввѣренное имѣніе сестры принести на жертву счастія: пускай читаешь въ тошь мигъ мои листы и уснешъ крѣпкимъ сномъ: его жена, его дѣти, его сестра и всѣ домашніе скажушъ мнѣ великое спасибо. Когда соберется записный браньюко повлечь въ садъ разпадающееся свое тѣло отъ ядовитыхъ соковъ своего воображенія, дабы обругать, чѣо ему тамъ ни встрѣтишся: пущь заглянешъ въ мои листы и задремлешъ; ему довольно и того, чтобы оспаться дома; ибо онъ ни когда не спишъ: все гульбище будешъ спокойно; а надзирашели благочи-

нія избавяется отъ жалобъ, и мнѣ скажутъ спасибо. Когда счастливый волокита соберется воспользовавшись слабостію жены, чтобы ея разврашить; пускъ прочтеть нѣсколько моихъ строкъ, и сонъ его избавитъ жену отъ порока: а мужа отъ спыда; тогда я себѣ скажу спасибо . . однако, мой разсудокъ! некогда мнѣ долѣе съ тобою спорить; пойдемъ въ театръ; тамъ играюшъ новую трагедію, надобно мѣсто засашь; со временемъ я скажу обѣ ней, только выслушавъ ее хорошенько: и разсуди, сколько смыслу моего досстанеія.

Теперь вѣрно чишаешь ожидаетъ, что я скажу о трагедіи: какъ се зовутъ? . . Какова она? Кто ея сочинишель? Пропузвяшь терпѣнія на нѣсколько времени: я скажу обѣ ней послѣ . . . увидѣвъ драмму въ первый разъ на театрѣ нельзя обѣ ней судить, покрайней мѣрѣ я такъ думаю; иного недослышшишь; иное Актеръ или Актриса дополняшь игрою . . увидѣль; по томъ прочшу со вниманіемъ и скажу, что я думаю.

Изъ театра поѣхалъ я ужинать къ пріятелю моему: тамъ было много молодыхъ

людей, и нѣсколько чужестранцовъ; речь зашла о томъ, что есть національный характеръ, эша речь Лашиногреческая, и всѣ меня увѣряли, что ее по Руски выразить не лѣзя: но не о томъ слово .. всѣ начали говорить о врожденномъ свойствѣ Россіянъ. Говорили много, и наконецъ утвердились на мнѣнїи одного весьма скоро говорящаго Француза, что у насъ нѣтъ собственнаго свойства, и что мы не что иное, какъ обезъяны способныя только перенимать .. Боже мой! я видѣлъ и слышалъ, что всѣ тутъ бывшіе молодые вертопрахи не только согласились; но еще благодарили Француза, какъ будто за открытие какой алхимической шайны . . . Не могъ я вытерпѣть сего постыднаго разговора; ушелъ домой и вознамѣрился написать:

НѢЧТО

О врожденномъ свойствѣ душъ Россійскихъ.

Есть ли бы Россійскій народъ отличался отъ всѣхъ плѣменъ земнородныхъ единствѣ только подражаніемъ, и ни какой другой способности не имѣлъ, то чѣмъ бы онъ могъ удивить всѣленную, которая смо-

тримъ на него заиспными глазами? Вся Европа, сполица ученосии и вкуса проши-
ву воли своей во многомъ отдаешъ спра-
ведливость Россіи, -- возхищаеся добро-
дѣшелями ея, которыхъ виѣ Россіи нѣтъ.
Ешьли учишься значитъ только подра-
жаніе, то давно бы науки упали, поколику
подражаніе всегда бываетъ слабѣе своего
подлинника: гдѣ нѣтъ творческаго духа,
шамъ нѣтъ и произведенія; но мы видимъ
со всемъ шому прописное: науки часъ отъ
часу приходяще въ совершенство; ученикъ
бываетъ несравненно знающеего своего учи-
теля; изъ чего видно, что когда Россіяне
заняли нѣкошорыя познанія отъ иностран-
цевъ, сїе не доказываешъ, что они только,
что подражаюшъ.

Я хочу спросить у всѣго свѣта, кому
подражалъ Петръ Великій въ неустраши-
мости, въ твердости великихъ своихъ
предпріятий, въ неимовѣрной быстротѣ
объемлющей все единымъ ударомъ очесъ,
въ созиданіи на не зыблемомъ основаніи
блаженства подданныхъ своихъ, въ пред-
пріятіяхъ почти человѣческво превышаю-
щихъ? До Него испорїя изчисляешъ доволь-

но именъ великихъ: но дѣла Петра помрачили бывшую всѣхъ великость. Ломоносовъ изчислялъ дѣла всѣхъ великихъ Монарховъ; но не нашелъ Петру сравненія. Я бы нашелъ другой примѣръ великости; но свѣтъ нынѣ полонъ ужаса и ~~воздорга~~^с; враги падаютъ отъ грома Россійскаго и всѣ родъ человѣческій обрѣшаенъ кропотливъ и милосердіе на прессиполь Россійскомъ.

Пусть докажутъ мнѣ, кому подражаютъ Россіянѣ, когда ополчаюшся на враговъ Государя и слѣдовательно Ощечеснѣва? Кто устоялъ противу мужеснства Россіянъ? Передъ ними все бѣжало; едина слава на слѣдахъ у нихъ. Кто ужасиѣ Россіянина въ сраженіи, и кто милосердѣе его къ побѣженному?.. А сему развѣ можно научиться?.. Нѣтъ; съ эстимъ свойствомъ должно родиться смершному.

Пойдемъ далѣе... сказываюшъ: одинъ храбрый полководецъ во дни Петра великаго одержалъ славную побѣду надъ ужаснымъ войскомъ Шведскимъ... Петръ умелъ награждать сыновъ доспойныхъ; но въ сїи часы повелѣлъ, чтобъ самъ Герой назначилъ себѣ награду... Чегожъ пошре-

бовалъ? . . . Прощенія одному изъ начальниковъ надъ частію войскъ, который за неоспорожность предъ пѣмъ понесъ на себѣ справедливый гнѣвъ Монаршій: а что всѣго болѣе; онъ изпросилъ прощеніе тому, кіо писалъ къ нему личную ненависть . . подобнымъ чувствіямъ, есть ли онъ неприняли своего существованія вмѣстѣ съ душою, научить не лѣзя.

Много бы я могъ предложить здѣсь примѣровъ сему подобныхъ, кои образуютъ свойство душъ Россійскихъ, есть ли бы захощѣлъ углубиться въ испоркѣ нашу; но пусть любящіе ощечество сами почерпнути душевное услажденіе читая оную. Я скажу только то, что не лѣзя увидѣть ясно врожденного свойства Россіянъ въ модномъ нынѣшнемъ воспитаніи, которое однакожъ, сколько ни силитъ обезобразить его, но совсѣмъ исполнить того не можетъ. Спросиши у меня, что это за чудовище такое модное воспитаніе? Я обѣ немъ скажу, и скажу самую исшину.

Воспитанъ значить съ самого рожденія сохранити жизнь младенца, питасть его шѣло, по томъ просвѣтить его разумъ,

устроить сердце, дать иравы, открыть способности душевные и образовать къ добру его свойства, дабы отечество могло увидѣть полезнаго сына . . . Теперь спрашиваю, способенъ ли дать такое воспитаніе иностраницъ? . . я уже не говорю, что удалившійся изъ своего отечества иностранецъ по причинѣ той, что онъ тамъ за дѣла и иравы свои не терпимъ, приимаєтъ здѣсь безъ разбору въ воспитаніи: я трепещу о воспитанникахъ его, и не смѣю болѣе говорить. Не упоминаю, что богатства цѣлыхъ домовъ подобными воспиташелями похищаются посредствомъ внушаемой склонности въ питомцѣ ко всѣму иностранному . . Богатство самая малая упраша въ сравнѣніи иравовъ.

Пускь выпишутъ благоразумнаго чужестранца въ воспитаніи . . онъ оставилъ свое отечество, дабы насадить благо въ чужемъ? . . Какая грубая ошибка! что сынъ отечества и полезенъ ему, ни что его не отвлечетъ отъ споль священнаго пинпла: а ешь ли удалился для прибышка, что можно ли вѣришь сына или дочь человѣку преданному корысти? Положимъ, что

нашелся хотя одинъ счастливый отецъ снискавший чудо на земли; то есль: чужеземца благоразумнаго и не корыстолюбиваго . . Чшожъ? онъ поруча дыша ему и даль сыну все благо жизни? Не правда . . Государь требуетъ отъ воспитанія вѣрнаго изполнителя его законовъ; отечество достойнаго сына; общежитіе крошкаго гражданина, и словомъ человѣка . . Чшожъ? а иностраницъ развѣ не человѣкъ? Конечно человѣкъ, и симъ та самымъ утверждается мое предложеніе.

Не знаю, въ природѣ ли человѣческой, или въ привычкѣ искать должно причины той не преоборимой склонности къ мѣсту своего рожденія или вообще къ той землѣ, на которой человѣкъ увидѣлъ свѣтъ, къ нему воздуху, которымъ началъ писаться въ первыя мгновенія жизни? Тѣ нравы, шѣ обычай, родство, вѣра, образъ правленія, все совокупно влечеши человѣка къ своему отечеству. Напрасно мудрецъ проповѣдуешь, что онъ гражданинъ цѣлаго свѣта . . можешъ быть сердце его ни когда не согласовалось съ его словами: ни одинъ мудрецъ не предпочиталъ своему отечеству

земли чужей, гдѣ бы онъ ни жилъ. Читая нравственные сочиненія великихъ писателей мы хопя и видимъ, что ихъ правила всѣму вообще роду человѣческому полезны, однакожъ они писаны языкомъ природнымъ мудреца, и первые возпользовавшися его изданіемъ конечно его соотечественники; языкъ прославленъ, отечество кромѣ первой пользы насшавлснія хвалился честною рожденія мудреца въ своихъ предѣлахъ. За сию честь рожденія *Омира* многія народы древней Греціи воевали.

Много было въ Россіи иностранцевъ, коиорые подъ видомъ просвѣщенія искали единой пользы себѣ или своему отечеству, дабы опытомъ доказашь на себѣ справедливость нашей пословицы: *Волка сколько ни корми, онъ всегда къ лѣсу смотритъ*: *Ле Клеркъ* живый тому примѣръ, *Ле Клеркъ* одолженный Россіи своимъ благосостояніемъ и безбѣдною жизнью возблагодарилъ ей изданіемъ *Исторіи Россійской*, въ коей ни чего неоставилъ, чѣмъ, по его мнѣнию, могъ онъ унизишь и осмѣянъ дѣла, нравы и науки наши, и вездѣ хвасшаши въ свое смѣ изданіи, что онъ прожилъ много лѣтъ въ Россіи

съ тѣмъ единицѣнно, чѣмъ узнатъ со-
вершенно обыкновенія, свойства и языкъ
нашъ . . . Признашься должно: чѣо онъ
знашъ все совершенно шакъ, какъ пса-
лищикъ, кошорый читаешъ весьма скоро
псалтирь: но смыслъ ея выше его по-
нятія.

И шакъ; какую дасиѣ поруку чужестра-
нецъ, чѣо онъ не посыпишъ въ воспитан-
ника болѣе склонности къ отечеству во-
спишащему ко вреду Россіи? Въ томъ ша-
и сессиониѣ вся цѣль воспиташелей ино-
странныхъ, дабы прежде не имѣя куска
хлѣба г҃ъ своемъ отечествѣ, послѣ возвра-
тиясь въ него набогащенныемъ жить весело
и счѣть Россійскаго добродушія и надѣ-
нимъ насмѣханія.

Воспиташель долженъ знать совершенно
свое отечество Исторически, Географиче-
ски и Философически; долженъ знать въ
какое состояніе готовишся его воспитан-
никъ; и на сихъ правилахъ благоразумїе
имѣя въ виду единую пользу отечества
устроиваешь юное сердце, насаждаешь науки
и созидаешь благіе нравы . . . шрудъ бѣз-
мѣрий! но достойный всѣхъ наградъ.

Теперь разсмотримъ, какъ обыкновенно иностранецъ вос пишетъ писенца Россійскаго: иностранецъ, которому не льзя знать ни нравовъ ни дѣеписанія и землеописанія нашего: а обѣ языки и слова нѣши . . . Да и споишъ ли все это его вниманія? Онъ шѣмъ начинаетъ, что всѣ вещи и дѣйствія назоветъ языкомъ Французскимъ, ибо сей языкъ модный. Писецъ говоритъ съ нимъ по Французски и только о Французскомъ или о другихъ земляхъ: а обѣ Россіи никогда . . Первое впечатлѣніе неизтребимо . . всякий воспиташель хотя по наслышкѣ знаетъ о древностяхъ Греческихъ и Римскихъ . . онъ обѣ нихъ все и говоритъ; отъ сего занимаются многіе ихъ развалинами, плѣняющія бывшимъ ихъ цвѣтующимъ состояніемъ, знающія, почишающія погдашихъ великихъ людей, и даже увѣряющія, чѣпо въ Россіи ничего хорошаго и не бывало . . Но слѣдуетъ ли, что нѣшишъ того на свѣшъ, обѣ чѣмъ я ни когда не слыхалъ? Спроси у сего писенца обѣ *Александъ Великол.*, обѣ *Юлій*, обѣ *Цицеронъ*, о *Волтерѣ*, о *Вестриѣ*, о *Ле Кенѣ?* онъ нѣчто скажешъ: но обѣ *Рюрикъ*, о *Владимири* ни слова.

Б

Не знаніе Рускаго языка многіе не считаюшъ порокомъ, и говоряшъ: съ кѣмъ говорить по Руски? Развѣ съ ходопомъ: нынѣ всѣ знаюшъ по Французски; но какое бѣдствїе не знать общеспіеннаго языка! исполнитель законовъ, на которыхъ основаны, общественное благосостояніе, жизнь и судьба каждого, какъ можешъ служить правосудію, когда онъ того языка не знаешьъ, на которомъ писаны законы? Они спольже священны, какъ и особа дающая законы. Пускъ безприспособный вникнешь въ сіе, онъ возшрепещешь онъ моднаго воспишанія . . . Дворянинъ, обладатель землемѣльцовъ, на какомъ языке предпишешь имъ порядокъ, на какомъ языке будешь внимашъ ихъ нужды? Управитель ешь, вошь и все тушь . . онъ сего шо вышло недоразумѣніе между словами управлять деревнями и управить деревни . . послѣднее, благодаря модному воспишанію, начинаяшъ случанья чаше.

Когда же люди моднаго воспишанія не разумѣюшъ по Руски, шо не могушъ они и судишъ ни объ чемъ Рускомъ. Воспишали ихъ предспавляя имъ добро иностранные

ное утверждаютъ, что Россія о подобномъ и не воображала до нихъ, и что ни есть въ ней, шо все худо . . всякому свое мило. Ни обѣ чѣмъ понятїя не имѣющїй птицецъ упиняется подобными шолками и нечувствительно привыкаетъ ненавидѣть Руское и плѣняясь иностраннымъ . . вотъ отъ чего Рускіе модно - воспишанники кажутся обезьянами . . кого воспинывалъ Французъ, тошь подражаетъ Французамъ: воспишаникъ Агличанина поспавляетъ за первый предметъ казашься Агличаниномъ и шакъ далъе. Многократные опыты случающіяся ежечасно въ глазахъ нашихъ утверждающ исшину моихъ доводовъ . . и кажется, что воспиняли разныхъ земель, не видавъ другъ друга ни когда въ глаза, и не слыхавши обѣ имени, единодушно согласились вливать въ Россіянъ ненависть и презрѣніе въ Россіи.

Я не Гамбренъ рѣшишъ сего вопроса, отъ чего вкрадось подобное воспишаніе въ Россію? . . Я предвижу, что спросятъ у меня, гдѣжъ мы возмемъ Рускаго съ тѣми дарованіями, кошорыя нужны для воспишанія? . . отвѣтствуя: чего я не захочу искать,

шого я никогда не найду . . . Признаться должно, кто Рускаго и пускать не лъзя въ боярскій домъ: онъ робокъ, заспенчивъ; да съ нимъ не хотятъ и говоритьъ, его неуважаютъ: кафтанъ на немъ не хороши; ему весьма мало платятъ или совсѣмъ ничего; да какъ Рускому и плашить? . . Ино-странецъ ъздишъ въ каретѣ, часы, персхень и табакерка . . . вошь свидѣтельство его ума и знанія! . . ему даютъ по многу рублей за всякий урокъ . . . Рускій ходитъ пѣшкомъ, не имѣя часовъ часами приходишь не во время: а у дѣтей каждый часъ дорогъ . . ему въ годъ ни чего; да и попросишь не смѣеть: а иначе лишишися чести быти принятъ въ домъ.

Если бы я здѣсь показалъ всѣ бѣдственныя слѣдствія сего воспитанія, то бы я разпространился далѣе предъловъ предписанныхъ листа; здѣсь предложилъ я нѣкоторое очерпаніе необходимо нужное къ изложенію свойства врожденнаго, къ коему теперъ обращаюсь. Сколь модное воспитаніе ни напрягается перемѣнишь его: но силы его къ тому слабы: оно могло нѣсколько обезобразить его; но и въ томъ

не совсѣмъ успѣло. Наружность хѣпя и перемѣнилась: но внутреннее основаніе то же.

Есть свойства общія всему роду человѣческому: есть такѣ же свойства одному особливо народу принадлежащи. Всякій человѣкъ имѣетъ благородное любоческое оспличашася, и всякий человѣкъ находиши для сего свой предметъ; а сїе разпроспра-нясь на цѣлыхъ семѣйства, сѣленія и государства, сосипавляетъ шо народное свойство, о которомъ здѣсь идешъ речь: образующиъ его вѣра, правленіе, самая земля и ся плодородіе, жаръ или спужа воздуха.

Всѣ писали о дѣлахъ праотцевъ Россійскихъ наполняющъ исторію побѣдами ихъ, слѣдовашельно неуспрашимость и исканіе славы повсюду видны . . . я прибавлю къ сему, что, можешь быть, нѣть народа, которому уступили бы мы въ дѣлахъ славныхъ, и иѣшъ народа, который бы менѣе насъ разглашалъ о дѣлахъ своихъ: отъ чего въ древности много дѣлъ великихъ или совсѣмъ погибло, или чужими писателями съ уменьшеніемъ объ нихъ повѣщовано: ибо спасеніе ли кто прославляшъ

шого, кому онъ завидуетъ? Мы видимъ даже и нынѣ, что о дѣлахъ передъ глазами нашими бывшихъ, иностранные газетчики повѣствовали или не такъ, или совсѣмъ на прошивъ . . Но оставимъ сїе, посмотримъ, что это за свойство такое, которое алчень славныхъ подвиговъ и сверша молчаніе объ нихъ?

Многіе утверждаютъ, что молчаніе о дѣлахъ своихъ тошъ, кому дѣла его наносящъ ссыдаются: но слава есТЬ всеобщая похвала; следовательно Россіяне дѣль своихъ не ссыдаются: такъ видно что Россіяне скромничающъ отъ шого, что превозноситься собою не любятъ . . какое любезное свойство! дѣла достойныя человѣка сами собою почтены; какая нужда, знаютъ ли про нихъ другіе? Довольно, есТЬ ли совѣсть ихъ одобрила: человѣкъ спокоенъ. И такъ, или лучше молчашь о своихъ дѣлахъ; а если они сами о себѣ говорятъ: то со всемъ скромною умѣренностью . . . Во многихъ народахъ часто бываютъ дѣла великими въ однихъ только описаніяхъ объ нихъ: а въ самомъ существѣ они только обыкновенныя, кошорымъ оспроуміе и дав-

нишное просвѣщеніе даетъ близиашель-
ный оборотъ: но выхвалять дѣла обыкно-
венныхъ эшо не Россійское свойство. Рос-
сіяне ищутъ добродѣшелей великихъ: а обы-
кновенные добродѣтели почишаюшъ только
долгомъ.

Въ древнія времена удивлялись и превоз-
носили до небесъ господримство *Адмета*:
у насъ всякий крестьянинъ *Адметъ* и го-
сподримства не счишаєшъ дѣломъ вели-
кимъ; оно ему сродно . . . хлѣбосольство
извѣсно только въ Россіи.

Пусть превозносящіеся знаніемъ многихъ
язиковъ выражаютъ мнѣніе, на какомъ бы то
ни было: *Радушіе*; пусть изъяснятъ мнѣніе,
что такое слово *радушный*. Сіе назва-
ніе изображаетъ особливую заботливость
и усердіе, оно выражаетъ ясно съ какимъ
удовольствіемъ принимаетъ хозяинъ къ себѣ
гостей, усердіе и заботливость въ угоще-
ніи проспираетъ до того, что онъ от-
даетъ преимущество гостямъ во всемъ, за-
бываетъ совершенно о себѣ, и въ томъ од-
номъ находитъ удовольствіе, чтобъ гости
его были совершенно удовольствованы; и
когда всѣмъ пресыщены, радушіе хозяина

всегда беспокоится, не упущено ли что нибудь могущее принести более удовольствия гостямъ . . Пусть похвалишся какій либо народъ подобнымъ свойствомъ . . Кажется, здѣсь должно искать причины, отъ чего иностранцы здѣсь болѣе уважаються, нежели свои? Всякій чужестранецъ прѣемлется здѣсь, яко гость, со всѣмъ радушіемъ, кое онъ во зло употребляетъ спавя высокимъ свое просвѣщеніе, которое радушные Россіянѣ мыслящъ приобрести за свою хлѣбъ соль, къ которой присоединяющъ и знанныя награды.

Но какая это добродѣтель, есть ли нѣтъ просвѣщенія? Не отъ того ли Рускіе о своихъ подвигахъ молчали, чѣмъ писмена имѣ были неизвѣстны? Древность исторіи нашей, грамоты мира и заключенія союзовъ доказывающъ неспоримо, что у насъ были писанные законы, ученость имѣла свою степень возвышенія, и даже во дни Ярослава сына Владимира были спихотворные поэмы въ честь ему и дѣтямъ его. Хотя варварское нашествіе Татаръ поработивъ Россію разрушило все; существуютъ еще сіи драгоценные ошапки и по нынѣ

въ книгохранилицахъ охотниковъ до рѣдкостей древности отечественной, и можешь быть Россія вскорѣ ихъ увидитъ: есть еще любители своего отечества, "кошьре не счадятъ ни чего, дабы собрасть си сокровища. Всѣ читають Ярославову правду; всѣ читають заключенные мирные договоры Олега и послѣдователей его съ Императорами Греческими. Исторія Александра Великаго во многихъ мѣстахъ говорить о Скифахъ Славянахъ, и даже ихъ рѣчи помѣщаются Курцѣй . . . было письмо; слѣдовательно было и просвѣщеніе: но свойство душъ оставалось все одно и то же.

Во дни порабощенія Татарскаго было все угнѣшено: но совсѣмъ неизгиреблено: ибо гдѣ бы взять столько твердости и величии духа, чтобъ свергнуть иго рабства и покорить своему владыческому своимъ тиранновѣ? Россія повергла ко стопамъ своимъ Татаրъ; а нынѣ и имя золотой Орды ужѣ погибло съ шумомъ.

Во дни, говорю я, ига Татарскаго, Россіянне не пресипуали никогда даннаго слова: всѣ случающіяся въ жизни обязатель-

спва, какой бы они важности ни были, утверждались сою единою печатию: *если ли я не сдержу моего слова, то мнѣ будемъ стыдно: Сие изреченіе вѣрнѣе и надѣжнѣе порукъ и крѣпче всѣхъ залоговъ.* Пусть мнѣ представятъ, въ какомъ бы то ни было народѣ, хотя одно дѣло укрѣпленное подобными обязательствами, и пусть представятъ такое доеѣре къ подобнымъ словамъ и къ спраху отъ спыда . . . бояться спыда . . . вошь свойство души любезное и доспойное неумолкаемой славы.

(Продолженіе впредъ . . .)

П О Ц Ъ Л У Й . I.

Плѣнясь Анююю Алексѣй
Отъ нѣжной склонности стараешь;
Онъ сердце, лушу посвящаешь
Драгой Анююшкѣ своей:
Не можешь скрыть безмѣрной спасти,
Къ владычицѣ души гласишь:
Тобой вся кровь во мнѣ горитъ,
Я весь въ твоей, Аниюша, власти . . .

Какий же былъ на то отвѣтъ? . . .

 Анюю только усмѣхнулась,

 Съ насмѣшкой рѣзво ошвернулась

 И съ мѣста вдругъ была да нѣтъ . . .

 Жаръ въ камень преврашился спрастный,

 Безчувственъ Алексѣй несчастный:

 Во слѣдъ суровой красоты

 Душа со вздохомъ ульпѣла,

 Догнать суровой не успѣла;

 Она мелькнула какъ въ мечѣ.

 Едва пришелъ въ себѣ, ужъ съ нова

 Вздымаешь грудь любовь сурова,

 Отколь изходитъ смертный спонъ;

 Но ни кому невнѧшисъ онъ,

 И слезы, гореспна отрада

 Блещашть не смыютъ на глазахъ:

 Изъ сердца пренестъ и досада

 Единый изгоняющъ . . . *Aхъ!*

 Чшожъ мыслитъ Алексѣй? не знаю . .

 Къ Анюю взоры устремляю:

 Въ другой ужъ комиашъ она,

 И кажется въ лицѣ немножко

 Отъ бѣгу сдѣлалась красна;

 Открыла по скорѣй окошко

 Прохлады воздуха вкусишь,

 И взоръ спаралась устремишь

Туда, где долженъ былъ въ печали
 Презлонополучный Алексѣй.
 Ийши въ отчаянныи отъ ней:
 Ея глаза его искали,
 И еспѣлибъ не было спыда,
 Вскричала бы . . . сюда . . . сюда . . .
 Вдругъ скорыми шагами
 Въ другую комнату спѣшишъ,
 Какими то себя словами
 Не знаю я за что журитъ . . .
 Бѣжалъ въ одномъ она покоѣ
 На крѣслахъ сѣла ошдохнуши;
 Хотѣлось можетъ ей соснуть;
 А можетъ бытъ совсѣмъ другое . . .
 Ийши ужь далъ не могла:
 Къ двѣрямъ приспавлена картина:
 Ошпавишъ можно прочь, холстина
 И съ рамкою не шажела . . .
 Не лѣзя, ни какъ не лѣзя, на ней
 Написанъ живо Алексѣй.
 Чѣмъ болѣ на него смотрѣла . . .
 Тѣмъ болѣе въ лицѣ краснѣла . . .
 Вспасибъ подходитъ и на задъ
 Ворочалась: но ужь лѣниво . . .
 Со вздохомъ обращаетъ взглядъ:
 Но обращаешь взглядъ спыдливо.

И говоришь сама съ собой:
Ахъ есть ли бы въ сю минуту
Увидѣлъ Алексѣй Анююш!
Не спалабъ я ему . . . поспой . . .
Пусть будетъ то ему завидно,
Портретъ его . . . миѣ право спыдно . . .
Ахъ онъ живеть въ душѣ моей:
Портрету нѣжныя уста касались
Портретъ упалъ . . . поцѣловались
Съ Анююшой спастный Алексѣй.
Ошкуда жъ онъ взялся? не знаю . . .
Его съ ушѣхой поздравляю.

Быть было буда мъ!

Близъ печи разпаленной
На пагубу всея вселенной
Сердитый Купидонъ
Ковалъ любовны стрѣлы.
Я съ ними всѣ земны предѣлы
Мгновенно облечу, вѣщаешь онъ:
Да возпрепещушъ Боги и всѣ люди:
Пронжу всѣхъ груди
И уязвлю сердца
Съ конца вселенной до конца.
Внезапу передъ нимъ явились

Одной смуглянки пара глаъ:
Амуръ на нихъ взглянулъ, и въ шотъ же часъ
Амура чувшиа всѣ, плѣнились . . .
Забылъ угрозы, власнь любови Богъ
И крылья всѣ свои сожогъ.

П О Ц Б А У Й 2.

Съ полудни солнце уклонялось
Къ прохладнымъ вечера часамъ;
Природа зноемъ утомлялась:
Ужъ время сладосннымъ росамъ
Иль нѣдръ земныхъ опровергъ быти
Земную ризу оживить:
Цѣны, древа сей влажной нѣги
Алкали въ скороспѣ вкусить.
Ни вѣтры наглы не крушились,
Въ спокойствѣ воздухъ пребывалъ,
Ни же Зефиры не рѣзвились
И легкій лисицъ, казалось, спалъ.
Въ тѣни подъ древомъ Аромашнымъ
На роскошномъ живомъ коврѣ
Объята сномъ прияшнымъ
Красой подобная зарѣ
Плѣнира нѣжная лежала;

Ея прелѣстна бѣлизна
 Собои лилеи постыжала,
 Сколь нѣжна роза ни красна;
 Румяненіе на лицѣ пренѣжномъ
 Смѣялся красотѣ цвѣтовъ.
 Въ покоѣ сладкомъ безмятежномъ
 Дыханьемъ движимый покровъ
 Плѣниры грудь едва скрываешь;
 И мраморъ, алебастръ и снѣгъ,
 Все ей во цвѣтѣ уснунаешь;
 На мягкости ся для нѣгъ
 Зефиры легки опочили,
 Ея округло нѣжну грудь
 Своимъ дыханьемъ прохладили.
 Кого бъ сей видъ не могъ широнушъ?
 Одѣждой легкой облеченный
 Прелѣстный спройный видѣнъ спанъ . . .
 Одѣждой шонкосши безмѣрной . . .
 Башиспѣ какъ воздухъ изопканъ . . .
 Какая встрѣча для Милона?
 Плѣнира жизнь души его,
 Причина радости и споана,
 Дорожъ свѣща для него.
 Милонъ недвижимъ въ изумлѣнїѣ;
 Всѣ чувства предались любви:
 Онъ смотрѣшъ въ робкомъ возхищеньѣ

Объятый пламенемъ въ крови.
 Ни что тогда не прерывало
 Спокойствія природы всей:
 Милона сердце трепетало
 Въ бьющейся груди своей . . .
 Вдругъ дерзку мысль Милонъ пріемлешъ . . .
 Плѣнира! . . ахъ! проснися ты . . .
 Почто сонъ сладоспій объемлетъ
 Твои, Плѣнира! красоны? . . .
 Милонъ межь спрахомъ и надѣждой
 Тобою сильно разналенъ . . .
 Незащищена грудь одѣждой . . .
 Взоръ дерзкій къ ней ужъ устремленъ . . .
 Зефира шише прибѣгаешьъ
 И паль къ тебѣ онъ на траву;
 Онъ взоромъ духъ не насыщаетъ . . .
 Сказалъ: я поцѣлуй со рву . . .
 Ужѣ уста его коснулись
 Твоимъ прекраснѣйшимъ успамъ,
 И нѣжно вдругъ они сомкнулись:
 Милонова вселенна шамъ.
 Плѣнира руки поднимаетъ,
 Хотя еще не прерванъ сонъ,
 Къ груди Милона прижимаетъ . . .
 Скажите, счастливъ ли Милонъ?

В О Й Н А.

Прелѣста нѣкогда Амуру говорила:
 Ты сильный Богъ, твоя ужасна сила;
 Ты Марса можешь побѣдить:
 Со мной начни войну; но долженъ отложить
 Калчанъ и лукъ и спрѣлы.
 Амуръ ей отвѣталъ на рѣчи столько смѣлы:
 А шы глаза закрой,
 Межъ нами будешъ равный бой.
 Прелѣста столько лишь сняла касыньку
 съ щеи,
 Открылась грудь бѣлѣй лилеи:
 Амуръ пронзенъ, къ ногамъ ея упалъ . . .
 Всѣхъ прелѣстей твоихъ, Прелѣста! я не
 зналъ.

З Л А Я Ж Е Н А.

Вдругъ морѣ хлынуло, весь городъ пополило;
 Вездѣ кричатъ: вода!
 Вездѣ кричатъ: бѣда!
 Ивана одного не много то смущило.
 Иванъ на крышку влезъ,
 И шакъ какъ философъ то бѣдство перевесъ.

По томъ пожаръ пришелъ, Ивановъ домъ
пылаещъ,

Народа множеспво къ Ивану прибѣгаешъ:
Иванъ при смерти былъ; но онъ въ окош-
ко слезъ.

И такъ какъ философъ то бѣдство пере-
несъ.

Потомъ Иванъ женился:
Хошь онъ шого не ждалъ;
Жену презлую взялъ . . .

И въ прешни отъ жены онъ супки уда-
вился.

П О Р Т Р Е Т Ы.

День тихій и ясный; множеспво вели-
колѣпныхъ каретъ и колясокъ подѣзжающъ
къ саду, спановлянся у моего окошка, и
спукомъ своимъ отвлекаютъ меня отъ
моего упражненія. Я проходилъ не оцѣ-
ненную Телемакиду: сличалъ прозу пворца
ея, съ прозою сочиницеля Синава, и уви-
дѣлъ, чио два сїи мужа жили въ одно вре-
мя. Позлащенная карена двудушна, споль
сильно ударила колѣсомъ въ мою спѣну

что окошко задражало; библіопека моя со-
дрогнулась и обрушилась на меня. Тщет-
но просилъ я помилованія у творцовъ на-
полняющихъ ея: они столь безчеловѣчны
были, что давили меня безъ пощады.
Одинъ Пешрушка въ розхмѣль, подбѣжалъ
ко мнѣ и съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ
силъ кой какъ вытащилъ меня изъ подъ
нихъ. Что ты дѣласъ, спросилъ у меня
одинъ изъ моихъ знакомыхъ, войдя ко мнѣ?
Знаешь ли ты что жизнь твоя была въ
опасности? Ты придавленъ былъ книгами
какими, спросилъ я? Россійскою Памеллою,
чешырью томами Рифмокрада, Лоимологіей,
десѧтию томами Идиллій и Еклогъ . . .
оконьчише, оконьчише, вскричалъ я съ не-
терпѣнія. -- Безчеловѣчны! за что вы
ополчались на жизнь мою, на жизнь человѣка,
которой столь сниходиши, что
поставилъ васъ въ свой шкафъ? . . . Не
горячись, повторилъ мнѣ мой знакомой, ты
и теперь еще можешь получить отъ нихъ
горячку.

Попѣ лиль съ меня градомъ, и хотя я
могъ получить проспуду, но не внималъ дѣ-
шищамъ Евскулапіевымъ, которые имѣюшъ

чесиъ родъ человѣческій отправляшъ на
шотъ свѣшъ; и для того разтворилъ окон-
ко и смотрѣлъ на приходящихъ и приѣзжа-
ющихъ въ садъ. Миѣ представились чер-
ны *Деудушина*, черны благопворищя
смертныхъ, которой и то благодѣяніе по-
чишаешь бездѣлицей, чѣто скрытно гонишъ
всѣ сочиненія не имѣя разума дашь имъ
цѣну; который споль много имѣшъ бла-
городнаго духу, чѣто безъ пресуплснїя ли-
шаешъ мѣстъ служащихъ подъ сво началь-
ствомъ, не смѣя лишишь чесни, каторая
выше его воображенія.

Благопворицель сей поспѣшалъ къ каре-
шѣ: съ нахмуренаго чела ево лился кро-
вавой потъ, схожий съ шѣми попоками
крови, которыя высасывалъ онъ у неимущихъ
покрова, и осужденныхъ умереть
подъ щипомъ его правосудія; глаза его
сверкали подобно молний, гнѣвъ, опчайніе
и ужасъ сопровождали его. Онъ съль въ
карешу и поскакалъ въ домъ свой, нажишой
съ помощью законовъ, съ шѣмъ намѣреніемъ,
чѣто бы удавившись въ кабинетѣ благопрѣобрѣ-
щенномъ имъ. Непохвально ли предпрія-
тие его? Онъ хочешъ приступить къ сему

славному подвигу заранѣе для того, что бы позже его не повѣсили. Добродѣтель всегда имѣетъ своихъ гонищелей.

Великая душа спенанія не знаешьъ,
И смерть избравъ въ покровъ, от-
важно умираешьъ.

Но это чѣмъ за молодой человѣкъ, разочарованной въ иѣсколько букель и одѣтой въ самомъ послѣднемъ вкусѣ? На лицѣ ево начерпана радость, удовольствіе и самосвѣхненіе . . . Ахъ Боже мой! это подлый мысль; но чѣмъ за крайность побуждаешьъ его бѣжать сломя голову въ карешу, и скакать на борзой чепверкѣ? . . Онъ женился вчера на госпожѣ Вертоноговой, которая сегодня родила, и для того поспѣшаешьъ уведомить своего благотворицеля о рожденіи его сына.

Золотая карета подѣлжаетъ къ самому моспику сада: Арапъ и Егеръ, богато одѣтые, принимаютъ за руку прекрасную барыню. Мнѣ кажется это *разврата?* шакъ, она; божиться можно, что она прекрасна, ловка, жива и знающа свѣшъ 20000 рублей, положенныхъ въ ломбардъ на ея имя, свидѣ-

шли безприспастныя. Третьяго дня приѣзжала она къ пріятельнице увѣдомить ея, что она въ двѣ недѣли имѣла честь раззорить *шестеркина*, и отправила въ магистратъ попечителя своего *Промоталова*; сего дня увѣдомиша своихъ подругъ въ саду, что вышла за мужъ за человѣка 6 го класса по шабели о подлецахъ, и что въ приданое принесла ему трехъ дѣшей.

Кто добродѣтелью своею не скучитъ,
Скоренько можешь шошь съ умомъ оба-
гашитъ,

Примѣръ шому въ глазахъ *Цалато* нашъ
съ женой:

Съ заплатой былъ капитанъ, а нынѣ
золотой.

Ба! это господинъ *Вертужкинъ*. Фракъ и дорогѣ пуговицы купленныя на вексель, часы взятыя у Француза съ шѣмъ, что бы всѣ его книги купить для однаго барина, у котораго онъ по временамъ брашился, шушитъ, споритъ и дерется, неложныя доказательства, что это дорогой *Вертужкинъ*. Онъ одинъ заключаетъ въ себѣ многихъ, разсмотримъ ево: что значитъ этотъ гордой видъ и нахмуренныя брови? Презрѣ-

ніе ко всему роду человѣческому, не выключая и себя, яко первого предмѣта своей ненависти. Что значитъ фракъ сдѣланной по модѣ, но, копорой сидишъ на немъ худо? Что онъ сшишъ въ долгъ; а вексель не наличныя деньги. Что значитъ холодный поклонъ сдѣланный имъ красавицѣ? Что онъ приѣжалъ къ ней съ визитомъ, но далѣе передней ево не пустили; для того, что дома кошелекъ забылъ. Что означаюшъ нѣкоторыя пяпти близъ багроваго его носика? Что онъ недавно возвратился изъ планеты Венеры; а по шому, что ѿхалъ мимо солнца, такъ обжогся. Что значитъ эта милая улыбка, копорую онъ дѣлаешъ всѣмъ женщинамъ? То, что онъ въ нихъ щасливъ. Ибо недавно одну представилъ своему благопворителю. Что значишъ, что онъ то гордъ и великъ передъ однимъ, то малъ и низокъ передъ другимъ? Что послѣднимъ былъ въ прошедшее и настоящее время, а первымъ никогда, по причинѣ великихъ доспоинствъ. Къ чemu приписать, что онъ сулишъ портнымъ, сапожникамъ, каретникамъ, и другимъ мастеровымъ дома, фабрики, заводы?

Что бъ увѣришь, что они получашъ съ него долги свои, копорые онъ обѣщался въ мати спрашъ имъ заплатишь. Какому могутъ систву ошиести должно разпоченіе чиновъ, копорые онъ щедро всѣмъ обѣщаestъ? Что бъ удивишь дураковъ, и доказашъ умнымъ, что онъ и самъ ихъ не имѣшъ. Что значитъ что онъ не выпускаетъ изъ рукъ своихъ книгу? Что бъ показашъ себѣ учонымъ. И должно признаться, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ очень успѣлъ. Два года уже какъ книгопродавецъ плачетъ отъ свою драмы.

Это что за жако? Коротинькой голубой камзольчикъ съ чернымъ бархатнымъ ворошникомъ, пюсовой шелковой поясъ съ превеликимъ бантомъ; лосинныя жолтыя чикчиры сдѣланныя въ обтяжку, такъ что всѣ члены ево прошиву благопристойности обнажены: изображаюшъ франца новѣйшаго времяни. Посмошримъ на него со вниманиемъ: я хочу быть повѣшнъ, ежели онъ ролю свою играешъ не самымъ худымъ образомъ. Подъ плащемъ тонкаго, развязанного, скрышнаго плуша, видѣнъ въ немъ грубой фабричной; глаза, кошорые должно

съ пріятною легкостію и живоспію обра-
щать на всіпрѣчающихся съ нимъ, обра-
щаєшъ онъ какъ воръ приговореной къ
ссылкѣ, и которой скорѣе заспавитъ бо-
ялся его, нежели плѣняться имъ. Вместо
хитрой, масперской улыбки, смеется онъ
попрясая плѣчами и всѣмъ корпусомъ. Еже-
ли думаешь онъ, что онъ похожъ на жако,
то грубо ошибаешься; и не проспимъ
тому, кто сво посвятилъ въ энотѣ на-
рядъ. Но куда онъ направляешь съ такою
скоростію пушь свой? Онъ несетъ припе-
чатаніе въ вѣдомостяхъ задачу слѣдующаго
содержанія: „Я женился на госпожѣ Трю-
„левой; имя жены моей Нецѣломудра; въ
„приданое принесла она беременностъ и
„несколько тысячъ рублей; вопросъ: гдѣ и
„какимъ образомъ получила она столь знап-
„ное богатство? „ На разрешеніе сей за-
дачи назначаетъ онъ шесть мѣсяцовъ. Все,
что можетъ представиться воображенію
въ разсужденіи разысканія задачи, позво-
ляетъ онъ употребить къ догадкамъ, вы-
ключая нелѣпаго сомнѣнія на честъ и цело-
мудріе супруги сво. Ошполь отправится
совершивъ не малое подаяніе бѣднымъ,

дабы умолкли провидѣніе, что бы супруга его сохраняла то же цѣломудріе и воздержаніе будучи за мужемъ, какимъ бывала девушкой.

Не сей ли великий мужъ шествуешь благородными спонами, костюмъ улыбка привлекательна; который остротой пера своего возбуждаешь въ сердцахъ слушателей удовольствие, въ просвѣщенномъ разумѣ удивленіе? не сей ли юноша, который тонкимъ, легкимъ и благороднымъ образомъ снимаешь съ устъ публики улыбку и извлекаешь невинный смѣхъ? Не сей ли юноша, который осмысляя нравы, исправляешь ихъ; но неразращая ни сердца, ни разрушая правильности? Есть ли шаковья у насъ писатели, я отдаю чиншелью на судъ; но что шаковья могутъ быть, сѣе неоспоримо. Еже ли мы воззримъ на испорю прошедшихъ вѣковъ, то увидимъ, что въ другихъ государствахъ науки шествовали медлѣнными спонами; но въ Россїи, при самомъ зарожденіи ихъ, возникли новыя *Пиндары*, *Виргилии*, *Расины* и *Молиеры*; твореніи ихъ ровнялись съ лупчими твореніями, я не включаю ташь Академіи. И теперь еще

могутъ бытъ толь великія люди, ежели изнребятъ ложныхъ меценаповъ, кошорыя не покровищельсивуюшъ, но подавляющъ науки.

Спѣши, спѣши, скорѣе въ садъ, вскричалъ я одному проходящему мимо меня мужу, соспарѣвшемуся во брань. Сколь много шамъ пищи для просвѣщенаго твоего разума, и сколь много удовольствія для неповрежденаго сердца твоего! . . на примеръ: ты увидишъ цѣломудренную дѣвицу, сквозь носъ проворчишъ, что она была твою любовницею; увидишъ честнаго, крошкиаго и украшенаго сѣдинами гражданина, скажешъ, что онъ грабитель близкихъ; увидишъ просвѣщенаго человѣка, назовешъ его невѣждой по тому, что посмотрися какъ въ зеркало; увидишъ писателя осмѣевающаго пороки, осудишъ посадить ево въ смиришельный домъ, что бы твоє мѣсто было уже занято; увидишъ воина, удоскоишъ ево имяни смертоубийцы, по тому чпо труслисть твоя непозволила тебѣ съ непрѣяшлемъ сражатся; увидишъ хорошаго Актера, найдешся принужденнымъ побранишъ ево, какъ онъ смѣсть ира-

вишъся публикъ; увидиши ломающагося буфа, скажешъ, чио шаковы должны быти вѣ Актеры; а чио бѣ преподашь сїи правила и имѣши просвѣщенную публику на своей споронѣ: ты напишешъ поэму на пшашральное искусство; поспараешся наполнить ее повтореніями, нелѣпостями, и докажешъ свѣшу, чио Актёрство должно сосставлять коверканье, ломанье, дряганіе руками и ногами, кривляніемъ лица и хлопаньемъ глазъ; пѣніемъ не натуральнымъ, не правильнымъ, грубымъ и не сноснымъ ни уху, ни сердцу; въ заключеніе увѣришъ всѣхъ, чио буфы суть Актеры; хотя ни одинъ просвѣщенной зритель съ тобою не согласишся, и будешъ справедливо наспоясть, чио игру буфовъ сосставляеть неблагоприятность и подлое ломанье; будешъ увѣрять всѣхъ до изспущенія, чио капельмейстеръ, которой въ самомъ дѣлѣ не знаешь даже Генералъ Баса, яко пушеводился къ музыкѣ, сочинишель великой, хотя бы музыка сво имѣла мысли самыя проспиря и народныя. Наконецъ разбранишъ целой свѣши не пощадя и самого себя, и отправишся въ смиришельной домъ, гдѣ

исполнители закона съ распроспертыми руками шея ожидають.

А! наконецъ дождался я и господина *Антигуза*. Съ какою искренностию, съ какимъ чистосердечiemъ и благоразумiemъ вооружаешься онъ на науки, яко на орудія служащія къ развращенію сердца и разума; съ какою благородною смѣлостію отзываешься онъ худо о тѣхъ сочиненіяхъ, которыхъ онъ и не читалъ, и понять неможеть. -- О ты щастливый смертный! стремись во слѣдъ самому себѣ, ошвергай и презирай то, что миллионами людей признано за полезное и безцѣнное благо человѣчеству; не робѣй, ополчайся, ты найдешь себѣ сопушниковъ, и ни кто не дерзнетъ защищать предъ тобою науки.

Кто мнѣніе свое разсудкомъ подкрепляешь,

Непобѣдимъ и твердъ, противныхъ побѣждаешь.

Ты фу къ чорту, мой любезный другъ, вскричалъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ просвѣщенныхъ людей! чемъ занимаешься, скажи мнѣ? Вѣрно не такъ сидишь? Вѣрно пишешь? Хорошо, хорошо, это молодому человѣку

похвально. Сколько предмѣтовъ для описанія! сколько прекрасныхъ картинаў для глазъ! и которыя, ежели бы обрисовать ихъ и помѣстить между дѣйствій въ какихъ нибудь комедіяхъ, трагедіяхъ, операхъ, или драмахъ, великое бы сдѣлали украшеніе театру и сочинителю славу... чёмъ вы занимаетесь, спросилъ я у сего робенка? Я, отвѣчалъ онъ съ швердостію приличною великому духу, описываю разныя дикорациі; какъ то: горы, съ которыхъ бы ручьи кристальныя водъ съ шумомъ въ низъ ударяли; пещеры, надъ которыми бы висѣли страшныя каменья, и мнимымъ паденіемъ своимъ прохожихъ устрашали; бушующія моря, кипящія волны, громъ, дождь, снѣгъ, вихрь, бури, и прочее многое, чего наизусть пересказать не умѣю. Да только надобно, примолвилъ онъ, что бъ кто нибудь, написалъ что ни есть драматическое, и помѣстилъ мои описаніи дикарацій шуда. Главное то я уже сдѣкалъ; а недоспашъ бездѣлицы, словъ. О! конечно бездѣлицы, отвѣчалъ я; но для чево вы не выберете лучшаго упражненія? У насъ множесшко дикараше-

ровъ, а вы не болѣе какъ любишель; вы бы лушче начали сами какую нибудь драму . . . да я и примусъ за это; но только тогда, когда сдѣлаю описание дикораций для цѣлыхъ пяти дѣйствій; ибо гораздо труднѣе въ этомъ успѣшь, нежели въ драмѣ. Вы безъ сомнѣнія знаете что *Великій Корнелій*, *Расинъ* и другіе были лушчіе пеашральные писатели; но дикораций во всѣхъ ихъ піесахъ очень не хороши. Теперь у меня предпріятие достойное великаго ума: на одной дикорации хочу я помѣстить подзорной дворецъ, конюшенной дворъ, пульковскую гору и всю царскосельскую дорогу. Это нѣчто великолѣпное будетъ, и побѣжалъ оно мнѣ съ восхищеніемъ. -- О великий умъ, сказалъ я, для славы отечества нужно поддержать шебя !

У окошка мосго остановились два молодыхъ человѣка: Бога ради, говорилъ одинъ другому, займи ты чѣмъ нибудь ея мужа; мнѣ нужда поговоришь съ нею. Ты знаешь, что я ея обожаю, а влюбленной и тогда найденъ тысячу причинъ спрашивашь, опѣчашь, клясцися и увѣряшь, когда все можно рѣшишь двумя словами. Она ко мнѣ

неравнодушна, я тебе уверяю. Можетъ быть два часа посвященные мною ей, сдѣлаютъ меня щасливымъ на всегда. Мужъ ея охотникъ говоритъ о политическихъ дѣлахъ; одни вѣдомости наполнены вздору и невѣроятности, займутъ ево столько, сколько тебѣ будетъ угодно говорить объ ихъ. Я подойду къ ней, предложу ей чашку чаю, она пойдетъ со мною въ кофе, и по томъ . . . другой выслушалъ просьбу первого и пошли въ садъ.

Что то выдѣлъ, думалъ я. Ежели совершился предпріятіе двухъ друзей, что волокина съ красавицей пойдетъ мимо моего окошка, и я постараюсь подслушать ихъ разговоръ. Чипашель! ты назовешь меня негодницей; но я тебѣ скажу словами фигаро: что бѣ услышашь, что надобно подслушашь; вѣ прощемъ уверяю тебя, что я кромѣ тебя ни кому объ этомъ ни слова не скажу.

Уже начинались сумерки, и я невидаль ни молодого человѣка, ни добродѣтельной супруги. Неуже ли, вскричалъ я съ горячностью, эша женщина не выдержитъ своего каракпера, и упустишь случай быть

благонравною и цѣломудренnoю женою? Это бы была шакая новость, копорая бы обезобразила весь 18й вѣкъ... время спа-новилось шемиѣс: вдали увидѣлъ я молодаго человѣка ведущаго женуцину подъ руку: это были дорогие любовники, и я не ошибся въ нихъ; они подходили ближе къ моимъ окошкамъ и пробирались къ лѣсенкѣ, по ко-торой въ кофейной ломъ входяшъ, не опасаясь быть обезпокоенными. Наконецъ осстановились.

Ахъ, душа моя, сказала красавица, какъ ты не терпѣливъ! положимъ, что мужъ мой набитый дуракъ, который по-лагаетъ на мою вѣрность; который на всѣ мои покушеніи смотритъ въ лорнешъ: но совсѣмъ шѣмъ онъ могъ иначе замѣтишь. Когда ты говорилъ, искры на гла-захъ, трепещаніе твоего сердца, робость, неразвязанность, были въ тебѣ съ лицомъ явны; и одно, что не дозволило ему при-мѣтишь твоего смященія, это было то, что онъ горячо утверждалъ, что изъ двухъ воюющихъ государствъ, одно другое побѣ-дитъ. Ахъ какъ онъ смѣшонъ, жизнь моя!.. но я, я не забываю ли своей должностіи?

Г

Не дѣлаю ли я того, чио . . . чио должно
дѣлать благоразумной женыцинъ, прервалъ
волокита. Не уже ли мужъ съ приобрѣше-
ниемъ ширанскаго права владычествовать
надъ женою, получаешь право и быть лю-
бимымъ? . . . Не уже ли цѣломудріе? . . .
И чио шакое цѣломудріе? Слово пѣданьши-
ческое. Такъ, сударыня, мужъ имѣєшъ до-
вольно грубое надъ вами, чио называемъ
васъ женою. Это дерепъ уши просвѣщен-
наго человѣка . . . и для того то, сказала
красавица, я на трехей день моего заму-
жества разрушила это варварское прежюже;
а въ проищемъ . . . а въ проищемъ, перехва-
шиль онъ, какое различіе между имянемъ,
мужа и любовника! какое несходство на-
слажденій по должности и по любви! . . .
одинъ, повелѣваешь, принуждаешь и испол-
няешь; другой, угождаешь, просишь и на-
блюдаешь во всемъ спрогое равновѣсіе;
первой ширанъ; другой рабъ; первой лю-
бивъ только, ежели любимъ; другой обо-
жасишь; и это исшинна. -- Красавица мол-
чала: волокита лобызаль руки; и только
чуши сплѣлись уста съ ушами, какъ ро-
бочій мужикъ изъ окошка нечаянно опраки-

нуль на нихъ кувшинъ не знаю съ чѣмъ
шо. -- Облишыя, вѣ себѣ, оба, у коихъ
простакъ сладчайшія минуты вѣ жизни о-
шравилъ грубою машеріею, удаляющія отъ
окошка къ каналу; проклинаютъ невиннаго
Проспѣка, и не знаютъ чѣмъ помочь себѣ.
Работникъ, которыи посредствомъ крика
ихъ, увидѣлъ нечаянное свое дурачесиво,
сказалъ хладнокровно: эка! облилъ . . .
сожалѣя о дурномъ успѣхѣ влюбленныхъ,
я улыбнулся и ошошелъ отъ окошка.

Къ Читателю.

Ошврати, любезный чишатель, на нѣ-
которое время взоры свои отъ описанія
моего и позволь себѣ попросить объ одной
мѣлоче, которою ты меня одолжиши. Не
справедливо ты судишь спанешь, обидиши
меня, ежели подумаешь, что я описываю
лица, а не пороки. Тотъ медикъ худо
знаешь свою должностъ, которыи по одно-
му страждущему горячью, судишъ, что
цѣлый міръ болѣнъ; и онъ ни когда не до-
стигнешь цѣли быть полезнымъ, когда ре-
цепты свои употребляшь спанешъ для из-
требленія больнаго; а не болѣзни. Сравнимъ

сънимъ и сапирика: его должностъ осмѣшевать не лица удрученныя слабостями и пороками, яко дѣйствіе; но слабости и пороки, яко причину. Ежели охопникъ ты читашъ, шо еще меня увидаша предъ своими глазами. Понравлюсь тебѣ, ты скажешъ: хорошо! не понравлюсь; скажешъ: худо! -- и прервемъ наше знакомство. Между тѣмъ, ежели не усталъ, прочти мой вечеръ; скажи же почувствуешь наклонность ко сну: шо увидаши, что я другимъ писалъ съ успѣхомъ подражаю.

Вечеръ.

Тишина повсюду воцарилась: не слышиши съенанія гонимаго, ни боля удрученнаго бѣдствіями. Скардный кащѣй зариаешь двадцатью замками свое богатство, свою душу; препещешь о будущей ихъ судьбѣ, преклоняешь предъ ними колѣно свое, лобызаешь замки и печати, и наполненный тысячи сомнѣній засыпаешь въ объятіяхъ муки, страданія и отчаянія; безмозглый пепимешъ не радишъ уже о чоскѣ своей, которая при солнечномъ блескѣ сошавляла всю великость души его, хра-

бросить сердца и цѣну всѣхъ его до-
стоинствъ; Несправедливый судія занятый
будущимъ упромъ, въ которое увидишъ
тысячу чelобищиковъ съ дарами, потя-
гаешься на мягкой постѣлѣ, зѣваешь съ оп-
мѣннымъ вкусомъ и засыпаешь; Мнимый
политикъ насаждаетъ въ воображеніи сво-
емъ множесшво плановъ къ потрясенію Ев-
ропы: сыплешь злato, покупаешь низкія
души, вывѣдываешь шаинство дворовъ,
 обращаешь слабости ихъ въ свою пользу;
налагаешь подати на народъ, надѣваешь
уэду на слѣпопу сихъ нещастныхъ, соору-
жаетъ на шрупахъ ихъ свое могущество,
и предаешься спокойствію, которое далеко
ошъ него отлѣшѣло; призываешь нѣжнаго
морфъя: онъ ему не внимаетъ; грызешь
перья, дерешь бумагу, и болѣе разтерзан-
ный самимъ собою, совѣстю, низвергается
на диванъ, и упомленный, спавшийся
не движимъ; Воинъ изощряетъ мечъ свой,
разсматриваетъ адскія орудія, изобрѣ-
шаешь новый способъ, которымъ бы удоб-
нѣе можно было поразить тысячи людей,
и снискать славу и ощличіе, кошорую му-
дрецъ называетъ мечтою; и храбросшь,

которую именуютъ зѣрствомъ; мудрый, кроткій, добродѣтельный государь пожи-наетъ драгоцѣнныя плоды своего поле-ченія о благополучіи ввѣрившагося ему народа; улыбка ихъ, его вѣнецъ; спокой-ствіе ихъ, тронъ его; благосостояніе ихъ, его порфира. Слезинку народа почитаешь онъ своею кровью. Онъ внимаетъ глазъ сердца ихъ: да здравствуешь государь бо-гобоязненный, мудрый, кроткій, милосер-дый! радостные слезы орашаютъ ланиши его; благословляешь труды свои на благо народа подъяпые; книга совѣти и закона ошверстая предъ нимъ: возхищаешь на-черпавая милосердіе народу; препещешь наказывая преступленія ихъ . . . да не во-спрѣмлю на себя власти боговъ, вѣщаешь онъ: они сушь судіи дѣяній человѣческихъ; бросаешь перо свое, дерешъ начерпанную хартию, лѣпъ слезы . . . слышишь гласъ разума: ты прямо человѣкъ! . . и морфей осыпаешь его маковыми цвѣтами; . . Жесно-косердый ширанъ предиринимаешь опѣять чуждыя вѣнцы, украсить ими чело свое, на которомъ напечатлѣнны кровью преступле-нія его; вычишаешь побѣды свои, и не видя

мрака, окружающего все помышленья его, мнишъ узрѣть себя одѣяннаго во славу, облѣкнись въ пресипуленія, ужасъ и содроганіе; осклабленисѧ, производя страхъ въ подобныхъ себѣ, и съ гордою улыбкою восхищаетсѧ, что онъ шигръ. Совѣсть, разумъ, разсудокъ, потрясающъ всю внутренность его; личина осльпленія съ него низпадаетъ; онъ низвергается къ подножію престола своего, окропляешь его слезами; спеняще, смущенъ, разшерзанъ, познаешь себя рабомъ своего величія; ужасъ, пищею; народный стонъ пиніемъ; реветъ яко хищный звѣрь, и сонъ, другъ спокойствія, несмѣешь прикоснуться къ нему; — Скромный волокиша напѣваешь шомныя пѣсенки Юліи, получаешь въ награду презрѣніе, и готовившись пересказать по утру, что онъ щастливъ въ своей любезноти; Вѣтрана усыпляешь съ горячностию мужа въ своихъ обѣяшіяхъ, впускаешь полегоньку любовника, провождаешь съ нимъ нѣсколько часовъ, и представляешь супругу своему каршину чужой работы за его оригиналную; Театральная Мукреція проходитъ съ малодымъ любишелемъ наукъ трудную свою

ролю, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будеть имѣти чеснѣкъ представить публикѣ свои успѣхи; Карточный игрокъ готовиши къ упру отборныя карты, и другіе плоды высокихъ своихъ знаній, и намѣреваешь оправиши въ магистратъ двухъ несмыслиленихъ проспячковъ; *Девуличинъ* обдѣльваешь свою маску, что бъ проповѣдывашъ съ успѣхомъ свое чистосердечіе, набожество и чеснѣкъ, которыхъ онъ ненавидишъ; Крошкій и благовоспишанный сынъ снисниваешь у отца своего довѣренность, и съ помощью разума извлекаешь изъ его кармановъ деньги, что бъ по разсвѣтѣ употребишь ихъ въ пользу бѣдныхъ женщинъ, которые подъ вечерокъ прохаживающіяся по улицамъ, и упомленнымъ благотворителемъ предлагающія у себя ошдохновеніе; Докторъ даетъ капли больному, что бъ по упру сказать торжественно, что ни одинъ изъ больныхъ его не спасся отъ смерти; *Карикатуркинъ* сочиняешь обширный планъ комедіи, что бъ возбудить публику отъ сна, которыми услужилъ ей первыми своими сочиненіями; Книгопродавецъ собираешь подписку на новое сочиненіе, послѣ чего

торжественно признается, что въ последней разъ публику обманула; Великий отрасль Евскулапія сочиняшъ книгу объ отращеніи отъ животныхъ заразищельной болѣзни, и доказываетъ, что предлагаемымъ средствомъ и самъ онъ отъ ней избавился; Парнасскій шмѣль готовиша крашкое и не болѣе какъ въ 30 листовъ предисловіе, къ своей оперѣ, въ кошоромъ охуждастъ зришель и Актеровъ, ч то первые ее неприняли, а послѣдніе не шакъ играли; Профессоръ Кабалистики выдумываешъ новый родъ шаинспинныхъ знаковъ, которыми бы легко можно было опорожнить карманъ искренняго своего друга; Миниатюркинъ предпринимаетъ снова уронить Рихардсона; а на сей конецъ и готовишься выдать небольшій романъ въ 24 тома въ листъ; Цапато уверяешъ жену свою, ч то ни за ч то болѣе не османется съ нею, когда приѣдуши къ ней се Меценаты; и ч то сего требуетъ благоразуміе и добroe имя, сдѣланное имъ въ публикѣ; Старовѣка вымыслишъ новый составъ загладишь морчины и пяшина, наложденныя на лицъ ея времянемъ; я докажу, говоришъ она, крагамъ своимъ, ч то мнѣ

не болѣе 18ти, когда точно за пятьдесятъ лѣнъ; Нелостолна съ неограниченюю нѣжноситю ласкастъ старого своего Аргуса, дабы высосанъ послѣднѣе изъ кармановъ его, и послѣ прожилъ ихъ съ молодымъ офицеромъ, которыи далъ ей честное слово быть вѣрнымъ до толѣ, пока у нея будуть деньги; Разтачиловъ выдумываетъ какъ бы по утру сказать своимъ заимодавцамъ самыми учтивымъ образомъ: пожалуйте послѣ завтра; Невинная Агнеса стонетъ разсматривая черты своего невѣрнаго; оплакиваетъ, что третій годъ уже, какъ имъ обманула, и желаетъ вѣчно обманываться; Притвора смотритъ на мужа вниманиемъ, взираешь на черты своего сына, и удивляешься грубому несходству, относя сїе на счетъ незнанія въ рисовкѣ одного кавалериста; -- Единый мудрецъ, испинный другъ человѣчества, предаешься спокойно сладчайшему сну; въ пишинѣ благословляетъ онъ государя мудраго, крошкиаго; и пренебрегаетъ кровожаждущаго мучителя. Онъ дерзаетъ напомянуть судиѣ его пристрастіе и безчеловѣчіе; вельможъ, его слабости и заблужденія. Не ужасаетъ его ни

ненависть сильныхъ, ни гоненія знатныхъ; въ хижинѣ, окруженній гонипелями, вошелъ онъ въ пользу испинны; лишенный свѣта, въ самомъ мракѣ находишь онъ свѣтъ немерзаемый; въ самомъ заточеніи свое величіе; добролѣтель и испинна покояшъ его на лонѣ своемъ. Подобно сократу безъ препеша піешъ онъ чашу смертоноснаго яда, и будучи въ объятіяхъ смерти, спасовишся превыше своихъ гонипелей, и почтеннѣе изпредищеля человѣчества наимянованнаго великимъ.

Здѣсь, чишашель, позволитъ мнѣ оспа-
вить себя въ покоѣ; проснувшись пред-
ставлю ему ушро и другія примѣчанія.

Александръ Клушкинъ.

РОМАНСЪ.

Меналькъ мой безъ подружки
Груслилъ и вздыхалъ;
И щещетно онъ пасипушки
Сердечко предлагалъ.

Темира не хотѣла
И слушать ни чѣго;
Любила; . . но умѣла
Скрыть слабость отъ него.

Хоть любяшъ да играюшъ
Такъ хитрыя сердца;
Хотяшъ; . . но удаляюшъ
Желаній отъ конца.

Случилося пастушкѣ
Подъ кустикомъ заснуть,
Не о своей подружкѣ,
О миломъ воздухнуши.

Зефиры дерзновенны
Во кругъ ея резвясь,
Опкрыли драгоценны
Всѣ прелѣсти для глазъ.

Меналькѣ туда несется
Какъ легкій вѣтрокѣ;
Все видишъ; . . весь трясеется,
И миши сорвать цветокъ.

Но робокъ . . . не коснулся,
Лишь ручки целовалъ;
Божокъ сво проснулся
И съ шомношью сказалъ:

Въ твоей, жестокий, волѣ,
 Такъ прочь отсель поди . . .
 Ахъ нѣтъ! . . . шы видѣлъ болѣ;
 Оспанѣся . . . не ходи.

А Ключицъ.

Ода Анакреонтическая.

Вчера на травкѣ изпещренной,
 Когда спокойствіо я вкушалъ,
 Военной славою прельщенной
 На бранѣ мысленно лепталъ:
 Хотѣлъ пить здимо пораженъе;
 Градовъ во прахѣ преображенъе;
 Враговъ льющуюся кровь;
 Но только лишь настроилъ лиру,
 Воспѣлъ я иѣжину Темиру,
 Воспѣлъ ся ко мнѣ любовь.

Преспань, не время ей прельщаця,
 Пой славу храбрыхъ Россіанъ;
 Заспавъ вселнну удивляясь,
 Какъ гордый Гопфъ, Селимъ попранъ;
 Какъ слава испиннѣ внимая
 Огнь, воздухъ, тучи разсѣкая,
 Паритъ ко облокамъ съ трубой:
 Но лиру лишь тронулъ перспами,

Въ тошь мигъ увидѣлъ предъ глазами
Темиры образъ дорогой.

Сей образъ нѣжный, драгоцѣнныи,
Коморыи я на вѣкъ прельщенъ :
Безмолвныи, спраспныи, возхищеныи,
Въ мигъ спалъ я славы удаленъ .
Ахъ! не въ моей уже то волѣ
Героевъ подвиги пѣть болѣ,
Сей пушъ другимъ оставлю я. --
Когда съ Темирою бываю,
Не славу, міръ весь забываю . . .
Миѣ слава: нѣжный взоръ ея!

Кіччили.

Сказка олекунъ и питомица.

Въ глубокой старости, когда мы ощущаемъ,
Что въ сердцѣ нѣжномъ замерзаетъ
кровь ;
Когда для женщинъ мы , такъ молвишь,
умираемъ ; -
Когда бѣжишъ отъ насъ любовь :
Тогда не рѣдко мы любовью стараемъ,
И спонемъ опѣ ся цѣпсй ;
Чево хотимъ, не знаемъ ;
Но въ слѣдѣ бѣжимъ за ней.

Читашель что найдешъ въ моемъ изображенъе:

Герой мой былъ спарикъ! . . какое заблужденье!

Онъ Лизинку пойлъ,
Кормилъ,
Влюбился.

Иной бы въ старосини любви своей спыдился.

Спарикъ мой модъ подражалъ
И шѣмъ, что Лизу обожалъ,
Гордился.

Успѣхи ли въ любви Герой мой находилъ,
Иль Лизинъкъ пропивенъ былъ;

Но сколько говоришь съ другими заирелилъ,
И вотъ что ей о томъ твердилъ:
Не знаешь ты съшай, кошоры разспа-
вляюшъ

Молодчики, мой ангелъ, вамъ;
Хотя наружно обожаютъ
И съ кляшвой увѣряютъ,
Что васъ всему предпочитаюшъ:

Но въ сердцѣ, мнѣ повѣрь, иное ощущаюшъ.
Не вѣрь шы, ихъ словамъ!
Самъ дьяволъ ими водишъ,
И виды въ томъ находишъ,
Что бъ Адскимъ васъ предать огнямъ.

И есни ли хочешъ ты ихъ избѣжать
обману,

Такъ дѣлай съ ними то, чпо говоришъ я
спану:

Хошь какъ бы кто тебъ ни лъстилъ,
И какъ бы онъ съ тобой ни гово-
рилъ,

Не отвѣчай ему ни слова;
Лиши эшимъ будешь ты щаснила и здо-
рова.,

Слова тѣ Лизинъка вняла,
И какъ хотѣлъ спарикъ, она себя вела.
Дней нѣсколько прошло, въ садѣ Лизинъка
хотѣла:

Была въ саду; такъ что жъ?
Она лишь на другихъ смотрѣла.
Любинъ хотѣлъ нѣженъ, милъ, хо-
рошъ;

Хошь Лизинъка сво любила;
Однако жъ съ нимъ не говорила.

Молодчикъ мой взыхалъ,
Любовный вздоръ болталъ,
И руку цѣловалъ;

Однако же въ отвѣтъ ни слова не слыхалъ.

Сперва рѣшился
Что Лизинъка нѣма:

По томъ смекнулъ, и далъе пустился.

Другое скажушъ: онъ сошелъ съ ума!

Ахъ нѣтъ! за умъ хвашился.

Да Лизинька шого жъ хотѣла и сама.

И что бы сдѣлалъ онъ за грѣхъ?

Чево Любинъ хотѣлъ, то пища всѣхъ.

Пошла домой и спарику сказала,

Что наспавленіи ево всѣ исполняла;

Спарику доволенъ эшимъ былъ;

А на другой день бышь и свадьбъ поло-
жилъ,

И Лизинька ему шово не воспретила.

Прияшенъ спарику красавицы ошвѣшъ!

Онъ свадьбой торопился

И вдругъ женился.

Но чпо жъ? Ахъ Лизинька! ты точно го-
ворила . . .

,Ей Богу нѣтъ.

A. Крашеник.

Е П И Г Р А М М А.

Съ начала лѣтъ моихъ красавицъ я лю-
билъ;

Но небылъ твой Любимъ, которой непла-
шилъ.

Д

ЖИВОПИСЕЦЪ.

Меналькъ художникъ былъ, Меналькъ любилъ
науки:

Хотя не зналъ любви, любви не убѣгалъ.
Кто можетъ занять бышь, не знаешь
вѣчно скуки.

Меналькъ мой былъ шаковъ, былъ веселъ,
не спональ.

Но чемъ онъ заняшь былъ? Любилъ изо-
браженья:

Увидѣлъ Вареньку, списалъ ея черты;
Хотѣлъ си чувства дашь, вкусъ нѣжный,
красоты,
Взоръ острый, тонкій умъ, всѣхъ прель-
сипей смѣщенья:

Въ ней не было шого; онъ не хотѣлъ
польстить.

Увидѣлъ Дашиньку . . . хотѣлъ; да много
чести;

Да я же вѣдь сказалъ, что онъ не любишь
леспи.

Не хороша; шакъ чпо жъ? Не всѣмъ хо-
рошимъ бышь.

Увидѣлъ Лизеньку . . да съ слишкомъ мол-
чалива;

Чрезмѣрно набожна, безъ милости скромна,
Не связана, робка, при томъ самолюбива;
При томъ же, говоряще, не такъ по и
умна.

А дурѣ не любишъ онъ . . . не захоща
шрудится.

Такъ что жъ ему начашь? Описывашъ
цвѣты:

Нашолъ лѣсокъ, нашолъ тамъ розовы
кусты.

„Здѣсь шихїй ручеекъ къ источнику спре-
мися,

„И услаждая слухъ, межъ камешковъ жур-
чашъ;

„Здѣсь, кажется, любви Сапфирный тронъ
споишъ,

„Который пастухи съ пастушками воз-
двигли . . .

Сказалъ, раздался звукъ, и вѣтерки уши-
хли. ---

Замѣшилъ розу онъ: вотъ нѣжный мой
цвѣтокъ!

Живишъ его заря, лелѣешъ вѣтерокъ ---

Меналькъ сорвалъ цвѣтокъ: но что очъ
шутъ воображалъ?

Что въ сердце чувствовалъ, и что тогда
сказалъ?

Когда въ природѣ есть споль нѣжныя ра-
спѣнья,

Что бы пленять нашъ взоръ вливая восхи-
щенія:

Паспушка стало есть . . . смущился, про-
должалъ;

Но должно что бѣ она всѣ прелѣстї
имѣла;

Что бѣ черные глаза, улыбка, оспрый
взоръ.

Что бы въ безмолвїи самомъ пленять
умѣла;

Что бѣ не хотя прельщать, но всякимъ
бы владѣла;

Что бѣ въ чешверть шалойка; что бѣ пре-
лестей соборъ;

Что бѣ, хоть хошлось ей, казалось, не-
хошѣла;

Что бѣ ножка малинька и грацій башма-
чокъ;

Что бѣ банщикъ розовой, въ вершечикѣ ка-
блучокъ;

Что бы, когда она на играхъ разрез-
вилась,

Владѣла всѣми бы; но шѣмъ невозгор-
 дилась;
 Что бѣ щочки розовы и груди бѣлиз-
 на . . .

Такъ словомъ хороша, какъ нѣжная вѣсна.
 Сказалъ, и вѣ пушь пошелъ . . представи-
 лась Темира:
 Аврора передъ ней казалася сатиръ;
 Сравнившись Фебъ не смѣлъ, свѣшило гордо
 міра . . .

Любовь, былъ взоръ ея, дыханіе, Зе-
 фиръ . . .

Меналькъ оцѣнѣлъ: Меналькъ вздохнулъ,
 смушился;
 Хотѣлъ писать портрѣшъ, но чувствія
 лишился.

Конечно роза ей моя принадлежитъ!
 Къ Темирѣ бросился; но робокъ, не бѣ-
 житъ.

Напрасно . . пушь любви божокъ ево на-
 спавилъ;

Онъ розу взялъ къ себѣ, а сердце ей
 оспавилъ.

НОЧИ.

Часъ было за полночь . . . природа уснула . . . городской шумъ утихъ . . . и люди кажеся перестали дурачишся, или по крайней мѣрѣ рѣшились, до утренней зари дурачишся шихомолкомъ. А я, казалось мнѣ, что я одинъ не спалъ. и окружающее меня глубокое молчаніе подавало мнѣ случай къ размышленіямъ.

Сїя темноша, такъ началъ я свое размышленіе, кажеся нарочно для того есьть въ природѣ, что бы унижать гордость человѣческую, и помрачать мнимыя дарованія и прелести, которыя блестали во время прошедшаго дня. Человѣкъ! . . . хочешь ли ты видѣть себя, свою ничтожность? дай зайши солнцу, и человѣку сняТЬ съ себя постороннія украшенія, которыя не принадлежать ему и ко которыхъ одно его дѣлъ ское честолюбіе себѣ присвоило.

Гдѣ теперѣ тотъ пышной вельможа, которой за нѣсколько передъ симъ часовъ заставляль мирѣ думашь, что въ рукахъ ево находишся спасеніе всѣхъ восми планетъ, и съ ихъ спутниками; который самъ дѣлалъ видъ, что онъ ево только

мановенія зависиша переспавиша созвѣздіе
скорпіона на мѣсто созвѣздія тельца; и съ
кошорымъ встрѣчаясь подлыя его льстцы
съ набожностю глошали пыль воздымаемую
позлащенными колесами ево кореты . . .
гдѣ онъ? . . . Его Превосходишество,
валясь въ пышныхъ пуховикахъ, изволитъ
заниматься хорошими сновидѣніями; между
тѣмъ какъ Секретарь его готовитъ сму-
къ завшрему политической разсужденія, ко-
торая конечно выдастъ онъ за свои; ибо
сей господинъ уже привыкъ думашь Секре-
тарскою головою, которая есть ево душа,
а вельможа сей ее шло; и такъ онъ осно-
вательно можетъ сказать во извиненіе без-
перерывнаго своего сна: духъ бодръ, но
плошь немощна, то есть: Секретарь рож-
денъ обдумывать; а я подписывать съ про-
сонья ево мысли.

Гдѣ ша обольщающая красавица, за ко-
торою гонялись спада волокищъ; которой
розовыя уста приманивали къ себѣ тысячи
поцѣлусевъ, а нѣжная грудь вливала томныя
желанія въ юныхъ сердца, и даже самыхъ гру-
быхъ филозофовъ заспавляла желать рож-
дений новаго праксимеля и фидія; которой

шомныя глаза всякимъ взоромъ означали, что сердце пашетъ въ ней отъ у doloris; кося тонкой лгткой станъ и прекрасная ножка заставляли стихошворцевъ думать, что, или Венера буде пъ имѣть скоро четыре граціи, или одна изъ нихъ лишился своего мѣста, дабы уступить своеей красавицѣ . . гдѣ она? . . Она спишь, и всѣ ес прелесши разкладены на уборномъ споликѣ: прекрасные зубы ее лежатъ въ порядкѣ близъ зеркала, голова се шакъ чиста какъ рѣпа; а волосы, кошорымъ удивлялись, висячи осторожно иакинутые на зеркало; нѣжной румянецъ ее и плѣняющая бѣлизна спояты приготовленные къ упру въ баночкахъ; между тѣмъ какъ она походитъ на брошенную въ постель мумію. Грудь ее присохла къ коспямъ, а подставная покоится въ сохранности вмѣстѣ съ корсетомъ. Гдѣ же всѣ прелести, кошорые заставляли о ней кричать? Гдѣ тѣ приянности, тѣ доспоинства? Магниты привлекающія къ ней сердца молодыхъ воздыхателей? . . О! они и теперь на лицо разкладены въ кошелькахъ и въ записныхъ книгахъ, на се уборномъ споликѣ.

Не подумай однакожъ, любезной чиша-
шель, что госпожа эша скудна разумомъ.
Есть ли бы и случилось кому покрасить ее
прелесши, то осталось у ней еще одно
очарованіе, прошивъ котораго никакое ны-
нѣшняго свѣща сердце не устоишъ: красно-
речіе: вонъ се сильнѣйшее оружіе: она
превозходитъ имъ сочинителя новой елои-
зы. Письма къ се любовникамъ очень убѣ-
дишельны; хощя, правда, всѣ они на одинъ
образецъ; ибо начинаются такъ: обѣявши-
лю сего плашимъ государственный заемный
банкъ и пр. Воскресни руско! подобно ма-
гометову ощцу на одинъ только часъ, и
увидъ свою побѣдишельницу, а есъ ли ты
шоль оправженъ, чпо вздумашъ споришь
съ икою въ преимуществѣ красноречія; то
выслушавши на одну доску письма швоей
елоизы и моей; и я ручаюсь, что послѣд-
нія спанушъ торжествовать, и чпо за
нихъ ухващаюся всѣ, не выключая Акаде-
миковъ и самаго тебя.

Гдѣ тепѣ щеголевашій господчикъ, обѣ-
шанный золотыми цѣпочками, унизанный
бриллиантовыми перстнями, который цѣ-
лой день катаясь по городу въ щегольской

корешы, кажешся имѣлъ усердное желаніе всѣхъ пешеходцевъ душишь пылью и спа-
рался поспѣшь вдругъ въ шрилцашь мѣстѣ,
не бывъ ни гдѣ надобенъ. Еще не-
прошло пяти часовъ, какъ въ кружку ще-
голихъ божился онъ, что изрубилъ всю Ту-
рецію, съ великимъ жаромъ увѣрялъ, что
онъ съ такою же проворностю перерубли-
ваешь людей, какъ проспникъ, и сожалѣлъ
для чего незаведупъ у насъ войны со сло-
нами, гдѣ бы могъ онъ пощеголять свою
саблею; безъ ушали изчищывалъ онъ свои
побѣды и тысячами поминалъ своихъ уби-
тыхъ. Надобно отдать справедливость
сему молодому храбрецу, что онъ самую
оправдную ложь занюхивалъ иногда таба-
комъ, но не краснѣлъ никогда. Гдѣ же
онъ? . . Гдѣ рѣвой языкъ его, кошорымъ
могъ онъ переговоришь, еспь ли дозволять
употребиши такое смѣлое и сумнишельное
сравненіе, самую проворную говорунью, и
гдѣ блесщающая его пышносТЬ? Онъ спитъ
въ мягкихъ пуховикахъ; подлъ ево лежишъ
апеспанъ данной ему ево лядюшкою о
храброспи ево оказанной такого то числа,
а подлъ апеспана развернуша записнаѧ

его книжка, въ которой видно ясно какъ день, что того числа за спо верешъ отъ сраженія, находился онъ для любовнаго приключенія; ибо молодой эшотъ человѣкъ любишъ порядокъ и ведеть всѣмъ своимъ дѣламъ вѣрную записку. Чипашель вспомни, что онъ былъ днемъ, сравни языкъ его съ его постелью, и ты увидишь, что онъ лжетъ какъ храброй человѣкъ, а нѣжишся какъ женщина. Гдѣ же его богатство, которое какъ сказывають, нажилъ онъ на щетъ побѣжденныхъ имъ неприятелей? О что до эшаго, то къ ушру же поршной, сапожникъ и другіе ремесленники собираются засвидѣтельствовать въ магистратѣ, съ какою неустрашимостью подписывалъ онъ векселя, которыхъ ни въ двести лѣтъ оплашивши небудешъ въ состояніи; а наемной кучеръ его съ щегольской корешою и лошадьми, коими пускалъ онъ городу пыль въ глаза; эшотъ удалой кучеръ, говорю я, дожидаясь съ неперенесимъ ушра, хочетъ оказать ему послѣднюю услугу, и опвезти сво въ магистратскую тюрьму.

О благошвирная ночь! продолжалъ я свои возклицаніи, чѣмъ не обязанъ шебѣ человѣкъ!

вѣкъ, кошорой умѣеть тобою пользоватъся? Ты прохлаждая сво природу успокоиваешь и возраждашь ее; ты обнажая смертнаго, кошораго гордость принуждаешъ починать себя превыше человѣковъ, напоминаешь ему, чѣто и онъ такое же слабое твореніе, каковыхъ милюны имъ презираемы, и чѣто онъ отличенъ отъ другихъ людей единою своею гордостью. Ты каждымъ своимъ пріешествіемъ къ намъ напоминаешь намъ вѣчность, бывъ сама изображеніе оной; подобно какъ сонъ приносимый тобою, еспѣ изображеніе смерти. Такъ; всякое возвращеніе твое къ смертнымъ еспѣ наспавленіе имъ, и отъ нихъ только зависишъ пользоватъся.

Гордой городской житель! еспѣ ли тебѣ случиша бытиѣ быть ночью на великолѣпнѣйшей площади; окинь взоромъ вокругъ себя, сравни, еспѣ ли ты можешь, между собою пышныхъ зданій, твоихъ согражданъ, и покажи мнѣ, когда смеешь, различіе между убогимъ шалашемъ и огромными черпогами гордости.

Гдѣ пышныхъ зданій, за нѣсколько передъ симъ часовъ удивлявшія мимохожихъ;

и наружностию коихъ гордилось цѣлое государство? . . Наступила ночь, и сравняла ихъ съ шалашами убогихъ. Смершный! вошъ изображеніе твоихъ дѣлъ; вошъ изображеніе того, какимъ образомъ вѣчность сравниваетъ честолюбивые твои подвиги съ ничшожествомъ. -- Обратимся къ прошедшемъ вѣкамъ и мы увидимъ, что вѣчная ночь сравнила гордыя и пышныя монархіи съ убогими ихъ соцѣдствами; такъ какъ ночь сравниваетъ великолѣпныя зданія съ низкими хижинами. Едва помнить мѣсца, гдѣ спояли великолѣпныя города; подобно какъ проходя ночью городомъ, съ трудомъ можно означить мѣсто гдѣ еспь богаюое зданіе.

Что же есть достойного человѣка? Что можетъ онъ произвести неподверженное разрушению вѣковъ? Ево слово, ево мысли; вошъ одно твореніе дающее цѣну человѣку, и избавляющее ево отъ совершенного разрушения; вошъ одно произведеніе которое борется съ вѣками, преобразуетъ ихъ ядовитость, торжествуетъ надъ ними и всегда пребываешь споль же ново и сильно, какъ и въ шу минушу, когда рождено оное

человѣкомъ. Сильнейшія Монархіи пали, изчезли съ ними полки мнимыхъ героевъ; идолы народа; все разрушаєтся: владѣнія и плѣмна изчезають; на что ни обращимъ взоры, все скорыми шагами шечеть къ своему ничтожеству; но Орфей и Гомеръ цвѣтущъ, и гласъ ихъ споль же плѣняющъ и чувствишилъ, какъ и въ ту минуту когда онъ ими произносился. Сколь превозходна и опмѣнна живая слава ихъ, ошъ мершвой славы мнимыхъ героевъ: послѣдний умираешь для всего свѣта; и двухъ вѣковъ довольно дабы изгладить слѣды его пребыванія и смѣшать ихъ съ баснею; но первый по смерти живешь, и слово его, подобно безсмертному луху, имѣетъ даръ нераздѣляясь, во многихъ мѣсахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ торжествуя надъ смертю, ложаешь право говоришь съ позднѣйшимъ своимъ попомспомъ.

Тебѣ о нощь! бываешь часто долженъ онъ произведеніемъ своихъ мыслей; и когда одѣешь ты небеса мрачнымъ покровомъ и усыпишь природу, онъ тогда ввѣряешь тебѣ размышенія свои. Не видя

во кругъ себя ничего кромъ разсѣяннаго
мрака приводящаго слабоумному сонъ а
мудрецу размышенія, дѣлаешь онъ судъ
надъ человѣчествомъ: кажется что онъ
одинъ остался тогда во вселенной, и чѣм
гордость и насилиствіе недерзаютъ нала-
гать оковы на его мысли, ~~которыи~~ толь-
ко тогда нравоучительны безъ подозрѣнія,
когда слѣдующъ они своему собственному
спремлению, не управляемые ни спрахомъ,
ни пресмыкающеся лесшю; иначе нравоу-
чишель есть скопецъ проиводящій дѣв-
ство, коего скованы насилиствомъ чув-
ства не подражаніе, но посмѣяніе себѣ
производяще.

Но когда шы, мрачная спутница размыши-
леній, ночь, бываешь свидѣтельницею, что
не корыстолюбіе и лесть заставляютъ его
раждать славу героевъ; но добродѣтель и
премудрость ихъ; тогда нравоученіе его
извлекаемое изъ великихъ дѣлъ ихъ чисто,
и свободно; тогда возбуждаешь онъ сердца
удивляясь себѣ, и подражать добродѣте-
ли воспѣтыхъ имъ героевъ; тогда . . .

Вдругъ отворилось окно въ моей комна-
щѣ, и женщина лѣтъ подъ сорокъ, сидѣ-

шая на серебреной рогатой лунѣ, спустилась по воздуху ко мнѣ въ комнашу. Я спотчасъ узналъ что это ночь, для того что раза три видѣлъ ее на шеатрѣ въ Амфипріонѣ комедіи Мольера, гдѣ она точно такъ же спускается; съ тою при томъ разницею, что тамъ се съ небесъ спускающъ на веревкахъ, которые часто видны и заславляютъ нерѣдко меня препещать, чтобъ госпожа Богиня не разкроила себѣ черепъ и не убилась бы до смерти. Что до той ночи которая посыпала меня, то машинистъ ее кажеся былъ исправнѣе шеатральнаго.

Я лежалъ въ постѣль, и какъ я непривыкъ принимать шоль знаныхъ гостей въ такомъ безпорядочномъ положеніи; то посѣщеніе сей госпожи очень меня встревожило.

Иванъ Крыловъ.

(Продолженіе впредь . . .)

ЗРИТЕЛЬ

ежемѣсячное изданіе

1792 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.

въ типографии И. Крылова съ товарыщи.

ОДОБРЕНИЕ.

Напечатано позволено отъ Управы благочинія
Марта 17 дня 1792 го года. Коллежскій Совѣт-
никъ и отправляющій должность Сакшнепер-
бургскаго Полиціймейсіера

Андрей Жандъ.

Мѣсяцъ Маршъ.

Бьющъ въ барабанъ: народъ бѣжитъ
толпами узнатъ тому причину . . . мое
дѣло смотрѣть; побѣжалъ и я . . . вижу,
что толпа народная окружила умолкшій
ужѣ барабанъ: слышу что то внутри сего
собранія чишаютъ: прочли . . . и народъ за-
кричалъ во все горло ура! бросая отъ радо-
сти шапки въ верхъ . . . ура! миръ!
я весь возшрепеталъ отъ радости . . . по-
чувствовалъ въ груди моей бѣніе сердца,
и слезы возгорга омочили лицо мое . . . я
пошелъ домой . . . народныя волны изъ кру-
га своего разливались по улицамъ съ непре-
щеннымъ возглашеніемъ: да здравствуетъ
ЕКАТЕРИНА!

МИРЪ.

Миръ возвѣщенъ всенародно, пролитїе
крови человѣческой преспало, и война нах-
муря грозное свое чело изволила оппра-
вишься, куда ей угодно. Миръ, сей шихій
ангелъ съ зефирными крилами въ провожа-

ніи содруги своей пишины запрещаетъ войнъ и оглядываться на шѣ страны, ко-
торыя упоила она кровію: торжествующіе
Россіяне позволяють Туркамъ отъ себя не
бѣгать; а сіи приближаются къ нимъ въ
полней безопасности, съ почтительною
радостію и съ робкимъ удовольствіемъ
разсматривающъ своихъ побѣдителей; до-
прогивающъ съ шрепетомъ до спрашнаго
Россійскаго шпика, и мгновенно опдрги-
вающъ руки, какъ будто боясь, чтобъ не-
обжечь ихъ: изумляющся; какъ могло сіе
шоль малое оружіе низвергашь самые крѣп-
чайшіе грады и разрывать спами тысячи
наполненные скопы Турецкихъ броненос-
цевъ: Гордани мѣдныхъ потрясающей волны
и сушу покоящую на своихъ лафетахъ, и
только иногда звукомъ своимъ возвѣщающъ
торжествующую пишину . . . Великій
Ломоносовъ! проснись, и воспой паки миръ,
какъ нѣкогда твоя лира сладкосиранными
звонами внушила миру, что пишина есть
отрада Царей и Царствъ . . . Не смѣю я
слѣдоватъ по стопамъ твоимъ; а только
хочу быть зрищелемъ имѣя вмѣстѣ со всѣ-
ми радостію преизполненное сердце.

Мудрено угадать, кто подже гъ покрытые чалмами головы подняться на Россю? Мудрено и то, чтобы они сами забыли тошь ужасъ и страшныя пораженія, которыми за нѣсколько лѣтъ рука Россійская смирила ихъ кичливость. Не знаю и не спараюсь узнавашь, кто тѣ охотники, ко-торые спремились возрождать вражду; но знаю только то, что охотниковъ было много спарапсь о мирѣ . . . Не уже ли тѣ же самые миротворцы и сѣмена войны посѣяли? . . . А что! . . въ Европѣ много хитрецовъ; чего доброго? Но можно ли тому повѣришь? Нѣтъ; Турки сами одни зажгли войну: а Россія привыкла безъ всякаго посредства и наказывать и прощать . . . Россія ни кого не боится, ктобъ ее ни пугалъ: а осердишся, сдержишъ свое слово; дождешся, пока у ней попросить пощады, и тогда все забыто.

Есть ли бы взоръ воображенія могъ проникнуть въ систему какого то равновѣсія, о кошоромъ проповѣдаютъ вельми разумныя головы, подобно какъ Алхимисы о Философическомъ камнѣ; шо бы весьма плѣняющую каршину можно было показать свѣту;

да гдѣ намъ грѣшнымъ о томъ разсуждать?--
Иный, то есть: великаго ума человѣкъ ска-
залъ бы, что есть люди, кои поспавляютъ
себѣ за правило, что въ мутной водѣ ло-
вишь рыбу весьма удобно, и котормъ сей
миръ очень досаденъ; ибо онъ разрушаетъ
 дальновидныя ихъ замѣи: другой сказалъ
бы, что есть люди, которые во время вой-
ны дѣлая кое какія привязки да придирики,
шеперь чувствующіи небольшую лихорадку,
что имъ при мирѣ не удалось какимъ ни-
будь участіемъ очистить хотя по наруж-
ности свою совѣсть: иный сказалъ бы, что
есть и такіе православные, которые даже
и разкаиваюся, что во время войны не
то дѣлали, что бы дѣлать надлежало хри-
стиянамъ, и что это разкаяніе отъ того,
что они думаютъ, будто имъ спрашиваютъ:
иный сказалъ бы, что есть и такіе, кото-
рыхъ благомысленная политика основана
на томъ: чья взяла, та и наша, и что они
всегда друзья побѣдителямъ: но я во пре-
ки всѣмъ подобнымъ умницамъ скажу . . .
что это все едва ли на правду похо-
дитъ . . . были ли чьи козни противъ
Россіи или иѣшь; что они шакъ малы, что

она ихъ и не примѣшила . . . а кто при-
нудилъ себя замѣшить, того поучила . . .
и наконецъ сказала: *богъ тебѧ проститъ,*
лишь впередъ не шали.

Какй же ты зришель, кричать мнѣ,
когда ты не чипаешь вѣдомостей! шамъ
бы ты увидѣлъ всѣ проказы, которыми
хочѣли устрашить Россію; шамъ бы ты
увидѣлъ, что были такіе запѣйники, ко-
торые хотѣли мѣжевашь и моря наши;
шамъ бы ты увидѣлъ . . . ну чпожь? . .
Мало ли что пишущъ въ вѣдомостяхъ? . .
У насъ Русская пословица? Не всякому слу-
ху вѣрь; не все то лови, что плавашь; не
все то дѣлаешся, что говорится. У насъ
есть и свои мѣжевщики, которые гораздо
лучше Палской *черты* пропянупой въ Аме-
рикѣ мѣжевашь умѣютъ. Не подумаетъ ли
кто поставилъ у нихъ спорный столбъ? . .
Боже сохрани! . . послушай Газетчиковъ . .
они иногда морятъ насъ съ голоду отъ
хлѣбнаго неурожая, и въ тоже самое время
почти полъ Европы питаются нашимъ хлѣ-
бомъ . . иные, сидя у себя въ жаркую по-
году, опирая пошъ свой плащкомъ, моро-
зящъ насъ стужею; а про то и не знаюшъ,

что у насъ есть лисьи, волчьи, медвѣжьи и собольи шубы, которыми согрѣваемъ мы даже и ихъ . . . иные увѣряютъ, что мы все лѣса сожгли топя зимою горницы: а про то и забыли, что лѣса роспушъ, и что мы снабжаемъ ихъ корабли мачтами и всѣми снастями. Мало ли противъ насъ скоповъ и заговоровъ! . . а мы и живемъ и блаженствуемъ и ни какихъ кромолъ не боимся . . . пускай хотя треснутъ отъ зависи . . . а мы подъ шѣмъ же небомъ и подъ шѣмъ же скипепромъ . . . пускай вымышляютъ въ нѣсколько тысячи верстъ вѣсы, на кошорые прооказливыс умы мѣчшаюшъ положишъ весь свѣтъ, дабы ни одна доска другую не перепянула . . мы знаемъ, что эши мечашельные Гиганты всегда придуши къ намъ попросить хлѣба, пѣнки, железа, сала, юфши, и тому подобнаго: и мы никогда имъ не откажемъ . . . Оставимъ всѣхъ мыслишъ по своей волѣ: оспавимъ зависи и коварство вращающи въ вѣчной заботливости ни чего не дѣляя . . . враги пали предъ нами; миръ заключенъ; спанемъ вкушашъ сладкіе онаго плоды.

Побѣдоносное Россійское воинство оспа-
вляєшъ побѣдленные предѣлы, шествуешьъ
въ отечество по устланному трофеями
пути, на чель лавры; а въ рукахъ нѣжныя
оливы. Недавно побѣждаемые враги про-
щаюшся какъ съ близкими, и далеко взо-
ромъ провождаютъ: потерявъ изъ виду,
кажеся имъ, что нѣчто упрашилось отъ
ихъ сердца . . . Слава преднеструешь ему
трубя во всей вселенной великихъ подви-
ги . . . Россія, прославленная, возвеличенная
Россія -- великая машь пріемлетъ въ обѣя-
шія свои разироспертыми руками великихъ
сыновъ своихъ; Великая ЕКАТЕРИНА бла-
говолящею улыбкою ободряешъ ихъ успѣ-
хи . . . Они ко спопамъ ЕЯ повергаютъ
трофеи и въ радости возкликаютъ ЕЙ:
Твоі отъ Твоихъ. Возсѣдя на тронѣ изо-
билия, единою рукою незыблемые созидаешъ
ОНА законы, другою проливаешь щедроты
на сыновъ достойныхъ, избытки коихъ ка-
саются даже и спранъ побѣденныхъ . . .
Смирившіяся враги во благости ЕЯ нахо-
дяшъ изцѣленія ранъ своихъ: робкія ихъ
души осмѣлились богошворить ЕЕ . . Всѣ
состоянія блаженствующія подъ ЕЯ дер-

жавою двигнулись на встрѣтеніе рапоносцамъ подавшимъ твердою грудью своею твердый покой всѣму Сѣверу и славу имени ЕКАТЕРИНЫ. Дворянство видитъ вождей ведущихъ спрои не разрываемые и самыми громами . . . дворянство, сїя возвышенная шиплами степень изцѣлнными ранами своими показываетъ, сколь умѣли они для чесни всего благородства Россійскаго и повѣлевашь и сражаться . . . проспые воины, дѣши поселянъ и мѣщанства гордящія тѣмъ, что они знали, подъ чими знаменами сражались, и что ни единаго не упрашили; но на прошивъ того, каждое знамя разроспершо на многихъ знаменахъ, и что каждый орелъ на многихъ лунахъ сидящій вступаешь въ предѣлы отечества.

Тушъ вижу я отца влекущаго сѣдины свои облобызать грудь своего сына: едва онъ его узрѣлъ, и время нѣсколько круговъ отспутило назадъ: сѣдины его покрываются моложавою русоспію, и мужественная бодрость возвѣщаешьъ его членамъ, что онъ спалъ моложъ . . . Тушъ нѣжная, добродѣтельная супруга бѣжитъ въ изспущенномъ возгорѣ на встрѣченіе бранноносно-

му своему мужу: оставленное имъ въ колыбель днія ужѣ на ногахъ вмѣсто тяги, какъ легкій зефиръ бѣгучи кричитъ: *батюшко!* нѣжныя и сладоспныя обѣятія, пламенныя поцѣлуи увеличиваешь ихъ радость и время разлуки ихъ сокращаешь въ едину точку . . . Тутъ нареченные невѣсты встрѣчаютъ своихъ жениховъ въ новомъ доспоинствѣ . . . нѣжный взглядъ обожаемой красоны вливаешь сладость въ сердце подвижниковъ и радость смѣшившись со спыдливою заспѣничностью вѣнчашъ блаженство ихъ судьбы. Тутъ мать прижавши ко груди своей сына цѣлусишь его въ радостномъ возхищении, и гордишися темъ, что она; а не другая носила его въ своей утробѣ. Города, села, горы, лѣса, долины и самый воздухъ, все радостію преизполнено и все отъ радости пропещашъ.

Домы наполняются свѣшлоспію, пріемля въ себя своихъ обишапелей; упомленный въ пущи воинъ покрытый шяжкою бронею и обвешенный оружіемъ въ попутъ пыли входишъ въ свое обишалище; поцѣлуи обременяющій чело его; сѣмья его не

наглядится на него; не знаешь, где посадишь его и чемъ успокоишь; слуги его прибегаютъ къ нему . . . всѣ плачутъ отъ радости; любимый песъ узнаешь его голосъ, бросаешься къ ногамъ, ласкитъ и лижешь пыль на нихъ . . спрашный штыкъ отмыкается, штыкъ, ужасъ агарянъ, служивъ игрушкою дѣтямъ: ружье повѣшено на спѣну, сабля поставлена въ углу покоя; бѣлое полотенце нѣжною рукою водимое принимашъ въ себя съ грознаго лица пыль и пыль, которое умыто чистою водою становившися свѣшло и прѣятно; снабденный яствами и пирожкомъ сполъ въ объятіяхъ сѣмейства посыпаетъ и самую баснословную Амбrozію и Некшаръ . . всѣ съ внимательнымъ по томъ услажденiemъ слушаютъ о геройскихъ подвигахъ: всѣ домашніе неподвижно приникли глазами; при рассказываемой опасности сердца ихъ трепещутъ, какъ будто въ сей самый мигъ они сами стоять при ней; но при побѣдѣ на полняющемся возторгомъ, какъ будто въ сю минуту они сами побѣждаютъ . . . отецъ, машь, жена возхищаются: а юныя дѣти облокотясь обѣими руками на сполъ успа-

вили глаза, улыбаются, разинувъ ротъ радуются слушая, и сіе впечатлѣніе остается на вѣки въ ихъ сердцахъ.

Бѣгая взоромъ по всѣмъ мѣстамъ, везде видѣ вижу единообразную картина и между великимъ множествомъ рапторцевъ, хотя въ весьма маломъ количествѣ; но вспрѣчались глазамъ моимъ въ иныхъ мѣстахъ и такіе, которые рассказывали съ великимъ жаромъ и весьма много о своихъ только подвигахъ; но гораздо осторегались при томъ, чтобъ не случилось тутъ человека въ военномъ одѣянїи; но лишь появится кто въ мундирѣ, то чѣмъ умолкали . . . примѣчанія достойно то, что всѣ сїи говоруны вмѣшивали въ разговорахъ своихъ наиболѣе о себѣ похвалибы въ отмѣнномъ ихъ знанїи Французскаго языка, музыки и мастерства панцований.

Я видѣлъ по томъ въ собраніяхъ множество такихъ почтенныхъ лицъ, у коихъ не одни знаки почестей доказывали ихъ дѣла; но и оставшіеся знаки ошь раны были торжественными свидѣтелями ихъ неуспрашимости; я не видалъ сихъ знаковъ ни какомъ иначе, какъ на лица и на

груди; но спина всегда была безопасна отъ ранъ. Я примѣшилъ въ одномъ или двухъ мѣсяцахъ; что нѣсколько красноглаголивыхъ храбрецовъ громогласно проповѣдывающихъ свое геройство при вспрѣчъ съ подобными лицами показывали на своихъ лицахъ сильную краску; а чѣмъ шому причиною? Развѣ ты, любезный читатель! не ошгадаешь ли? а я передъ тобою признаюсь чистосердечно въ моемъ невѣденїи.

Да будешъ мнѣ позволено устремить мысленный взоръ во всѣ предѣлы проспраннаго моего ощечесвія . . Вездѣ дружескія собранія оживляются давно небывалыми гостями; ибо отсудсвія годы кажущія для друзей вѣками . . посѣщенія умножаются; привѣтсвія и поздравленія бѣгаютъ изъ дома въ домъ; опсроченные сватовства пошли опять своимъ чередомъ и нѣжныя сердца красавицъ спѣшащъувѣнчать сладостную супружесвія увѣнчанныхъ лаврами жениховъ своихъ: огонь чистѣйшей любви разсыпаетъ искры свои по сердцамъ свободнымъ; начались новые исканія: любовь, награда всѣхъ подвиговъ бывъ къ инымъ споль строга до брани, что запрещала и

мыслишь о себѣ : нынѣ сладкою надѣждою упоевашъ чувствомъ ; иной прежде во мнѣніи у прекраснаго пола близокъ быль къничтожеству ; но война развернула его до-споинства : нынѣ онъ торжествуя надъ врагомъ торжествуетъ и надъ любовью.

Съ великимъ удовольствіемъ посещаешь дворянство свои помѣстья ; землѣдѣльцы орошаютъ слезами возхищенія господъ своихъ, своихъ отцовъ проливавшихъ кровь за вѣру, за Государя и за ихъ безопасность . . . поселяне радостными вопросами услаждаюшъ слухъ господъ : „баринъ ! не съ тобой ли служилъ мой Гаврюшко ? не съ тобой ли мой Митюшко ? мой Андрюшко ? каковъ то онъ ? чай нѣчего было у него взять бусурманамъ ? посмотрика, баринъ ! сколько мы безъ тебя хлѣбушка напахали . . . швоя барыня ! наша матушка все безъ тебя съ нами плакала, и бывало, какъ придетъ о тебѣ вѣсточка, такъ и плачешь то и радуешься то . . . Тушь опять удовольствіе возобновляется, какъ будто сіи нѣжные супруги въ первый разъ увидѣлись. Приходитъ храбрый усачъ на свою родину опущенъ для свиданія, раздаешь

отъ другихъ своихъ соповарищай къ роднымъ грамошки, которыхъ членіемъ занимается преспарелый сельскій дьячекъ и съ помощію очковъ едва разбираешъ: а чего не прочешъ, отъ себя дополнитъ . . .

Ни Волшеръ, ни Расинъ, ниже Гомеръ ни Виргилій, ни наши славные писатели не могутъ похвалившись, чтобъ съ подобнымъ услажденіемъ когда нибудь внимали ихъ сочиненія . . . Ни одна трагедія не извлекала шаковыхъ слезъ и ни одна комедія не производила шакового увеселенія . . крѣпкій настѣнъ чувствуетъ на себѣ бѣгающихъ и лающихъ псовъ, которые лютыхъ звѣрей изгоняющъ изъ ихъ берлоговъ . . . охота для воинственного сердца служитъ удовольственнымъ упражненіемъ и слабымъ подобіемъ войны: помѣщикъ ловя звѣрей уменшаешь опасность для спада, и въ то же время снабжаешь себя и подвластныхъ себѣ шубами . . онъ не довольствуясь темъ однимъ: велишъ къ спаянію снѣговъ готовишься тяжкому плугу, напоминаешь крестьянамъ не счадить силъ и трудовъ своихъ шакъ, какъ онъ не счадилъ за нихъ крови свою, дабы пошомъ землѣ-

дѣльцовъ окропленная земля умножила изобиліе жизненныхъ прозябеній, въ коихъ исинное богатство Россіи существуетъ: онъ побѣдоносными руками своими хочетъ имъ дать примѣръ, и поселяне чувствуюшъ, что блаженство ихъ съ миромъ умножаешся . . . Земля, сей вѣрный награждатель трудовъ клянется предъ солнцемъ превысипъ всякое упованіе въ щедротѣ своей.

Торговля, другій источникъ богатства и союзовъ, торговля, можетъ быть, болѣе всего обрадованная миромъ лишаешь по всему купечеству съ прибыльною заботливостью . . . произведенія фабрикъ укладывающіяся въ шюки, и веревка мочною рукою укрѣпляешь ихъ: липа лишаешь своей кожи для ихъ покрышки, ся мягкая рогожа и твердый лубъ опѣщивающій за сбереженіе нѣжныхъ товаровъ: произведенія земли нашей, избышки спадъ, по употреблѣніи въ пищу, ихъ шерсть, ихъ кожа, ихъ сало, все заключающееся въ тѣсные предѣлы досокъ; извлеченное изъ недръ земныхъ железо, деревья гордившіеся въ лѣсахъ и самые жишли водные немогущіе уѣжать

Ж

во глубинъ оіпъ сѣней промышленниковъ, все въ обремененныхъ ими шелегахъ по дорогамъ, въ плоскодонныхъ баркахъ и спругахъ по рѣкамъ спѣшацъ къ разнымъ морскимъ приспанямъ, гдѣ съ нешерпеливостію ожидающъ гордящіеся своими мачтами корабли: эти плавающіе исполины, презирая волны и бури неизмѣримыхъ морей, съ невѣроятною почти тяжестію гоповы перелѣпашь на парусныхъ своихъ крильяхъ не помѣрную дальность влажнаго пушки, куда только можешъ миръ провождать флагъ Россійскій; о чудо непостижимое! чудо единой ЕКАТЕРИНѢ совершишь предсказанное непостижимымъ закономъ судьбы!.. Недавно бывшіе враги первымъ долгомъ нынѣ поспавляющъ пещись о безопасноти флага Россійскаго не только на своихъ моряхъ; но и на водахъ своихъ единовѣрцовъ, которые на средиземномъ Океанѣ счишающъ право сильнаго неизбѣжимымъ закономъ... Купечество! почувствуй пользу нынѣшняго мира, почувствуй и докажи самимъ дѣломъ, что ты доспойно приложенныхъ о шебѣ попеченій Великия МАТЕРИ сѣвера.

Я вижу на морскихъ пристаняхъ прони-
цаешьныхъ купцовъ ввѣряющихъ избышки
свои кораблямъ, на коихъ бѣлая, синяя
и красная полосы соединяясь вмѣстѣ разѣ-
ваются по воздуху и безопасность торго-
ваго имущеспва утверждаютъ: я слышу
разговоры купечеспвующихъ, въ нихъ иѣтъ
Цицеронова красноречія; но важность дѣла
неуспупаетъ его речамъ говореннымъ въ
Римскомъ Сенатѣ.

„Океанъ Касмичъ! слава спа Богу! пол-
но шеперь товары наши черезъ руки пере-
давашь, куда надобно; повеземъ ка сами на
своихъ животахъ . . . Наземцы прикащи-
ки были хороши, да дѣло то не само хо-
роше: смотришь, либо на деньгахъ, либо
на томъ другомъ прочемъ наасъ и обициша-
ютъ. Кажеется, за наши товары дающъ и
дорого; а свѣришься по книгамъ, да по ко-
мисіямъ; анъ въ карманѣ то не того то,
чтобы много осталось: не лъзя ли спа ми-
лостиши твоей подумашь, какъ бы переводъ
по денежный принять въ свой руки . . .
вѣдь ихъ товары то не такъ то, чтобы
намъ къ нуждѣ прилучились . . . ихъ това-
ры то приходные: а наши то сыпные . . .

полно бы ужъ намъ плашить за нашъ рубль
не помногу шпиверовъ . . смотрѣть то изъ
ихъ рукъ больше спало не охота , , .

,,Для чего бы сна, Михей Силуяновичъ!
не подумать, . . твоя милосиць зѣло дѣль-
но разумное предлагаешъ: да вонъ сила
то въ чёмъ. Мы компаніями то мало тор-
гуемъ: вѣдь что одному не въ мочь, такъ
бы сложась десяткомъ другимъ, какъ бы
не поднять? Нынѣже, что Бога гнѣвишь,
моря то для нась проспорны спали, такъ
мигать то намъ искадо; а что на что и
миръ, есть ли мы не будемъ умѣти имъ
пользоваться . . рубль то бы за рубль . .
шовары то наши эпимъ побытомъ и шамъ
подешевѣюшъ, да и ихъ то у нась гораздо
поспушатъ цѣны . . все будеши ладно
чесино и благодашно: а мы останемся съ
прибылью, да еще и съ такою, какой ош-
цамъ нашимъ никогда и во снѣ невида-
лось . . вѣдь оно не то, что мы сами
то сыпи, надобно, чтобъ отъ нась много
было сыпыхъ, да богатыхъ, то и честь
нашему брату купцу. , ,

Торговля познаешь всѣ выгоды преслав-
наго мира, принимаешь иный оборотъ . .

торжествующей флагъ Россійской торговли развѣваєтсѧ на пучинахъ черныхъ и средиземныхъ . . . Почишаели Магомеда съ береговъ Африки и Азїи не грабиши ужѣ приближающся къ кораблямъ нашимъ; но изъявляши имъ свое почтеніе. Самые Корсеры ожидаюшъ приказанія, еспь ли есть нужда при споль дальномъ пути въ снабдении, и почишаютъ себѣ за славу, еспь ли кто удостоенъ будешъ принятіемъ услуги . . . вотъ плоды подвиговъ Россійскихъ! вотъ плоды мира!

Науки обрѣшаюшъ новыхъ Меценатовъ, словесноспямы открылося новое поле прославлять неуспрашимыхъ героевъ нашихъ и воспѣвать сладости мира. Хотя война не прерывала упражнений разума . . . у Трона Россійской Паллады науки процвѣтаютъ не страшась бранныхъ бурь; нынѣ безмятежныи спокойствіемъ ободряюшся болѣе . . . Ужѣ мы имѣемъ Испорю своего отечества собранную трудами сыновъ его, имѣемъ описание своей земли, дѣла Великаго Петра простымъ, но справедливымъ первомъ предъявлены сѣту . . . мы умѣли показать, гдѣ просвѣщеній, но злобный чужестранный

умъ подъ именемъ истиннаго дѣписанія
 силился ругательнымъ красноречіемъ пом-
 рачить славныя дѣла предковъ нашихъ.
 Проникли Россіяне въ скрытые таинства
 природы, и многое знаюшъ, до чего про-
 свѣщеніемъ гордящіеся народы недостигли:
 есть у насъ сданія постыжающія саму
Италію, столицу Архиепискупу: мы умеемъ
 лѣтать и на небо, чтобы узнать ходы
 планетъ и предвѣстить о явленіяхъ оныхъ;
 знаемъ, когда солнце зашипится, и луна
 въ шѣни земной померкнетъ: знаемъ силу
 магнита, и сочтемъ на морѣ версты. Уви-
 димъ, гдѣ прячется ошъ насъ въ землѣ
 золото и тощасъ его вынемъ и не хуже
 Мексиканцовъ сплавимъ, и не хуже Фран-
 цузовъ и Агличанъ сдѣляемъ изъ него, что
 намъ надобно . . . Пускай величаєтся Да-
 маскъ своимъ булапомъ; мы не спросясь
 ни у кого сами догадались его произве-
 сти . . . мы познакомились съ воздухомъ,
 знаемъ его перемѣны, измѣряли тягость
 воды и умеемъ пользоваться ею въ своихъ
 машинахъ . . . любому дрѣ не шакъ не по-
 няшно умамъ Россійскимъ, какъ думали
 нѣкогда и, можешъ бышъ, думаюшъ нынѣ

Европейцы; глубочайший рѣшенія разума
намъ свѣшлы, какъ полдень при ясномъ
солнцѣ.

Теперь науки напрягаются во всѣхъ ча-
стяхъ своими произведеніями принести
достойную жертву миру . . . ибо наукамъ
посвященные умы удивленные часпо зву-
ками побѣдъ вмѣсто своихъ упражненій
внимали трубному звуку славы . . . теперь
въ обѣтияхъ мира пламеннымъ рвениемъ
оживаются ихъ успѣхи.

Нравоучишли принялись первомъ своимъ
за души и сердца; ихъ правила изобразятъ
намъ, въ чёмъ состоишъ наше блаженство,
и кто научилъ насъ ощущать его всю
цѣну . . . чувствованія и нравы сосставля-
ющіе первое доскоинство человѣчества: они
насажденные въ душахъ нашихъ крошкою
державою родили Героевъ; они же и усла-
дятъ сердца наши прелѣстями мира.

Слово, первый даръ человѣчеству . . . Ри-
торы похвальными словами принялись сла-
вою возвеличенныхъ Россіянъ вводить въ
храмъ безсмертия . . . спихшворцы на-
строили свои лиры и въ возгорѣ своимъ
громкимъ пѣніемъ возжигаютъ на парнасѣ

священный фимиамъ столь благополучному для насъ вѣку . . . а наша братья мелкошравческие пѣвцы осыпають одами весь сѣверъ и бумага спонещъ подъ Рифменными тисками.

Философы спали сильно думать и посредствомъ силлогисмовъ докажутъ, что время и пространство непостижимы . . . Математики спали перебирать всю безконечность съ конца въ конецъ и выведутъ по правиламъ высочайшей Алгебры, чѣмъ квадратуру циркуля опыскать не возможно . . . звѣздочены ударились опыскивать новые планеты и новыхъ спутниковъ и утверждать, что кометы не суть знаки приближающагося бѣдствія; но тѣла подобные планетамъ существующія въ пространствѣ міровъ, и по законамъ своего шеченія являющіяся намъ въ предписанное время . . . Химисты зарылись въ уголья, и все внимание ихъ ушло въ колбы и репорты, откуда извлекутъ они твердое заключеніе, что никогда въ подсолнечной не найдется философической камень, и что всѣ тѣ, кои обѣ немъ проповѣдують, суть только въ ученой маскѣ обманщики . . . Врачи углу-

бились въ естественную испорю и силою Анашоміи возвѣсили, что нѣтъ всеобщаго лекарства на свѣтѣ . . Физики принялись за свои опыты и законами привлеченія и отраженія ясно доказали, что громъ, молния, дождь, градъ и бури рождаются отъ неравновѣсія воздуха, и что можно посредствомъ отвода Электрической силы уменьшить опасность грозы, и спасни родъ смертныхъ отъ убіенія громомъ.

Живописцы принялись за кисти, и красками своими рисуютъ на холсте подвиги воиновъ Российскихъ, и всю радость торжествующей Россіи въ тишинѣ изображаютъ на картинахъ . . Ваятели принялись за молотъ и рѣзецъ и изъ грубаго мраморнаго соспава изсѣкаютъ памятники въ честь великихъ произшествій, дабы оставилъ по потомству черпы спосѣществующихъ превосходными подвигами своими ко благу отечества.

Зрѣлица обновляются, новые содерянія извлекаются изъ произшествій достойныхъ всеобщаго прославленія . . величественная Мельпомена, создавъ лица въ воображеніи своемъ стремившися важнымъ

дѣйствиемъ возбудить всеобщее рукоплесканіе, когда выводитъ она на пьедесталъ увѣнчанныя похвалою всѣго свѣта: она спремиша проникнуть въ сердца и души, дабы топтъ, кто возвеличенъ ею, самъ пленялся собственными своими дѣлами, и внималъ хвалу не краснѣясь . . шупливая Талия проливаешь свою веселость, дабы занять услажденіемъ душевнымъ неупоминая въ трудахъ сердца ; она производишь на лицахъ переспающихъ казаться грозными благородную улыбку являя, что ни какая слабоспна человѣческя не сокрыты отъ насмѣшливаго ся взора, и что нѣтъ человѣка, сколь бы онъ великъ нибылъ, безъ слабостей: она острими шупками своими заспавишъ всякаго даже смеяться и надѣсамимъ собою; но ни чьего не навлечеть на себя гибва; ибо она открывая слабости умѣетъ тѣмъ же шупливымъ видомъ прославлять и добродѣтели . . музыка имѣющими пионами своими сквозь уха проходитъ до сердца и услаждаетъ всѣ чувства; скорыми и бурливыми своими поворотами напоминаетъ сургучшво браны и возпламеняешь въ душѣ чувства военныя,

и мгновенно нѣжно - пропяжными звонами
услаждаетъ души выражая подобіе преслад-
кой пишнины.

Нѣтъ ни чего въ природѣ, чтобы не
услаждалось миромъ, и чтобы не прослав-
ляло виновниковъ онаго . . . все возхищ-
ніемъ преизполнено и все отъ радости
поворгается съ благодарнымъ сердцемъ къ
освященнымъ стопамъ *Великія МАТЕРИ*
Россійской . . . и все вопіешъ къ *Ней* . . .
Ты радость намъ дашь, и кроме сей радо-
сти нѣтъ у насъ другой жертвы, которая
бы достойна была. *Тебя.*

ПОЦѢЛУЙ З.

По сшаянья снѣговъ луга
Зеленымъ плашвицемъ одѣлись,
Сребристыхъ ручейковъ брега
Цвѣшами такъ же запестрѣлись;
Кусты и гордые лѣса
Свои верхушки опушали,
И жаромъ воздухъ оживляли
Весенни ясны небеса.
Ужь сельски жишли забыли,
Что дома ешь у нихъ въ салахъ:
Бѣ поля, въ лѣса себя пустили;

У всѣхъ веселье на глазахъ.
 Крестьяники, барышни, пасушки
 За хороводныя игрушки,
 За рѣзвость, пляски принялись
 И сладки пѣсенки запѣли;
 Мужчины за свирѣли
 Подладиша нимфамъ симъ взялись:
 Но пичекъ сладкій хоръ дубравный
 Веселы игры перервалъ . . .
 Послушать пшицъ всякъ въ лѣсъ бѣжалъ;
 Но птицы Сонюшкъ не нравны,
 Она лишенна всѣхъ забавъ;
 Предъ ней дружекъ ея неправъ.
 Дружекъ сей Васей назывался,
 Съ ушра онъ съ нею невидался.
 Идетъ нахмуряся она,
 Идетъ вздыхающи одна.
 Кудажь идетъ? . . . сама не знаешь
 Лишь въ землю очи попупляетъ.
 Въ близи своихъ узрѣла ногъ
 Разпукшійся въ травѣ цвѣтокъ,
 То нѣжная была гвоздичка . . .
 Садится, нюхаетъ ее . . .
 Близъ ней запѣла вдругъ синичка . . .
 О злое счастіе мое!
 Заплакавъ Соня говоритъ . . .

Какъ я, цвѣтокъ одинъ сей въ полѣ . . .
 Онъ грустни мнѣ прибавилъ болѣ . . .
 Печаль всю грудь мою томитъ
 Нѣтъ Васинъки теперь со мною ;
 Сорвавъ, кому я подарю
 Гвоздичку красну какъ зарю,
 И чьею птичку я рукою
 Къ окошку въ клѣпку посажу ? . .
 Въ слезахъ я здѣсь одна сижу . . .
 Знашь Вася Соню забываешъ,
 Когда не знаю, гдѣ гуляешь . . .
 Дождусь ли я его когда? . . .
 Цвѣточкъ до него уянешъ
 И птичка улетѣвъ неспанешъ,
 Порхашъ передо мной . . . бѣда !
 Кропитъ ужъ Сонюшка слезами
 Душиспшы на полѣ цвѣтокъ,
 Межъ нѣжными его листами
 Изъ глазъ ея вієтся шокъ . .
 И птички больше нѣтъ на вѣшкѣ . .
 Слезъ полный Соня и укорѣ
 На вѣшку обращаешъ взорѣ . . .
 Вдругъ Вася передъ ней и въ клѣпкѣ
 Поймавъ синичку ей даритъ,
 И шакъ онъ къ Сонѣ говоритъ :
 На силу изловилъ синичку

Для ней сидѣлъ въ лѣсу всю ночь
 И ушромъ бѣгалъ во всю мочь,
 Чтобы пѣвунью птичку
 Моей любезной принести . . .
 Ахъ Вася миленький! прости;
 Я очень на шебя сердилась . . .
 Его увидѣвъ помирилась
 Цѣпичикъ нѣжный сорвала
 И Васинъкъ его дала . . .
 Цѣпичикъ Васинъка цѣлуешь;
 Пѣвунью Сонюшку милуешь;
 Межъ пѣмъ обѣихъ часпый взглядъ,
 Какъ будто пламенныя стрѣлы,
 Влемелъ въ сердечные предѣлы
 Неся съ тобою тьму оправдъ . . .
 Ужъ на земли со клѣпкой птичка
 Изъ рукъ упала и гвоздичка . . .
 Возможноль, что въ рукахъ держать,
 Коль должно ими обнимать?
 Сплѣлись любовники руками
 Сомкнулися успа съ успами . . .
 И сладкій поцѣлуй вѣнецъ
 Для пламенныхъ въ любви сердецъ . . .
 Изъ клѣпки птичка улетѣла
 Но Соня птички не жалѣла.

Не во время гости.

У Рифмократа,

Случилася госпей полна палата;
 Но онъ имѣя много думъ,
 На прозѣ и спихахъ помѣшанный свой умъ,
 И бывъ душей не много боленъ,
 Госпѣми не очень былъ доволенъ,
 И спрашивалъ меня, какъ горю пособить,
 Чтобъ ихъ скорѣе проводиши :
 Сбѣситься надобно, коль дома ихъ оспавиши
 А чеснно ихъ не лъзя оправиши
 Изъ дому вонъ;
 Но только спалъ свою читашь онъ оду ;
 Не спало вдругъ народу,
 И при впоромъ спихъ одинъ остался онъ.

Исправный слуга.

Дамонъ въ карешу шелъ садишися:
 Случилось такъ, что онъ попасть шуда
 не могъ
 Свалился съ ногъ:
 Но мой Дамонъ ни чють не мыслилъ ше-
 велившись
 Хоть подъ каретою лежалъ онъ головой.
 Его слуга безъ разума дѣшина
 Споишъ за нимъ сице спокойнѣй Господина;

Но къ счастью мимо ихъ тутъ шелъ ма-
стеровой,

Который отъ бѣды Дамонову спасъ душку.

Дамонъ съ надмѣнемъ вспавъ
Сказалъ, на малаго свирепый взоръ подъявъ:
Конечно нѣшь въ тебѣ ума ни на полушку,

Что ты спокойно здѣсь споялъ,
Когда въ опасности при смерти я лежалъ,
И помочи твоей, мнѣ должной, дождался.
Слуга въ оправѣ: меня прошу не обвиняшь;
Я къ вамъ изъ плащи шелъ въ кареты
васъ сажашь;
А изъ подъ нихъ маскашь я васъ не нани-
мался.

Нечувствительной красавицѣ.

Любовь въ твоихъ глазахъ горитъ;
Во всѣй она тебѣ свой милой кажеть видъ,
И въ ямочкахъ ланишъ она твоихъ играешъ
Смѣешся на усахъ,
И вѣшся во власахъ,
Иль въ сердцѣ лишь твоемъ она необитаешь?

Смерть.

Хотя несчастье смерть начто бѣжать
отъ неї
Она послѣднее несчастье въ жизни сей.

Епиграмма.

Мнѣ сказывалъ Милонъ,
Что бѣса видѣлъ онъ;
Увидѣвши его бѣдняжка изпугался,
Съ ослиными ушми тошь бѣсъ ему казался...
Ошибся мой Милонъ!.. личину зря сю,
Онъ видѣлъ шѣнь свою.

ПОРТРЕТЫ.

Утро.

Надобно воскресить *Вернета*, или *Пусселя*,
что бѣ описать всѣ прелести природы, въ
которые облѣкается она при всходѣ розо-
вой зари. Ихъ кисти удобны болѣе къ
изображенію великаго, священнаго, непоспи-
жимаго, нежели перо сатирика, описываю-
щаго всю гнусность порока, дурачества и
слабости людей, яко наслѣдственное и благоприобрѣщенное ихъ имѣніе. Да, къ спа-
шь обѣ имѣнія: для чего нѣкоторыя помѣ-
щики, купцы и фабриканты ради съ удо-
вольствіемъ вѣчно тягаться за кусокъ зем-
ли, за аршинъ сѣнокосу, сукна и другую
мѣлочь; какъ между шѣмъ не дорожатъ вы-

пускашъ въ свѣтъ шомами дурачествъ по-
дражая многимъ писашелямъ и переводчи-
камъ? . . О! какъ скоро выскочилъ у меня
нечаянный вопросъ: для чего? То не прогнѣ-
вайся, чипашель, что я тебѣ множесшво и
другихъ подобныхъ сдѣлаю; на нѣкоторыя
услужу опвѣшами, а нѣкоторыя оспавлю
на твое собственное разрѣшеніе.

Для чего напримѣръ, *Невѣждинъ* не имѣ-
ющій понятія о наукахъ, предлагаетъ имъ
свое покровищельство, и по шомъ обра-
щаешъ милоспивыя взоры на писашеля,
дабы удоскоонить его высокаго своего гоне-
нія? Для чего этошъ же Антипимеценашъ
въ сосѣдніи прішесши сочинишеля, и
лишишъ его мѣсца, ежели онъ не пошрѣтъ
сіѣнь въ его передней, не сдѣлаетъ ему
всякое упро двадцати поклоновъ въ поясѣ,
и не назовеши его знакомъ и любите-
лемъ наукъ? Отвѣтъ: для того, что вся-
кий *Невѣждинъ* хочешъ прослыши ученымъ;
для того, что онъ имѣешъ нужду шеснинъ
дараванія, дабы въ его клѣвахъ ни кого не-
было его умнѣе; для того, что подлости
возвышаешъ его, а прямодушіе унижаешъ;
и наконецъ для того, что одно шоль-

ко невѣжеству сопоставляетъ всѣ его до-
споинства.

Для чѣго природа не одинаковыми спо-
собностями одарила человѣка? Одинъ
имѣешь болѣе нежели надобно; другой,
сдва ли насущный кусокъ хлѣба? Для
чѣго одинъ лобродѣтеленъ, ученъ, имѣешь
разумъ; другой золъ, скунъ, дурокованъ?
Для чѣго иногда шутъ выигрываешь болѣе
скромнаго, дуракъ болѣе умнаго; бездѣль-
никъ болѣе честнаго, лѣнивый болѣе при-
лежнаго? . . Припишимъ всѣ сїи дѣйствія
слѣпому случаю; а дѣйствующихъ лицъ
уподобимъ двумъ каршежнымъ игрокамъ:
однаго тому, которыи, что ни выдер-
нешь, то выигрываешь съ оніка; и друго-
го тому, которыи со всѣмъ своимъ раз-
чепомъ не болѣе вреда сдѣлаетъ банку,
какъ загнешь ле, и послѣ се *ретирз*.

Для чѣго сїе различіе для всѣхъ вообще
ощущительно, и ни кто почти не доволенъ
свою участію? . . Для того, что
мы не хотимъ вникнуть въ порядокъ ве-
щей, и познать, что всякое состояніе
имѣетъ свои неудовольствіи и горести;
своё спокойствіе и благосостояніе; для

того, что ни кто почти не хочетъ обращать взоровъ своихъ на самаго себя, и увидѣшь, что провидѣніе для каждого состоянія особенныхъ предназначило свѣденія и способности. Ежели взглянешь безпри- спасши на приходи людей, то осна- нешся въ нерѣшимоспии, сожалѣши ли о за- блуждении ихъ, или смѣялъся надъ ихъ ду- рабесцами. Начиная съ вышней степени до нижней, не всѣ ли ропщашъ на свое со- стояніе, и не желаешъ ли каждый изъ нихъ меняться ежедневно на новое? . . . Разсмотримъ побудительныя къ тому при-чины: *Несмысловъ* желаешь бысть Мини- спромъ: заботишься, разполагаешь въ слав- бомъ своемъ мозгъ болѣе нежели *Дагессо* и *Ришелье*; объемлемъ умственными очами Индъ и Гангъ, и кричишъ во все горло, для чего медляшъ сдѣлать его министромъ! . . Но какое право имѣши онъ на требованіе сей многопрудной должности? Онъ умѣешь масперски подписать свое имя; а это шо, говоришь онъ, и составляешь всѣ доспоин- спва первого министра; *Прикладникъ* кри- чишъ во все горло: чемъ я не полководецъ? О конечно, отвѣчаю я, что эшо мѣсто ему

принадлежитъ. Онъ имѣшь великий духъ смотрѣть на то, какъ другое сражаются, и ни кто не заставитъ его унизившися быть впереди, или посреди войска. Секретарь Строгинъ требуетъ мѣста предсѣдательскаго, и имѣшь на него право не оспоримос. Онъ знаешь всѣ законы наизусть, и того только въ пользу свою употребить не хочешь, который грозитъ ему наказаніемъ за взятки. По чому я не прокуроръ, говоришъ Беззубкинъ: я не только могу надзирать надъ исполненіемъ законовъ, но мнѣ удалось самымъ тонкимъ образомъ до двадцати дѣлъ рѣшишь въ пользу богатыхъ оправщиковъ . . Сапожникъ, портный, каретникъ, алчущъ получишъ ассессорскія, секретарскія и другія чины; и для чего, говоряшъ они, не быть имъ на сихъ мѣстахъ? есть судьи, которые гораздо хуже управляютъ первомъ, нежели каждый изъ нихъ долотомъ, иголкой и шиломъ; а что касается до презрѣнія совѣсти, то они имѣюшъ сподѣ великое присудствіе духа, что съ неменьшою твердостію оправяшъ ее къ чорту, какъ лучшее состязавшіеся въ приказахъ судьи. --- Но если

бы предвѣчное существо, споспѣшествуя
ихъ волѣ, премѣнило жребій каждого, и поз-
волило имъ принять то состояніе, коопо-
раго они желали, они бы успѣли наскучить
блаженствомъ, и начали опять пресмыкат-
ся по схезямъ каждому свойственнымъ. --
И такъ, ежели размозришь всѣ безразсуд-
ныя желанія человѣческія, то по справед-
ливости увидишь, что два только состоянія
щастливы: мудрецъ и дуракъ; одинъ
на все смотритъ спокойнымъ окомъ, дру-
гій ни чего не понимаетъ.

Для чего, спрошу я у тебя, буфы не
играющъ на шеатрѣ свойственною актерамъ
игрою; но полагающъ свое величіе въ
кривляніе рожъ, въ ломанье всего корпуса
и въ пѣніи болѣе площадномъ, нежели прї-
яшномъ? Для чего не рѣдко пѣвицамъ и
пѣвцамъ болѣе аплодируютъ, нежели хоро-
шимъ актерамъ и актрисамъ? Хотя извѣ-
сно, что первымъ только нуженъ голо-
сокъ; а послѣднимъ знанія, разумъ, искус-
ство; по чemu мы ими и не богаши. ---
Отъ чего буфы теряютъ свои не спрой-
ныя голоса, когда они выпиваютъ залпомъ
только по дюжинѣ бушылокъ поршеру?

Для чего поршеръ предпочитають они си-
вухъ, ибо послѣднее наше національное?
Для чего *Цалато* не доволенъ своимъ со-
снояніемъ имъя жену, которую всякий день
посещаютъ се меценаты разнаго состоя-
нія и возрасла? Для чего жолтый *Ефіоль*
ревнуешь къ прекрасной женѣ своей, когда
она такъ добродѣтельна, что въ цѣлый
вѣкъ не имѣла болѣе четырехъ любовни-
ковъ? Для чего *въ безбожникѣ*, въ *семирѣ* и
въ *хвастунѣ* бываетъ менѣе людей, нежели
въ операхъ, изъ коорыхъ иныхъ споль ма-
лозначущи въ липературномъ свѣтѣ, чѣмъ
не сношѣ ни какого примѣчанія? Для чего
Карикатуркинъ сердится на пѣхъ, коорые
безприспособно скажутъ, что онъ дурный
драматической писатель? Для чего не дѣ-
лашь примѣчаній на сочиненія и на игру
актеровъ и актрисъ, когда известно, что
это исправляетъ слабости обѣихъ? . . Но
прислушимъ къ описанію упра.

Не успѣло пробить шесть часовъ, какъ
къ *Свостолку* спеклось множество проси-
щелей: яко богоязненный мужъ и полез-
ный гражданинъ, говорить онъ вѣжливо съ
улыбкою чебошичикамъ, разумѣется пѣмъ,

которые пришли съ деньгами, что дѣло ихъ рѣшилось скорѣе ихъ ожиданія. Вы очень жалки, бѣдныя, что такъ долго хлопочете; я не зналъ, что ваши документы, взглядавая на мѣшки, такъ ясны и основательны, а то бы давно рѣшилъ дѣло въ пользу вашу; а вы грубіаны, кричите на тѣхъ, у которыхъ одна исшинна ходашаешь, васъ проучишь должно, что вы дерзаете беспокоишь присудственное мѣсто! — и шолкаешь ихъ въ шѣю изъ камната. — Они проливающъ слезы, имъ не внимаютъ; слово правосудіе и покровъ невинности вычернены изъ лексикона драгоценнаго моего *Свѣтолка*, и онъ поспѣшаешь въ присудствіе съ великодушнымъ намѣреніемъ, что бѣ изпредиъ слова: *истинна, невинность, законы, справедливость,* почившая сю мѣлочь за оскорблѣніе Русскаго языка. Жена его остается дома, и спараваешь подражать ему. Не прошло двухъ часовъ, какъ она съ помощью молодаго своего парикмахера почернила слова: *верность, постоянство и цѣломудріе;* и языкъ нашъ сжалъ короче и близшательнѣе. — Не правда ли, говорить *Цалато* милои своей

женѣ, чѣмъ польза и доброе имя требующъ
чѣмъ бѣ я оспавлялъ тебя въ присудствіе
меценатовъ твоихъ? Ты пропѣла не болѣе
шеснадцати душевъ, и я имѣю бриліантовый
перстень и часы съ спальной цѣпочкой, а
ты серги и браслеты. Но не было ли,
спрашивашъ онъ, въ вашемъ пѣни моноли-
тии? Было, отвѣчашъ цѣломудренная
супруга; но въ финалѣ всѣ хорошо аком-
панировали. Они лобызаютъ другъ друга,
и представляютъ намъ драгоцѣнныи при-
мѣръ супружества. Старый дробаникъ оспав-
ляешь нескверное ложе *Лукреции*, которая
изъ человѣколюбія отъ проспуды спасла
жизнь его; оспавляешь 2000 рублей на че-
тырехъ мѣсячныя ее издержки; прощаешься
съ ней нѣжнѣйшимъ образомъ; она упа-
даешь въ пришпорный обморокъ, и гово-
ришь въ носъ: проспи драгій предметъ
души моей!.. Читашель! ты вѣрно спро-
сишь: отъ чего въ носъ? Отъ того, что
она раза три въ жизнь свою дѣлала опыты
надъ силою меркурія; и для того въ ту жъ
минуту пришелъ къ ней пѣвецъ дать ей
живошворныхъ своихъ каплей. Храбрый
Донъ Кишотъ скачешъ отъ своей возлюблен-

ной *Дульчинеи*, что бы успѣть совершишь
славный подвигъ, побывать въ ашекѣ; онъ
имѣешъ крайнюю нужду въ декохѣ. Мол-
одой офицеръ спускается по холсту изъ
верхнего жилья онъ жирной купчихи, у ко-
торой онъ въ описудствѣ мужа занималъ
его должность; а какъ народъ любитъ зла-
словиша, то онъ сохраняя честь добродѣ-
тельной дамы, и торопиша, что бъ не
подать причинъ къ подозрѣнію. Мудрый
гражданинъ, разшерзанный неправосудіемъ,
насиліемъ и безчеловѣчіемъ гнуснаго *Своев-
толка* направляешь стопы свои ко храму
испинны: слова изъ успѣ его гошовы изль-
шашь: варваръ! сїе ли законы повелѣвающъ,
что бы спионала невинность и торжествова-
вало насилие? Сего ли требуютъ они, дабы
ши понирали правоту и поборсивовалъ
пороку? Се ли исполненіе должностей
шгоихъ, что бы гонимый въ рубище, пре-
клоняль выю предъ позлащеннымъ иску-
каномъ преступленій? Тако ли мы спосѣ-
шесишаши намѣреніямъ Государя мудраго,
человѣколюбиваго? Тако ли исполняешь
должность гражданина, священные клятвы,
произнесенные предъ олтаремъ всемогуща-

то?.. Гряди, вѣщаю я ему, гряди ко прешполу правосудія, шы обрящсь шамо покровъ невинности, приспрасліе не дерзаетъ прикасатися къ нему, и законы, начерпанныя десницю самой исшинны, для всѣхъ равны. Они суть святы, сильны, и зло, колико бы не напрягалось, слабо преломлять лучи сего немерзаемаго свѣта, назидающаго наше блаженство. Два мужа ощличныхъ свѣденій и просвѣщенныхъ разумомъ, поворачивая фарпункою, торопятися лечь въ поспѣли, по тому что уже семь часовъ по полуночи пробило. Они проходя набережную оспонавливаюся, и вонъ ихъ разговоръ, сколько я упомню.

Передержкинъ. Наконецъ, любезный *Паролинъ*, учась несмысленного проспачка *Дурындина* рѣшилась; нынѣшняя ночь какъ будто для Юпитера продолжалась и для насъ, что бѣ лишишь его и послѣдняго имѣнія.

Паролинъ. Какъ горячо приметъ безуміе сына, сшарый и глупый его отецъ! но оставимъ слабыхъ пресмыкаться въ унынїи.

Передержкинъ. Конечно; мы свое сдѣлали: Зоо душъ сво проданы; онъ безъ куска хлѣба, а мы съ деньгами.

Паролинъ. Какъ взбѣсятся *Никовъ*, *Шестеркинъ*, *Валетовъ*, *Нахлабучкинъ*! а особливо послѣдній. Онъ любитъ спавиши мазу къ первой, и отъ шого всегда безъ денегъ.

Передержкинъ. Какое собраніе дураковъ! нѣшь сполько ума, что бѣ завести въ игру; нѣшь сполько проницанія, что бѣ вырвать проспачка изъ рукъ другаго; что бѣ передашь съ рукъ на руки; нѣшь сполько тонкоспи, что бѣ показашь себя истиннымъ другомъ тому, кого обворовываешь; и нѣшь сполько чеспи и благородства, что бѣ не красиши опнимая деньги изъ кармановъ; а мы . . .

Паролинъ. Мы отъ эшага глупаго предразсудка избавились. Вѣрь мнѣ, что ежели красиши нужно мошенникамъ по игрѣ: шакъ что же будешъ дѣлать тѣмъ, которые открыто грабятъ близкихъ? Но прекратимъ наши разсужденія, и оспавимъ думашь о чеспи какъ хотиашъ. Скажи мнѣ: каково я угадывалъ *соника* на отборныхъ?

Передержкинъ. Каково я на глазокъ бралъ всегда въ четвертой карти?

Паролинъ. А я на уголокъ?

Передержкинъ. Я на порошковый?

Пароликъ. Я на склизковый?

Передержкинъ. Я на нахлабучку?

Паролинъ. Я на крапленый?

Передержкинъ. Я на очковый?

Паролинъ. Со всемъ тѣмъ ты робълъ, и отъ этого не шакъ скоро игра кончилась.

Передержкинъ. Ты прозѣвалъ въ четвертой паліи, и вмѣсто семерки поставилъ осмерку, и отъ этого не сорвали банка.

Паролинъ. Ты мало спавиль къ порошковой мазу.

Передержкинъ. Ты не успѣль съ пешерки очка сдернуши.

Паролинъ. Ты нахлабучку медленно сдѣлалъ.

Передержкинъ. Но со всемъ тѣмъ я банкъ сорвалъ.

Паролинъ. Моихъ трудовъ было болѣе.

Между ними возгорѣлось несогласіе: я ожидалъ непріятныхъ слѣдствій; но они кончили все по дружески. Паролинъ бросилъ

въ Передержкина ящичекъ съ парашковыми, и загнулъ на лицѣ его синеватое ле; а Передержкинъ, уставя въ боевой порядокъ четыре шаліи отборныхъ каршъ, поставилъ на носу его мастерской коробокъ. -- Въ заключеніе они засмѣялись, поцѣловались, и съ намѣреніемъ раззорить еще двадцать несмысленныхъ простачковъ, полетѣли домой.

Взору моему предстavилось сїе злодѣйское ремесло; сїе гнусное средство грабить имѣніе ближняго . . . Боже мой! возопилъ я . . . человѣкъ посвящаешь всю жизнь свою на ошѣяшіе имѣнія чуждаго; на лишеніе его даже и пропишанія . . . возпрепечалъ я, вообразя, что такія преступники, изверги, существующіе въ природѣ! О вы, коихъ сердца обезображенныя преступленіями, нечувствуяющіевшіе отъемля имѣніе чуждое, отъемля пропитаніе, жизнь! препещиша пагубнымъ ремесломъ снискивающіе спяженіе! не ужели имя закона, имя человѣчества никогда не касаешься слуха вашего? Трепещиша побуждая слабомысленныхъ себѣ послѣдовашь, заграждая имъ пуши къ добро-

дышели . . и возпрепеще ослѣпля молодость неопытную и скользкую къ пороку! . . . возпрепеще служа орудіемъ къ пресипленіямъ! . . . слезы невинности, вами поражаемой, скоро потребуютъ отъ васъ жертвы ужаснѣйшей! . . . самое зло, коего вы рабы, обратившися на ваше же осужденіе . . Куда бы вы ни сокрылись, отъ себя самихъ сокрыться не можеше; все васъ будешь преслѣдовашъ . . все вы возненавидиши, и васъ все возненавидиши даже до самихъ себя.

Описавъ ушро, думалъ я прекратиши мои разсужденіи; думалъ, что я уже исполнилъ всю должностъ писателя, когда могъ представиши читашелю слабую шѣнь пороковъ: но разчелъ, что сюда можно еще помѣстить нѣкошорые портреты представляющіяся моему воображенію, и для того въ 6 часовъ по полудни пошелъ въ садъ, гдѣ было множество людей. Я вошелъ въ алѣю, сѣлъ на скамейку, и смотрѣлъ въ ту, въ которой благороднымъ невѣждамъ позволявшися дурачина по правиламъ строгой благопристойности, и вдругъ замѣтилъ разговаривающую

К о к е т к у.

Съ благоговѣніемъ осмѣливаюсь я выговорить слово *кокетка*; шѣмъ болѣе, что оно относится только къ благородной дамѣ. Ежели бы я описывалъ женщину простую, обыкновенную, которыхъ благородство удосконалаетъ имяни подлой черни, я бы назвалъ ее иначе, а благородная.. А! мы и самыи порокамъ ихъ должны покланяться и съ опмѣннымъ почтеніемъ говорить: она изволитъ мужу своему измѣнять; изволитъ его ненавидѣть; и изволить выбирать всякий день любовниковъ, побрасывая ими какъ цвѣтами потерявшиими свою свѣжеспѣ. Сїя почтенная дама сидѣла пропивъ меня, и съ опмѣнною скорѣшю говорила подругѣ своей:

Божусь ишѣй, та *chere*, что прежде не жели я вышла за мужъ, я знала должностъ жены основательно; я знала, что такое *ton mari*, и для шого не думая ни мало согласилась быть его женою.. *Je suis belle femme il est riche*... вонъ все, что вершишъ у всѣхъ головы и дѣлаешъ нынѣшие супружество. Онъ думалъ, обвенчаясь со мною быть щасливѣе *de tout le monde*;

но prince всемогъ прежде свадьбы нашей доказалъ ему, какъ легко можно во многомъ ошибиться. Après deux тоих нашего супружества ton mari отправился въ походъ; и я шѣмъ охопнѣе съ нимъ поѣхала, что надѣялась быть богатою наследницею; но ciel всегда нами играешь, и ожиданіе мое, была пусшая надѣжда. Семь лѣтъ какъ я называюсь его женою, и онъ удоскоился шесть разъ быть въ моихъ объятіяхъ.. двое дѣтей моихъ называющіяся его фамиліей, и онъ за честь починаешь умножить ее посредствомъ усердія къ нему моихъ друзей . . О! ton mari est un bon homme! . . засмѣялась и пошла прогуливаться.

Предложимъ вопросъ: что такое кокетка? Женица безъ правилъ, безъ души, безъ сердца; румяна, бѣлила, притиранья, моды, роскошь и богатое платье, вотъ ея идолъ. Всѣ намѣренія ся: прельщеніе; нѣтъ женщины, которая бы была ближе къ пороку. Чѣмъ болѣе думаешь она о своей красотѣ, тѣмъ менѣе благонравіе ей извѣстно . . все забвѣнно ею! должностъ жены, матери, хозяйки дома. Дѣши ся почерпаютъ изъ обильного пороками изпачника, разврашъ,

И

безчестіе и пресиупленія; и совремиаиъ спановяшся соверішенно безполезными для отечества, кошорое ихъ воспитало, научило; для согражданъ, которымъ обязаны они по праву человѣчества познаниемъ ихъ законовъ, священною жертвою во время войны яко воины; и во время мира яко судій. Словомъ: они выходяшъ ни чио иное, какъ низкія сколки машерей, доспойныхъ спротаго наказанія законовъ.

П е т и м е т р ь.

Примаслишь волосы Французской помадой, усыпашь всю голову благовонной пудрой, одѣшся въ самомъ послѣднемъ вкусѣ; говоришь обо всемъ ни чего не размыслия, и ни чего не зная; прельщаишся и прельщашь наружносію, мѣнее всего помышляишъ о внутреннемъ; съ гордою умѣренностью говоришь о своихъ доспояинствахъ, не имѣя ихъ; презирашь дараванія, не умѣя оцѣнишь ихъ; сооружашь сисшемы и быть въ одно время *Циникомъ*, *Еликуромъ*, *Стонкомъ* и *Платоникомъ*; не знать ни кого лучше себя, быть должна всѣмъ и не плашитъ ни кому; говоришь дерзновенно о заслугахъ, и про-

повѣдывашъ о своей неуспрашимости и волокитствѣ; опзывашъся дерзко на счетъ добродѣтельныхъ женщинъ; пресмыкашъся по переднимъ вельможъ, желашъ снискать посредствомъ низости чины и почесши; воиѣ что значишъ *Петръ!* ежели слово petite таїте перевести липерально на рускій языкъ, оно знамянуешъ: *малинъкій Господчикъ..* и подлинно я ни чего не знаю мѣнее и не значущее пешимстра.

Шутъ.

Предки наши имѣли при себѣ шуповъ, или дураковъ, изъ человѣколюбія; они полагали, что лишенному ума нужно такъ же дать пропишаніе, какъ и дряхлому и израненному воину. Но мое дѣло говорить, что шушъ умѣющій подѣланія подъ голосъ мухи, жука; умѣющій бить по клявирамъ головою съ ошмыннымъ искусствомъ; свисшать по бурлацки, играшь на гудкѣ и плясашь въ присядку, выигрываешь не рѣдко предъ мудрымъ гражданиномъ ласковой взглядъ у вельможи; и для того я молчу. По томъ появились и на театрахъ шузы, называемыя иначе *бѣфами*: чѣмъ не благо-

приспойне ломающя они и козлогласяще, шѣмъ болѣе выигрывающъ предъ искусствами актерами; а сїе и доказываетъ тонкій вкусъ зрителей; чѣмъ болѣе . . . я хощу размыщлять далѣе, какъ прошелъ нѣкто восхищающій многихъ тонкими и замысловатыми своими шутками, и я за долгъ почишаю обрисовать его достоинства.

Не думаетъ ли кто, что онъ ходиша пакъ, какъ обыкновенно всѣ ходятъ? нѣшъ; онъ выше подражанія. Весьма рѣдко наблюдаешъ онъ равновѣсіе въ ногахъ, и всегда почти опирается на одну которуюнибудь съ большимъ напряженіемъ. Хотя онъ о геометріи не далѣе знаетъ, какъ разъ по имени: но прямыхъ линій ненавидишъ; и ходя, по большей часки придерживася кривыхъ. Злоязычный можетъ отнесши сїе къ дѣйствию спиритуальныхъ соковъ; но я божусь, что онъ въ супки не бываетъ въ росхмѣль болѣе двухъ разъ; а особенно въ зимній день, по тому что дни коротки. Поешъ онъ съ отменнымъ вкусомъ, хотя очень худо знаеть музыку и не смыслитъ различіиъ *Миноре* отъ *Мажоре*. Голосъ имѣющъ яркій и громкій: вчера, когда

онъ во внутреннихъ комнатахъ своего пріятелия пѣлъ арію и закричалъ: прощай-ше! . . то Ёдущій мимо дому извозчикъ сказалъ: мы еще увидимся; а это и доказываетъ, что онъ поспѣ свободно. Не любить до ненависти чиновъ и принужде-ний, а по тому въ маскарадахъ и другихъ публичныхъ гуляньяхъ, бываешь такъ раз-вязанъ, что безъ всѣхъ церемоній садится шамъ, гдѣ сму угодно; не рѣдко размыши-нii заводятъ его и подъ сполъ: гдѣ онъ до шѣхъ порѣ сохраняетъ глубокое молча-ніе, пока блюстители порядка поставятъ его на ноги. Болѣе всего любишъ башани-ческія сады, и по тому на всемъ лице его разцвѣтающіе фіалки во всѣ времена года. Сострадателенъ особливо къ близнимъ: и отъ того дѣшней жены своей равно любишъ какъ бы и своихъ. Жалуетъ такъ же живопись: и на портретѣ, сдѣланный кистью одного офицера, который расширалъ краски съ помощію помной супруги его, смотрѣшъ онъ съ опмѣннымъ удовольствіемъ.

Я почти всегда сомневался, что бы Фригийской Язонъ былъ вмѣстѣ мудръ и отвратителенъ до ненависти; кто читалъ описаніе его лица, спана, фигуры, шошъ со мною согласился, что онъ съ лихкмъ былъ безобразенъ. Сидя на скамейкѣ размышлялъ я, чи то за удовольствіе природѣ обезобразишь споль много человѣка, чи то бы безъ причины сдѣлать его жалкимъ! сколько лицъ, говорилъ я, кошорые не соошвшуюшъ сердцу, душе! . . сколько лицъ, кошорыхъ внутренность споль черна и низка, сколь пріятны черты его! кто бы могъ подумать, чи то бы шахтїй, вѣжливый *Левадушинъ* былъ мраченъ въ душе своей какъ лѣпняя туча, ся спрашная предшественница жестокихъ громовыхъ ударовъ? Кто бы помыслилъ, чи то его улыбка, его ласковый взглядъ, изображали низкое сердце, всего болѣе склонное ко злу? Кто бы могъ подумать, чи то богомольная *Излѣта* въ самомъ дѣлѣ была ханьжа; при наружной умѣренности, разочищельница; при скромности, болтушка; при воздержности, кокетка? И кошорая ночь посвѣщаешь шуа-

лешу и любовнику; деревни щекамъ покрытымъ морщинами, что бѣ изкупишъ бѣлилъ, румянъ, помады и другихъ приправъ, и навохришь ихъ не умѣренною рукою. Кто бы могъ подумать, что бѣлыя зубы ся сдѣланы были изъ слоновой kostи; длинныя ся волосы вырѣзаны изъ косы ся дѣвки? Которую она ненавидишъ за то, что сама не можетъ быть такъ хороша безъ приправы; бѣла, безъ кашинскихъ бѣлилъ, ловка безъ принужденія; привѣтила безъ строгихъ наблюдений какъ улыбнувшись, какъ взглянувшъ, какъ задумалася, какъ сдѣлать ямки на щекахъ; . . по тому, что сія наука преподается только въ спальняхъ иѣкошорыхъ барынь въ описаніи и мужей ихъ и любовниковъ. -- Кто бы могъ представишь, что бы Честнодумъ, котораго за то, что лице его иногда угрюмо, называющъ гордымъ и надменнымъ, былъ во внутренности своей кроткій, шихій, обходительный человѣкъ, хороший другъ, безприспособленный судія, защищникъ пристрастныхъ, покровитель наукъ и доспоинствъ? Со всемъ злозычесмъ низкихъ душъ, доброю сердца своего, возносится

онъ надъ сими пресмыкающимися. Лице
его угрюмо: но сердце нѣжно, и стражду-
щее человѣчество всегда найдетъ въ немъ
къ себѣ соболѣзнованіе, помощь и покровъ.
А мои любезныя чишатели! будьше споль
угрюмы какъ Честнодумъ; но будьше споль
чувствительны, споль безприспрасны какъ
онъ. -- Пришесненный, найдетъ твердую
защиту въ законахъ; гонимый, покровъ въ
правосудіи; порочный, умѣреннос наказаніе
и снизхожденіе къ слабостямъ его; кляшвы
на неправосудіе изреченные, будущъ изче-
занъ въ устахъ шого, кио осмѣлился произ-
нести ихъ; и человѣки почувствуютъ, что
можно наслаждаться благомъ и на земли;
погода . . . а мнѣ однако же между шѣмъ
представился Россійскій Язоль: въ обѣихъ
рукахъ держалъ онъ шетрапи бумагъ: на
одной изъ нихъ нарисованъ былъ слонъ и
оселъ; на другой человѣкъ и пузырь разгова-
ривающія. Подражаніе его Язопу шѣмъ удач-
нѣе, что шотъ заславлялъ разсуждать звѣ-
рей какъ людей; а онъ людей какъ скотовъ.
Онъ казался задумчивымъ; и это его даро-
ваніе, что бъ думашъ ни чего не думая. Но
плодовищое! его воображеніе породило рѣд-

кую басню: лесъ и собака. Несколько стиховъ изъ сей басни, въ которой онъ охуждаешь сапириковъ, есть нечто лучше, нежели хорошо. Я предложу ихъ къ удовольствию читателя:

Зоиль единия дубровы

Крича,

Ворча,

Какъ шоки шумныхъ водъ журча,

Или какъ полпиво внушилъ насъ бурча,

И мысля наложишь на чувственоспь

оковы,

Шинишъ,

Бурлиншъ,

Браницъ,

Финшиншъ;

Однакъ сдержашъ сего ни какъ лихъ не способно!

Кто началъ ужъ писать пресната не удобно.

Осипавляя судить читателю о чистотѣ стиховъ, о изобиліи мыслей, о плавности, съ какою басня лесъ и собака писаны: я смѣю только то сказать, что пять причастій, помѣщенные сряду, дѣлающіе стихи какъ важными, такъ и нѣжными для слуха.

Но въсъ сїи красопы ни чпо въ сравненїи съ переводомъ его Язопа и ла фоншена на Персидскій языкѣ. Тщетно силятся брамины ихъ разрѣшишь, гдѣ болѣе красопы въ оригиналѣ, или переводѣ. То шолько извѣстно, чпо одно на другое ни мало не похоже. -- Испаганская академія помѣстила его въ число своихъ ученыхъ. -- И вомъ членъ, кошораго, не наруша благоприятности, ни кому не лъзя показашь . . .

Ч е л о в ё к з.

Чїи величественные черты предшавляющія взору моему? улыбка, сопровождаемая крошесшию, благоразуміе, мудрость, проницаніе, кого предшавляютъ возхищенному воображенію моему? Не нѣкое ли баснословное божество шесипуетъ тихими спопами и оживошворяетъ природу? Гордыня, невѣжество, зависть, сїи чудовища распльвающія иравы, сокрываюшъ нахмуренное чело свое; покрываюшъ постыдныимъ бѣгствомъ слѣды свои отъ взора, куда шолько обращаетъ его сей великій мужъ. -- Но кшо онъ? Се шоль, кошорый держа громъ въ рукахъ, обращаль многокраинно перуны

свои на пораженіе враговъ отечества; и двоескашно вручалъ оливы побѣжденныемъ непріятелямъ . . Се щошь, который имѧ
имѧ ЕКАТЕРИНЫ рѣкъ: и два величай-
шія государства вкушаютъ спокойствіе и
шишину, сїи драгоценныя плоды мира.
Се щошь, который побѣжалъ яко Ахил-
лесъ, и оплакивалъ шруны убіенныхъ, яко
человѣкъ . . Се щошь, который пребывая
иѣкогда въ сполицѣ побѣжденныхъ, заспав-
лялъ трепетаніе себѣ единаго многочислен-
ному народу, и коего мановеніе, казалось,
колеблеть царства, когда они разрушаютъ
спокойствіе его отечества . . Се щошь,
который по средѣ чуждыя державы обуз-
далъ дерзость несмысленнаго народа, из-
бралъ хранишеля закона, и доказалъ, что
гдѣ иѣшь повиновенія, тамо правоша безъ-
молвна; насилие сооружаетъ свой престоль;
и исшинна, будучи современна, и равно-
сильна божеству, оставляешь смертныхъ . .
Тщетно прохожу я исторію; тщетно
изыскиваю людей великихъ, которыхъ бы
могли служить живымъ изображеніемъ мужа,
описываемаго мною . . . *Сциллоны, Тюренн,*
Сюлли, суть слабыя зерцалы дѣлъ его . .

Я хочу представиши героя, министра, полководца, человѣка! . . и се онъ, косму можно придать имя прямаго человѣка.

Великій мужъ! ежсли слабое изображеніе мое доспигнисъ до слуха твоего; ежли спроки мои удостоянія членія твоего: не оскорбляй истины, онося сїе на счетъ лести; не оскорбляй сердца, которое водитъ иеромъ моимъ . . . Льстецъ не доносенъ воспѣвашъ мужей великихъ . . низость: ссѣшь его чувствованіе; награда его: презрѣніе.

Александръ Клужинъ.

НОЧИ.

(Продолженіе.)

Конечно, Милославая Государыня, сказаъ я ей въ спрахъ, какой нибудь новой Юпитеръ просилъ васъ чтобы продолжиши здѣсь ваше присудствіе для сво забавъ, и вы можешъ быть ищеше меркурія, чтобы черезъ нево отрапортировать Богу громовъ, что время ему убираешься на Олимпъ, если ли не хочешъ онъ, что бы какой нибудь

Амфитріонъ переломалъ ему руки и ноги и подвергнулъ бы свою опасности пролежасть мѣсяца три въ публичной больницѣ: нѣшь оправдала она мнѣ, для нынѣшихъ Алькменѣ не нужны такія чудеса; надобно олицасть справедливость что и Амфитріоны нынѣ гораздо говорчивѣе прошивѣ сизарыхъ вѣковъ; ибо Юпитеръ для нихъ прибѣгаешь чаще къ помощи Плутина, нежели ко мнѣ.

И такъ ты видишь, что я къ тебѣ совсѣмъ не для того пришла; но мнѣ ешь надобность другаго рода, которую хочу я на тебѣ возложить, выслушай меня.

Недавно Молузъ давалъ Богамъ вечеринку; и хотя я рѣдко бываю въ большихъ собраніяхъ; но случилось такъ, что на этой пирунѣ сошлась я съ Фебомъ. Мы разговаривали съ нимъ очень долго о нашемъ жребіи и должностяхъ. Разговоръ зашолъ и о людяхъ около которыхъ мы споль давно съ нимъ вершимся. Между тѣмъ примѣшь, что полная чаши съ виномъ безъ усашки обносились около гостей. Признаясь надобно, любезная Ночь, сказалъ онъ допивая двенадцатую бушылку некпару,

швоя должностъ мнѣ жалка, и я дивлюсь
для чего не просишишь ты у Боговъ въ ош-
спавку; а особенно въ швои почтенныея
льша совсѣмъ не прилично таскашся по
свѣту только для того, что бы видѣть
сонные или зѣвающіе народы. Милосердивой
Государь, ошвѣчала я ему очень учтиво, я
ни мало не думаю пѣняти на свою судь-
бу и очень довольна своимъ сосстояніемъ;
а потому что и ваше сожалѣніе
очень не у мѣсна. Правда: мои лѣща
не дѣлскіе, но я не много сиарѣе Вен-
еры, и все это не доказываетъ что бы я
была безполезна; да еспѣли бы и въ
самомъ дѣлѣ во мнѣ пользы ни какой не
было; то моя порода одна даешь мнѣ пра-
во имѣть олшари и собирашь жертвы.
Мало ли у насъ есть Боговъ Тунеядцовъ,
кошорые не заслуживающъ ни фунта ше-
ляпины; а пользующіе такими жертвами,
что могутъ жить богатѣе всякаго; между
тѣмъ какъ они дѣлающъ народу болѣе зла
нежели добра. Нашъ хозяинъ самъ, хотя
не иное чио какъ шупѣ на Олимпъ, но онъ
за свое ремѣсло получаешъ болѣе доходу
нежели всѣ Академіи вмѣснѣ. Скажи мнѣ:

какую пользу приносишъ Бахусъ? Весь Олимпъ думаешъ что онъ не тратишъ время, копорое проходишъ только въ томъ, что онъ или пьешъ, или сочиняешъ негодные пѣсеньки, бывши споль же дурной писатель какъ и поэтъ, хотя то и другое ремесло почишаешъ онъ рожденнымъ для ево головы: онъ одинъ выдумалъ способъ съ зѣвопы собирать доходъ; и я думаю, что ему даромъ не пройдешъ, когда Морфей узнаешъ, чио пьянай Бахусъ своими пѣсенками перебиваешъ у нево должностній и усыпляешъ слушателей безъ его вѣдома. Посмотримъ шеперь на Меркурія, доспоинъ ли онъ шакихъ большихъ доходъ и шакого прекрасного дома, которой выстроилъ онъ на счетъ своихъ плутней. Ему поручены купцы, а онъ самъ зачалъ входинъ въ подряды: вспомни давно ли Юпитеръ изломалъ обѣ нево всю кадуцею за то, чио онъ зачалъ съ подрядчиковъ сбираять взяшки. -- Изъ всѣхъ ево званій наблюдаешъ онъ съ лучшею исправносшю званіе Бога воровъ; и можно оправданъ справедливость, чио онъ у нихъ первой по своему доспоинству. И шакъ видиши ли

ты господинъ Фебъ, чио немного найдешся Боговъ, которые бы получали жерпзы по справедливости.

Музы твои очень умныя девушки; но и они померли бы съ голоду, ешь ли бы Калюпа не поддерживала ихъ, взявъ на подрядъ лучшіе города, куда спавши она оды на иминны и на похороны: да и этошъ торгъ начинаешь у нее илохокльишься, для чио примѣчающъ въ се твореніяхъ все спэрое; а человѣческое самолюбіе ни къ чему такъ не жадно, какъ къ новымъ похваламъ, Мельпомена твоя какъ ни жалко плаченій; но во всю нынѣшнюю зиму она ни на башмаки себѣ не выплакала, и ошъ ее трагедій плачутъ одни типографщики. Твоя шалія, правда, смѣшишъ народъ и за это собираешь изрядной доходишко; но желаніе добывать деньги заставляетъ се доходишь до подлости, и она часъ ошъ часу болѣе оправдываешь ошъ себя чеснныхъ людей, и вместо чио бы быть полезнымъ и веселымъ учительствомъ нравовъ, стараешься своими шунками понравиться пьяному народу; съ котораго не думаю одинакожъ чио бъ собрала

она себѣ на порядочное пропишаніе. Что до другихъ швоихъ музъ, то ешь надѣжда, что они скоро преврашашь Парнасъ въ богадѣльню; а слухъ уже носится, что Клѣо швоя безъ памяти и безъ языка.

И шакъ ты видиши, сколько найдешся Боговъ которые пользуюшся доходами по своему доспоинству. Что до моей должности господинъ Фебъ, то я не знаю почему бы она казалась достойною сожалѣнїя. О, о! сказалъ Марсъ, вслушавшись въ нашъ разговоръ и вынимая пабакеру, швоя должностъ не только не унизительна, какъ говоришь Фебъ; напротивъ она презавидна: сколько разъ доспавляла ты мужьямъ украшеніе, которато нѣтъ способовъ прицѣнишь имъ въ присудствїи эшаго свѣшлаго подзорщика; сколько разъ, очень къ спашъ, наносила ты сонъ строгимъ матерямъ, тогда какъ прелестныя ихъ дочки упошибляли въ пользу свѣща свою безсонницу; сколько разъ унижала ты гордость несправедливыхъ судей, пособляя обкрадывать ихъ меркуріевымъ чадамъ, тогда какъ первыс думали, что они одни краси имѣютъ преимущество . . Какіе мѣлочи, вскричалъ

Фебъ, прошивъ моихъ подвиговъ! я освѣщаю знанийшіе дѣла природы и человѣковъ, и даю имъ настоящую цѣну; въ мое присудствіи освѣщаюся славнѣйшія сраженія, съ моей помощью созидаются пышныя зданія, я бываю свидѣтелемъ великолѣпнѣйшихъ обрядовъ: словомъ для меня всякой день цѣлой свѣтъ играетъ комедію, надъ которой ты Ночь только что опускаешь занавѣсъ . . . Пустое! сказалъ подошедъ Бахусъ и домягивая двадцать четвертую бутылку шампанскаго, пустое, господинъ Фебъ! правда что при тебѣ свѣтъ играетъ комедію; но развязка ее бываетъ ночью. Самыхъ лучшихъ явленій рѣдко случалось мнѣ при тебѣ видать: ты освѣщаешь пышность, гордость; твои лучи пишаютъ самолюбіе красавицы, щеголя и надмѣнаго вельможи; но сердце болѣе чувствуешь и голова болѣе разсуждаешь ночью . . Спроси у самихъ людей, и тебѣ признаются, что они болѣе ищущъ щасливыхъ ночей нежели щасливыхъ дней.

Надобно ошдашь справедливость Ночи, сказала съ презрительной улыбкою Юнона, что она очень полезная богиня для невѣр-

ныхъ мужей и для непостоянныхъ женъ..
шутъ Юпитеръ засвисталъ пѣсенку изъ
новой оперы, а Венера улыбаясь погляды-
вала на Марса.

Что до меня, вскричалъ Геркулесъ, то
я бы желалъ чтобы Ночи лучше на свѣтѣ
не было: она только служитъ помѣхой слав-
нѣйшимъ дѣламъ, и помогаетъ трусамъ
укрываться отъ своихъ непрѣятелей. Сколь-
ко разъ бывалъ я свидѣтелемъ, что эта
Богиня разводила величайшія браны въ са-
момъ ихъ жару, и когда полны великихъ
душъ сходились изъ за нѣсколькихъ тысячъ
спадий, чтобы имѣть сладкое удоволь-
ствіе, или зарѣзать или быть зарѣзанны-
ми; когда неуспрашимые умы, обожая славу,
не имѣли предразсужденія бить нспрѣяше-
лой своего опечеснва; но почтая цѣлой
свѣтѣ своимъ опечеснвомъ, дрались вездѣ,
гдѣ только есть случай перевести родъ
человѣческой, и со словою вмѣшивались во-
всѣ ссоры гдѣ ихъ не спрашиваютъ; когда
цѣлья народы.. Короче молвить, что вы
хотите сказать? Спрашивалъ я у моей
разговорившейся безъ усташку старушки..
и сверхъ того продолжалъ я, чѣмъ касаешься

до меня споръ вашихъ Боговъ? Не ужли вы думаєшъ, что я земской вашева Олимпа, и долженъ рѣшишь всѣ ваши раздоры, кошо-рые ни когда не кончатся? А еслъли вы изъ одного приспрашія говоришь, пересказываешъ мнѣ всѣ ваши приключеніи; то признаюсь что мнѣ тѣперь не время васъ слушать. Мы съ пріяшелемъ подрядились поспавишь къ завіраму оду и на мою часть доспалось сдѣлать пяцдесѧтъ двѣ спрофы похвалъ; и хотя надѣжда что мнѣ запла-тишъ наличными придаешъ крылья моему воображенію, и я списалъ изъ разныхъ одъ три спрофы; но все еще оспасиша выпи-сать сорокъ девяишь, а я еще и писашелъ не выбралъ съ копорыхъ бы можно было собрашь такой большой оброкъ. Ты ви-дишь любезнай чишашель, чио я хощѣлъ только отпѣланъся отъ этой госпини, ко-торая мѣшала мосму уединенію; и для того ничего невыдумалъ вѣроятнѣе этой лжи.

Безумный смершны! вскричала Богиня. Еслъли бы ты не былъ мнѣ нуженъ, чтобы научила я тебя знать каково помѣшать женщины --- но помни мои наставленіи: женской языкъ останавливай и спроишь

плотину во время разлипія рѣки, это двѣ вещи, которыхъ болѣе опасны нежели возможны. Не думай однажды что бъ повѣстъ моя о Момусовой вечеринкѣ не касалась до тебѣ: она есть первая причина, которой одолженъ шы моимъ посѣщеніемъ. -- Но я хочу ее тебѣ доказать.

Едва Юнона и Геркулесъ приспали къ Фебовой сторонѣ и поддерживали ево первенство передо мною, то передались на свою сторону множество и другихъ Боговъ. Первая была Церера, которая зла на меня за то что многія поселяна оставляя ее нивы спали подъ покровищельствомъ моимъ собираясь съ проѣзжихъ оброкъ, а по шомъ переселялись со всѣмъ въ города, и тамъ воруя сперва въ присудствіи моемъ, наконецъ подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ спали безопасно уже воровашъ и днемъ, не помышляя ни о серпѣ ни о живѣ. По томъ передалась Минерва, которая подозреваєсь, будто я служу немалою подпорою суполнищъ игроковъ, которые гоняясь за щастіемъ безъ кафтановъ, умьють споль блестящимъ сдѣлать свое сосстояніе, что множество молодыхъ фабрикантовъ и ху-

должниковъ; оставя се фабрики взялись за легкой способъ перекрадывать другъ у друга деньги посредствомъ каршъ, и этимъ упражненіемъ подрываюшъ ее лучшяя руко-дѣлія и раззоряя себя остановятся своею праздносщю въ шагость цѣлому общеспву. Пошомъ слѣдовали и другіе Боги: такъ что наконецъ не знали, кому изъ насъ съ Фебомъ дать преимущество!

Тогда хозяинъ нашъ Момусъ вспалъ и поклонясь очень учтиво собранію Боговъ, подалъ свое мнѣніе.

Милосшивые Государи, зачалъ онъ, я имѣю щасшie быть Богомъ дурачества; и миъ шаръ земной принадлежишъ болѣе не-жели всякому другому Богу: Венера имѣеть свое время, Марсъ свое; но человѣкъ родился и умираетъ моимъ рабомъ; и надобно от-дать справедливость, что я люблю зани-маться этими размышляющими куколками, копорые въ томъ только почти и упраж-няются чтобъ ставишъ трофеи моему величию. Но несмотря на то, что я не от-ступаю отъ людей ни на минуту; и до нынѣ еще не знаю когда люди усерднѣе мнѣ служатъ днемъ или ночью; и пошому

шо не рѣшусь, ково мнѣ изъ васъ предпо-
чесь. Но послушайте моево мнѣнїя какъ
рѣшишь вашъ споръ: согласишесь, ты Фебъ
и ты госпожа Ночь, веспи записку люд-
скихъ дѣлъ всякой по своей часпи, хопя
одинъ годъ; и когда окажешся, что при-
комъ нибудь изъ васъ люди менѣе дура-
чущія, тошь пустъ оспанешся винова-
тымъ; а побѣдителю я обѣщаю вѣнокъ изъ
ослиныхъ ушей вылишихъ изъ чистова зо-
лота. Не подумайше чѣобъ этотъ пода-
рокъ быль маловаженъ: съ обладаніемъ зо-
лощихъ ослиныхъ ушей совокуплено удач-
ное волокидство, щастіе въ исканіи мило-
сти и способъ казашся разумнымъ не
имѣя ни на полуушку разума.

Всѣ Боги одобрили мнѣнїе Момуса; а
какъ я не хопѣла прекословитъ хозяину,
то и согласилась на сво предложеніе; имѣя
въ самой мысли намѣреніе такимъ подар-
комъ подрадѣть Фебу, рѣшилась я веспи
записку ночныхъ приключений. Признаюсь:
хочешся мнѣ ево видѣть съ такимъ же пре-
краснымъ уборомъ, какой нѣкогда подрадѣлъ
онъ Мидасу; и намѣреніе мое только все въ
томъ, чтобы онъ выигралъ въ этой тяжбѣ.

Несколько разъ проходя мимо здѣшнихъ мѣстъ видѣла я часпо, что у тебя горитъ свѣча, и заключила, что, или ты мучимъ сочинишелями, или самъ сбираешься мучить публику: и дѣйствительно замѣтила я, что ты пишешь; а мнѣ такою шо человѣкъ и нуженъ которой бы имѣлъ великой духъ однимъ присѣстомъ изчерчивашь деспи по двѣ бумаги; не имѣя малодушія спрашивши ругательствъ и зѣвоты не угомонныхъ чишателей.

Съ сей Ночи долженъ ты выходитъ въ 10мъ часу, возвращающъся домой въ 5мъ по полуночи, и записывать все шо чио во время твоего выхода увидишь и услышишь; или бойся моего мщенія: я женщина; и ты можешь быти увѣренъ что искусство ошмѣщаніе мнѣ не безъизвѣстно. Слушай же: выбирай любое: еслъли согласишься исполнить мое приказаніе, то я отдаю тебѣ во владѣніе звѣзду Сиріосъ; и хотя будешь ты онъ нее удаленъ на миллионы земныхъ поперечниковъ; но я увѣряю тебя, что живели ее, а твои подданныя будуть почитать и признавать тебя своимъ владѣтелемъ . . Какъ! вскричалъ я съ восхи-

щеніемъ, такъ я самъ тамъ буду? . . .
Нѣтъ, отвѣчала моя госпья, тебя тамъ не
будешъ, но я пошлю туда твою перчатку
которая будешъ такъ же свято почищатся
какъ ты самъ; и всѣ важныя дѣла знатнѣйшія
вельможи будущъ подписывать, надѣвъ ее
на руку. Словомъ ни одного дѣла не сдѣлаешъ-
ся, которое небыло бы отъ твоего имени.

Я вижу, Милоспива Государыня, сказалъ
я, что вы хорошего мнѣнія о нашемъ пи-
сательскомъ ремѣслѣ, и думаше, что произ-
веденія нашего воображенія можно такъ же
и ошилачивать наградою по воображенію.
Но признаюсь: я несполько прельщенъ мѣ-
чтательнымъ міромъ, чтобъ плѣняться об-
ладаніемъ Сиріуса, и чтобъ между тѣмъ
какъ моя перчатка будешъ дѣлашь тамъ вѣ-
ликія дѣла, самому бы миѣ нравилось уми-
ратъ здѣсь съ голоду. И есть ли всѣмъ
моимъ шоварицамъ писацелямъ раздадушъ
такія знатныя Королевсвы на воздухѣ,
что для содержанія Ншихъ Величесствъ
должно будешъ современемъ выстроишъ
проспранную богадѣльню.

Дерзкой человѣкѣ вскричала Богиня не-
смѣй смѣялъся надѣ дарами Боговъ; и моли-

лучше ихъ чтобъ жишелі Сирюса обожали
твое имя, . . при семъ взяла она мою пер-
чашку, . . и чтобъ вельможи какъ можно
рѣже надѣвали эту перчашку для своей ко-
рысти и ко злоупотребленію. Еспѣ ли же
ты заупрямишься весни записку ночныхъ
приключеній нынѣшняго года, то вмѣсто
звѣзды Сирюса дамъ я тебѣ злую жену, ко-
торая у тебя въ домѣ такъ же будешь
сильна, какъ твоя перчашка въ Сирюсѣ, и
которая . . Не продолжайше вскричалъ я! . .
изполню вашу волю и всѣми силами поста-
раюсь заслужить награжденіе, которое прі-
ятно мнѣ только шѣмъ, что избавляешь
меня отъ такого страшнаго наказанія.

Но какъ великому обладателю Сирюса на-
добно что нибудь бысть, и какъ онъ отъ
своихъ подданныхъ смотря по качеству
вельможъ, которые будущь пользуясь
сво перчашкою, кроме усердныхъ похвалъ
ничего не получишъ; а моральная пища
очень худо варишся въ физическомъ же-
лудкѣ; то позвольше мнѣ хотя открыть
обществу ночные мои приключения, и воз-
вратишь ему за наличные деньги то, что
отъ него займу я украдкою. (Печатай все,

что увидишь, отвѣчала она, но берегись личности.)

Если, напримѣръ, увидишь ты Парнасскаго нищаго, кошорой схвашя вмѣсто ножа свою оду, нападаешь съ нею на церваго дежнаго мимохожаго и пересчитываетъ наугадъ доспоинства тово, кто едва по имени илько ему извѣщенъ; если увидишь ты, что онъ поищетъ надъ продажными похвалами и хочеть переупрямить цѣлой свѣтъ, навязываясь ему на шью со своими одами, въ кошорыхъ, наперекоръ здравому разсудку и истинѣ, отводитъ онъ непременные квартеры добродѣтелямъ памъ, куда они заглянуть боятся и спавитъ престолъ разуму въ шакой головѣ въ кошорой свищевъ сквозной вѣшеръ; то запиши это и скажи свое мнѣніе; но не называй имени продажнаго писаки, а оставь для него на нѣсколько буквъ порожнего мѣста; и когда твой герой усовѣтился лгать; то пущь при первомъ покаянїи подпишешь подъ твоимъ описаніемъ свое имя, съ обѣщаніемъ, не гнушь впередъ въ лугу природу, разсудокъ и истину.

Когда увидишь ты, что нѣжная красавица дѣлаешь щасіе милаго себѣ человѣка и вступаешь съ нимъ въ супружесшво, не осмѣливаясь подозрѣвать, чтобъ любовь ево къ ней изчезла, и когда узнаешь, что новобрачной сей философъ, за прежнее свое щегольское поведеніе, осужденъ судьбою играть у молодой и прекрасной жены своей мучительское для него лицо Тантала; тогда вздохни о немъ пожалѣй о подобныхъ ему молодыхъ людяхъ, кошорые женяшся только для штого, чтобы вводишь во искушеніе непостоянства самыхъ скромныхъ красавицъ. Но неназывай его по имени, и пусть позабывшишь первой онъ улыбнешся чистая описаніе себя, между тѣмъ, какъ прекрасная жена его вздохнешъ украдкою о томъ, что ее замужство построило ей замки на воздухѣ, и что она отъ своихъ подругъ почипаешся обладашельницею такаго блаженства, кошораго сладость извѣстна ей по одному воображенію.

(Вопій мои правила, пиши такъ чтобъ всякой улыбался чистая швои описаніи, иные бы краснѣли; но чтобы на тебя не сердился ни кто.) Милоспивая Государыня,

опвъчалъ я, сапира есть камень, которымъ бросаюшъ въ кучу безумныхъ; а вы знаеше что брося камень въ многолюдную шолпу дураковъ, не лъзя осперечься чтобъ въ кого непопасть, и шакъ есть ли кто осердишся.. Если ли кшо осердишся, то ты виноватъ, должно чтобы ни кто не сердился, и сїе то есть искусство сапиры. Взгляни напримѣръ, на Анпирихардсона, онъ въ своемъ романѣ сердится на весь свѣтъ, а на нево ни кшо: онъ вмѣсто досады возбуждаешь прїятную зѣвошу.. и самой щекотливой чишашль заснешь прежде, нежели успѣшъ на нево разсердишься, посмотри на мнимаго нашего Дешуша: онъ съ театра сильною рукою нападаешь на зришель; но какъ въ ево комедіяхъ нѣшъ ни одного человѣческаго подобія, что ни одинъ слушашель не-принимашъ ево сапиры на свой счетъ, и когда авшоръ браиншъ Петербургъ, то часто думающъ, чти онъссоришся съ Пекиномъ. Природа дала ему ключь, какъ ладишь съ Публикой; дѣло все въ томъ, чти ево ни кшо не понимашъ: а ково не понимашь на шово грѣхъ и сердишься.

Возми въ примѣръ Басиобрѣдова: онъ писацъ цѣлой вѣкѣ, бранитъ всѣхъ; но ево никто не чишаешъ, сколько ни дѣлалъ онъ объявленій о своихъ новостяхъ; сколько ни пѣчаташъ онъ своихъ сочиненій; но никто не скорбился ево сапирою; ибо онъ успѣлъ первымъ своимъ сочиненіемъ споль обезпѣчишь публику, что она никогда уже нелюбопытствуешь видѣть и читать ево новостей; и такъ онъ можешъ смѣло разругашь весь свѣтъ, прежде нежели какаянибудь живая душа о томъ догадаєтся. Я помню что онъ написалъ нѣкогда презабавную и пренасмѣшливую комедію; признаюсь, я ожидала, что онъ неминуешъ съ кѣмънибудь ссоры; но дѣло кончилось самымъ лучшимъ образомъ. Книгопродавецъ продалъ ево комедію въ овощной рядъ съ вѣсу, все изданіе въ короткое время разхвалили по листамъ, авторъ удовольствовалъ свой сатирической духъ, и при всемъ томъ въ мысляхъ общеспва остался скромнымъ писателемъ; хотя споишъ только заглянушъ въ корзинку у первого разнонника, чтобы видѣть какъ ядовина его сапира.

Пользуйся такими хорошиими примѣрами: брани еспь ли уже то необходимо для твоей желчи; но брани такъ, чтобы тебя ни кшо не чипалъ; и ты будешь въ великому согласии съ публикою. Проспи, помни слова

мои . . и въ сю минуту начни твою должностъ . . два часа за полночь будь только прилеженъ и ты не потеряешь время . . и въ ту минуту она изчезла; а я зѣвнувши раза два шри вспалъ съ поспели ворча сквозь зубы, одѣлся на скорую руку, накинулъ на себя спанчу и пошелъ слоняться по улицамъ, дабы записывать испинну, которая всегда доставляещъ главной доходъ ругательствами.

Вотъ, любезной чишатель, въ чемъ хочу я сдѣлать тебѣ довѣренность. Днемъ ты можешь спокойно самъ замѣтить что тебѣ встрѣтишися, а что сдѣлается ночью, о томъ я тебѣ буду тихомолкомъ сказывать; и послѣ мы посмѣшимъ: Ночи или Фебу принадлежащій завидной на Олимпѣ вѣнокъ изъ золошыхъ ослиныхъ ушей.

Ночь I.

Едва прошелъ я нѣсколько шаговъ, какъ примѣтилъ карету и близъ нее двухъ молодыхъ человѣкъ которыс вынимали изъ нее веревочную лѣспницу. Съ великою оспорожностію подошли они къ одному богатому дому, кашлянули раза три и съ верхнегого жилья спустилась къ нимъ шоненская веревочка, къ кошорой прикрепили они свою лѣспницу . . . и оную въ минуту зачали

вспыгивать на верхъ . . . какъ я начинался довольно такихъ любовныхъ новостей въ романахъ, то и не почелъ эпо произшествіе достойнымъ примѣчанія; а пожелавъ пріятнова сна мужьямъ и машерямъ продолжалъ путь свой долѣ . . . и миновавъ корешу пробирался подлѣ спѣнки; какъ вдругъ услышалъ у воротъ шово дома двухъ женщинъ очень тихо разговаривающихъ . . . Ахъ! мадамъ Плушанвиль говорила одна другой они уже привязывающъ лѣсницу . . мы едва не опоздали; хорошо мы вздумали что оставили въ верху плюшану; а чтобы не кому и лѣсницы было принять . . но признаюсь вамъ, что я робѣю отъ эшаго приключенія; когда воображаю, что мнѣ надобно будетъ слѣзать въ теперешнюю шемношу къ моему любезному Вѣпрогону съ такой вышины, что сердце у меня замираетъ . . . Вотъ странная прихоть! сказалъ я самъ себѣ, всходишь въ прешье жилье и лѣзть отъ толь по деревочной лѣсницѣ къ своему любовнику, тогда какъ она сама споишь отъ ево кареи въ десяти шагахъ. Надобно думать, что эша девушка жалуетъ окличности . . но удовольствую свое любопытство и разсмотрю, что значитъ это странное произшествіе . . .

Иванъ Крыловъ.
(Продолженіе впредъ . . .)

ЗРИТЕЛЬ

ежемѣсячное изданіе

1792 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ, 1792 го.

въ типографїи И. Крылова съ товарыщи.

ОДОБРЕНИЕ.

Напечатаніе позволено отъ Управы благочинія
Апрѣля 18 дня 1792 го года. Коллежскій Совѣт-
никъ и отправляющій должностъ Сanktпeter-
бургскаго Полицеймейстера

Андрей Жандра.

Мѣсяцъ Апрѣль.

О врожденномъ свойствѣ Россіянъ.

(Продолженіе.)

Когда же Россіяне почитали всегда
стыдъ за ужасное и величайшее наказаніе,
что можно заключить безошибочно, что
нравы ихъ чисты и непричастны грубо-
сти и буйству, чемъ многие чужестранные
писатели хотятъ помрачить испорю-
нашу . . . Но оставимъ ихъ лгать без-
стыдно подобно Аббату *Шарлю*, который
былъ здѣсь для наблюдений астрономиче-
скихъ принять съ обыкновенною къ чуже-
страннымъ ласкою, нашелъ во всемъ пошъ
неколебимый порядокъ, до кошораго славя-
щіеся просвѣщеніемъ народы еще и ко-
снувшись не имѣли надѣжды; онъ нашелъ во
всемъ изобиліе какъ для желудка, такъ и
для кармана своего, и преизполненъ будучи
зависшію, возвращаясь въ свое отечество

выдалъ свои примѣчанія на Россію, гдѣ измѣлъ весь ядъ злоречія, и шѣмъ самымъ доказалъ, что онъ великий оптикъ и итвердо знаетъ законы преломленія лучей, отъ котораго всѣ предметы кажутся въ верхъ ногами . . . Оспавимъ, говорю я сихъ злобѣснующихся опѣ зависи и останемся при свойствѣ нашемъ, спанемъ бояться стыда, и слѣдовательно спанемъ гнушающіеся всего этого, чио можетъ наносить сиыль.

Мягкосердечіе и праводушіе Россіянъ изъ сего ясно видны; условія ихъ извлечены изъ свойства врожденаго . . Ибо опкуда занять, когда подобнаго ни гдѣ, кроме насъ, не существуетъ. Россіянинъ доказалъ опыпами ивердое наблюденіе своего слова, и приобрелъ совершенное къ нему довѣріе . . . Честъ слова его неразлучна съ его существованіемъ . . . святое наблюденіе слова есть гордость души его, и для ишого Россіянинъ не говоришъ: я рабъ моего слова: но я господинъ своего слова: зная совершенно, чио господину лгать не свойственно . . . и чио не поколебимо только то, чио не принужденно; а рабство ни какой довѣренности недостойно:

ЕКАТЕРИНА Великая достойно возгнувшись рабствомъ повелъла на всегда и самое слово *разъ* изключить изъ языка Российскаго.

И такъ имѣть нѣчто врожденное народъ Российскій; и сїе нѣчто достойно и почтенія и прославленія; не упрекнешь меня ни кто лесшю: ибо все сїе основано на доводахъ не мечтательныхъ: но исинно существующихъ. Просвѣщеніе чужестранное хотя и ввело между нами обяза-
шельства другаго рода, шо есть: заклады и поручительства; но однакожъ не уни-
чижило и важности даннаго слова; доказа-
зательство тому неоспоримое учрежденіе-
въ нынѣшнемъ благословенномъ царствова-
ніи словесныхъ и совѣшныхъ судовъ: и
такъ есьли бы не было свойства народнаго
бояться спыда, то что можешъ сдѣлать
совѣшь, и къ чему пошребенъ судъ, гдѣ
разбирашельство дѣла основано на совѣ-
стяхъ шажущихъ?

Купецъ; который одобрилъ словесно ряд-
скимъ людямъ своего сидѣльца, плашивъ
за него безъ всякаго суда все, что онъ ни

заберемъ, хотя бы онъ и промошалъ свое-
го хозяина . . . Чужесиранное просвѣщеніе
начинаешь ужѣ доспигашь и до сидѣльцовъ:
но вѣтъ примѣра, чтобы одобравшій сло-
весно сидѣльца хозяинъ не заплашилъ по
своему слову, или бы началъ тяжбу; между
крестьянствомъ же и не знающими другихъ
увѣреній, кромѣ слова.

Можешь быть, мнѣ скажутъ, что видали
иногда крестьянъ воровъ и запирающихся,
купцовъ обманщиковъ и плутовъ да и са-
мыхъ дворянъ лжѣ причаспныхъ . . . Но
могутъ ли нѣсколько развращенныхъ людей
подать причину къ заключенію, что вся
Россія развращена? И въ самомъ солнце
примѣчающія птицы: ни кипо однакожъ не
повѣришъ, чтобъ сїи птицы уничтожали
въ немъ свѣтъ и живительную теплоту.

Основываясь на семъ свойствѣ Россіянинъ
будучи самъ правдивъ и честенъ заклю-
чаешь по себѣ самомъ и о всѣхъ людяхъ,
онъ боится обидишь подозрѣніемъ чуже-
странца; ибо самъ не терпимъ подозрѣ-
нія: вотъ главная слабость Россіянина,
кошорая въ нѣкошоромъ отношеніи даже

порокомъ почестыся должна. Россіянинъ не со всею спрогоспію размашиваетъ свойства чужеспранцовъ и по своему прямодушю удосконалашъ своей довѣренности глядя на одну наружность; отъ чего бываешъ часто обманутъ: а хитростъ въ большей части чужеспранцовъ умѣетъ пользоваться Россійскимъ радушемъ. Но какъ скоро обманъ становится явенъ, то Россіянинъ удовлѣтворяется или презрѣніемъ къ обманщику или прощеніемъ, и никогда не снизходишь до мщенія непримирильного, и можетъ быть ни кто скорѣй его не забываешъ обидъ и обмана: иногда себѣ онъ позволяетъ наказывать: но едва увидишъ разкяниe, первый просираешь руку помощи.

Но чтобъ увидѣть хитростъ и пронырство, много разъ бываешъ обманутъ человѣкъ праводушный и часто весьма поздно открывается лукавство предъ глазами его. На чьо далѣе искать источника той отмѣнной довѣренности къ чужеспранцамъ, которые силятся увѣрять насъ для своихъ выгодъ, что будто мы безъ нихъ жиши не умѣемъ, и чѣсъ для блага Россіи непре-

мѣнио должны отдать возписаніе юныхъ сердецъ Россійскихъ въ ихъ руки. Нашлись къ несчастію шакіе, которые позволили себя ослѣпить симъ постыднымъ наставленіемъ.

Я не отрицаю, чтобъ не нужно было занять чего у Иностраницовъ: но чѣо, и какъ занимашь? Въ томъ вся важность. Пётръ Великій занялъ у Иностраницовъ строй воинскій: но сообразовалъ его со свойствомъ воиновъ своихъ . . . Научили насъ чужестранцы рядомъ ходиши, разомъ палиши, одѣвались короче и ловчѣ; но твердость и неусырашімость наша. Пётръ Великій занялъ спроеніе кораблей: но учредилъ флошъ по своему благоразумнію и ошъ того превзошелъ всѣхъ своихъ учителей.

И такъ напрасно отрицаюшъ, что будто въ Россіянахъ нѣшъ творческаго духа . . . напрасно отрицаюшъ у насъ свойство, котораго ни одинъ народъ не имѣши: оно сосноишъ въ иеношижимой удобности все понимашь. Не знающіе отличишъ глагола *понимать* ошъ *перениматъ* дерзаюшъ при-

писывать Россіянамъ дѣйствіе послѣднєе :
но какая разность между ими !

Перенимать значить поже самое дѣлать ,
что видишь въ томъ , кому слѣдуешь : въ
семъ дѣйствіи мысль не объемлетъ самаго
существа дѣла : а схватываешь одну толь-
ко поверхность , и тогда человѣкъ бываешь
слѣпый только подражашель .

Но нимать же значить проникать мысля-
ми во внутренность дѣла , доходишь до
основанія и ясно постигнувъ умомъ его
существо : въ такомъ случаѣ человѣкъ самъ
бываешь творецъ , и можешь превзойти
свосто учителя .

И вотъ , въ чёмъ большая часть ино-
странныхъ учителей при воспитаніи Рос-
сийскихъ птенцовъ упражняется ! Все ихъ
спремленіе въ томъ , чтобъ юноша ни какъ
далѣе перениманія и подражанія не просши-
рался въ своеѣ просвѣщеніи ; да часно и
учители сами не далѣе сего круга въ нау-
кахъ своихъ обращаются : чего же сами не
знающъ , о томъ и сообщить другимъ не
могутъ . Но слѣдуешь разсмотрѣть , кото-
рое изъ сихъ двухъ дѣйствій душевныхъ
болѣе намъ свойственно и сколько силы

понятія моего дозволяющъ утвердить самыми опытами.

Естьли бы свойство перенимашъ все, одно было изъ главныхъ въ душѣ Россіянинъ; то бы онъ далеко отстоялъ отъ возможности предпринимашъ что нибудь решительное, и всегда бы обращалъ вниманіе свое на образецъ, которому онъ следовашъ принужденъ какимъ то не постижимымъ стремленіемъ, и которому причины онъ вовѣки бы не постигнулъ, и быль бы ни что иное, какъ пресмыкающееся нѣкое твореніе по спопамъ своего вожатая; не смѣль бы возникнуть изъ мрака невѣжества, и всегда бы ожидалъ приговора своего учителья, куда успремляшъ ему взоръ, мысли, и наконецъ долженъ бы быль ожидашъ, чѣо прикажутъ ему чувствовашъ. Плашье, уборка волосовъ, карешы и тому подобныя наружности, можешь бысть, не болѣе подражаний занимающъ соотечественниковъ моихъ: по образу мыслей далеко превзошелъ перениманіе.

Одинъ только Россіянинъ доказалъ съшту, чѣо для него нѣть ничего невозможнаго, и это свойство существуетъ въ душѣ

его: онъ объемлетъ мыслью все, до чего
шолько поняще его коснувшись можетъ:
возмемъ сперва способность выговора . . .
Ни одинъ народъ не доходилъ до совер-
шенного выговора языка чужестраннаго; а
Россияне доспигающъ до произношения со-
вершенного во всѣхъ языкахъ такъ, что
шошь народъ, чей языкъ употребленъ, не
различишъ по выговору Россіянина отъ са-
мого себя. Всѣ художества и науки у всѣхъ
племенъ земнородныхъ весьма мѣдлишельно
возходили на извѣстный степень своего
совершенства: а въ Россіи они сдѣлали
такій скорый шагъ, который привелъ весь
свѣшъ въ удивлениѣ . . . долго бы надобно
было работашь подражанію, что бы хотя
одну тѣнь шого, что мы имѣемъ произве-
сти. Обвиняютъ Ломоносова, что онъ по-
дражалъ иногда Гиншеру: но Ломоносовы
оды таковы, что Гиншеръ кажется подража-
щелемъ Ломоносову, и вонъ разность между
понять и перенять! . . . А сверхъ шого сей
безсмертный отецъ нашего стихопворства
доказалъ, что поняще его изобрѣло такія
красоши, которыхъ ни кто еще не имѣлъ;
онъ первый доказалъ свѣшу чио можно Рос-

сиянию только превзойти въ картинахъ стихошвирческихъ и самаго Виргиля, гдѣ онъ ни вспрыгался съ нимъ вездѣ его пре-
возходилъ: описание бури у Ломоносова не-
сравненно живѣе.

Безприраспанный и знающій языки чи-
шашель можетъ сличить вспрычу . . . и
такъ же размопришъ, гдѣ ни съ кѣмъ не-
вспрѣтился созидающій умъ стихошвор-
чива, восхищшися вмѣстѣ со мною, и оп-
ласивъ справедливость дарованіямъ великаго
мужа . . . Языкъ Россійскій отъ его пера
явился языкомъ сильнейшимъ всѣхъ Евро-
пейскихъ: Ломоносовъ имъ изображалъ все,
до чего только можетъ достигнуть пла-
менное воображеніе витїи . . . Я бы по-
просилъ перевести на какой бы то ни было
языкъ съ одинакою силою и краткосстю
сіи два стиха:

Подъ силою его пятою
Кремнистые бугры трещатъ.

Безприраспанный чишаешь также
сравнишь Лафоншенову Псишу съ Богдано-
вичевой душинькой и пуспъ скажешь, что
Рускіе только подражаютъ.

Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ науки давно и по всемѣстно существующи, не могутъ быть сполъ примѣнны умы естественные, какъ въ Россіи: ибо способность понимать можетъ и однимъ воображеніемъ наполнена созидашь себѣ предметы, и въ нихъ упражняться, отъ чего рождаются новые и совсѣмъ еще до того неслыханныя открытия какъ въ наукахъ, такъ въ художествахъ: а часно такого рода понятіе проникаетъ въ такія вещи, кои существующи уже у просвѣщенныхъ; но онѣ открылись понятію Россіянину безъ учителья; таковы у насъ всѣ, кои учащія всему самоучкою и часно удивляющи и самыхъ премудрыхъ: у насъ крестьянинъ сдѣлалъ такую шинктуру, какой вся Ипократова и Галенова ученость не выдумывали . . . Костоправъ въ Алексѣевскомъ селѣ есть камень претыканія всей хирургіи . . . Кулибинъ и Тверской Механикъ Собакинъ суть два чуда въ Механикѣ . . . Ешьли бы я спалъ вычислять всѣ подобные умы, то бы я написалъ здѣсь цѣлый словарь, отъ котораго благосклонный читатель меня уволишъ, и вмѣстѣ скажешъ со мною . . . эпо правда; чего Рускій не

поймешъ, ио будешь на всегда сокрыто
опъ всѣхъ илеменъ земнородныхъ . . . ска-
жущъ мнѣ, можешъ быти, что понятіе опъ
творца вселенныя всѣмъ разумнымъ суще-
ствамъ дано, и чио во всякомъ народѣ были
люди великаго ума, и великаго понятія, и
по чему свойство понимашъ полагаю я ду-
шевнымъ свойствомъ однихъ Россіянъ?
опытывшую: вездѣ примѣщно, что люди
избираютъ себѣ какую ни будь цѣль по врож-
денной склонности, и на сей основываю
свои упражненія . . . *Ньютонъ* былъ вели-
кій маниемашикъ, но смѣшный толковашель
Апокалипсиса, и такъ не мудрено пони-
машъ одинъ предметъ по склонности . . .
Италіанцы въ музыке, въ архитектурѣ, въ
живописи показали свое понятіе и успѣхи;
но въ экономіи и купечествѣ Голландцы
взяли у нихъ верхъ. И такъ склонность,
привычка, или всеобщее обыкновеніе упра-
вляешъ и созидаешъ природное свойство
въ народѣ такъ, что Голландцы во вѣки не
сдѣлаюши изобрѣтательми модъ. Частно
же каждый человѣкъ находишъ одно къ по-
нятію удобнымъ; а въ другомъ понятіе
его припупляешся . . . Но у насъ со всѣмъ

не то: Рускій все удобенъ понимашь. Крестьяне на примѣръ взятые въ рекруты не всѣ спаивавшися въ ряды подъ ружье: надобны въ службѣ музыканши, мастеровые и самые художники . . . Крестьяне не знающіе ни чего кромѣ пашни, разочищены по десяткамъ, смотря по необходимости, безъ всякаго разсмотренія о ихъ склонностяхъ и способностяхъ, кромѣ того, что спании и спройные ошбираються въ строевое служеніе . . . величъ однимъ быть музыкантами, другимъ мастеровыми, инымъ художниками . . . не прошло трехъ мѣсяцовъ: эти крестьяне точно шаковы, если ли же при томъ попадутся къ искусственнымъ учительямъ, то бывающіе изъ нихъ и виртуозы, то есть: ошѣнныи въ своемъ родѣ . . . Пускь похвалишися какій ни будь народъ подобнымъ свойствомъ.

Когда шакое свойство Россіянъ опличаешъ; ио для чегоже здѣсь въ Россїи во многомъ преимуществуешь чужеспранцы? Науки и художества, кажется, только ими здѣсь и существующіе: а природные все понимающіе умы или весьма рѣдко, или совсѣмъ не видны? Для чего выписываютъ

сюда изъ чужихъ краевъ многое, когда свои все оно с понимающъ, и слѣдовашельно упражняясь могутъ и произвесши; а шѣмъ самыи содѣлалась бы польза общественная и выгоды частныя?

Преждѣ доказано мною, что Россіяне велики въ дѣлахъ; а въ описаніяхъ обѣихъ весьма скромны, то слыша блестящій обѣчай нибудь разскажъ по свойству своему не могутъ вѣришь, чтобъ вещь въ описаніи несравненная была, въ существѣ своемъ только что обыкновенная, и для того жаждутъ получить ся изъ рукъ чужестранца красноглаголиваго, нежели онъ своего соотечественника, который полагаешь, что произведеніе его должно хвалишься своею доброю. Россіянинъ будучи чувствителенъ къ одной только славѣ, ни когда не унижася снискивать себѣ подлыми проказами корыстии; онъ ожидаешь съ терпѣніемъ, доколѣ дѣла его сами о себѣ скажутъ, и награда, яко должна дань заслугамъ умножитъ его прибыники: чужестранцъ пребудетъ себѣ ободренія, даже до безстыдства, и не счадишъ ни лесши ни пронырства, чтобъ получишь его, чѣмъ снискавъ больше,

иъжели ободреніе, прилагаетъ всѣ силы по-
лавить доспоинства Россійскія, и не рѣдко
кѣ спыду вельможъ въ томъ успѣваєтъ :
но при всемъ томъ одинакожъ никогда не
могли чужестранцы насть увѣришь, чио нѣть
въ Россїи умовъ созидательныхъ.

Весьма много похищаєтъ чести у Рускихъ
дарованій язва моднаго воспишанія ; она за-
зила большою часшю людей, въ которыхъ
науки и художества должны обрѣшать сво-
ихъ покровителей, и до того довела нѣко-
торыхъ именемъ знашиосши облеченихъ,
что они обѣ Рускомъ и слышашь не хотятъ :
но при всякой ихъ ненависни кѣ Рускому
свойство Россійское въ душахъ ихъ суще-
ствуєтъ и ни чѣмъ неизграбимо . . . Всѣ
они неуспрашимы, склонны кѣ славѣ, го-
товы всегда сражашсь за Государя, и не
иначе окончивають сраженіе, какъ побѣди-
шелями. Не смопря на то, что модное
просвѣщеніе ввело въ Россію клубы и шрак-
ширы, хлѣбосольство вездѣ существуєтъ
въ прежней своей силѣ.

Неуспрашимость Россіянъ есть опре-
дѣленіе ихъ свойство . . Были народы храбрые
жаждущіе воевашь и побѣждашь, какъ шо

Римляне. Они били весь съѣтъ по склонности и охотѣ къ войнѣ; но Россіяне не для того были враговѣ, что они охотники дрались: а для того, чтобъ ихъ самихъ не били. Необходимость сражаться выводитъ въ полѣ Россіянѣ всегда съ сердечнымъ сокрушениемъ въ полѣ, и для шого всегда они возвращаются съ торжествомъ. Римлянѣ, сихъ воиновъ свѣтила побѣдили: храбрость ихъ на вѣки изчезла и слава съ именемъ ихъ погибла . . Россіяне ни когда побѣждены не будущъ . . сказалъ одинъ Король знающій войну и по своему собственно опыту, что Рускихъ можно побить и нѣгда: но побѣдишь ни когда. И такъ Россіяне не есть народъ воинствующій: но народъ побѣждающій. Храбрость и отвага ихъ основательны; а неуспрашимость преславна.

При шаковыхъ свойствахъ Россіянинъ всегда бодръ и веселъ и весьма склоненъ къ веселосиянѣ сїе: можно видѣть, когда Россійскіе воины послѣ сильныхъ трудовъ и труднаго похода, едва приидутъ на мѣсто; то не валянся, какъ другіе Европейскія войска, спать; но отдохвающъ пол-

пѣсни и производя пляски . . . Коренная Россійская музыка имѣетъ нѣчто въ себѣ весьма доспойное примѣчанія: пѣсни свадебныя, хоральные, полевые и бурлацкія въ напѣвахъ своихъ такъ оспличны, что безъ словъ можно узнать ихъ свойство . . . Нѣжныя же и комнатныя неуступаютъ въ пріятности своей ни какимъ на свѣтѣ . . . но музыка во всѣхъ равно оспличиємъ своимъ отъ музыкъ Европейскихъ и Азіатскихъ доказываетъ, что Россіяне имѣютъ нѣчто свое собственное. Пляски наши такъ же по обстоятельствамъ различны и ни одинъ на свѣтѣ народъ не имѣетъ столь много изъясняющей и почти говорящей пляски, какъ Россіяне. Но какъ веселость по большей части бываша при хлѣбосольствѣ, то чувство радушки просырается даже до пьянства, которое болѣе всѣхъ примѣщно у посѣлянъ . . . хлѣбопашцы однакоже упиваються только по праздникамъ и всегда начинаютъ такъ веселившись послѣ обѣдни: ибо народъ Россійской отличается благочестіемъ своимъ отъ прочихъ.

Благочестіе наше весьма примѣчательно по тому, что оно совершенно въ шой мѣрѣ,

какова прелписана христіянину закономъ правослаенімъ . . . Ни гдѣ нѣтъ въ свѣтѣ мѣньше суѣвѣрія, какъ въ Россіи, и ни гдѣ такъ же нѣтъ больше твердости къ вѣрѣ, какъ въ Россіи . . . Католики до нынѣ доказывали посистоянство въ вѣрѣ своей самыи бѣшенствомъ, которое сполько же Богу противно, шакъ и невѣріе. Въ Россіи ни когда не слышно было даже и имени кровожаждущей *Инквизиціи*. Россіянинъ сожалѣєтъ о заблужденіи иновѣрца: но терпимъ его . . и ежели иновѣрецъ доспойнъ наказанія; то да накажетъ его Богъ. Россіянинъ ревностенъ къ обращенію иновѣрцовъ; но далѣе доказательствъ и увѣщанія способы его нейдушъ.

И такъ здѣсь я предложилъ слабое шолько начерпаніе врожденного свойства душъ Россійскихъ: не пытеславлюсь я тѣмъ, что бы я выполнилъ все, чѣмъ должно изѣяснено быть во всемъ пространствѣ и ясности въ разсужденіи сего содержанія. Оно доспойно, что бы великий умъ упражнялся въ немъ на долго. Оно доспойно преславнаго пера, которое начертало бы великую книгу и напреполезнѣйшую, которой чте-

ніе изцѣлило бы совершенно язву моднаго восхищанія, и ограничило бы господствованіе чужеспранцовъ надъ умами нашими.

Одно шолько скажу, что изочищенныхъ здѣсь свойствъ у Россіянъ ни кшо оспоришь не можешьъ, то есть: что вообще Россіяне во всѣхъ состояніяхъ и сословіяхъ неусыпаемы, правдивы, славолюбивы и обѣ ней скромны, великодушны, жалоспливы, быстропонятны ко всему благочестивы безъ субърїя, терпѣливы и веселы; а главное ихъ свойство, что они во всемъ шверды. Не отрицаю и слабостей; а можешь быть и самыхъ пороковъ: но они при близшаніи сихъ великихъ добродѣтелей не весьма примѣшны; да и описывать ихъ нѣтъ мнѣ нужды, по колику главное Россійское свойство есть доброе; а пороки ихъ происходятъ ошъ неумѣренной; а иногда и не къ спашъ упошребленной добродѣтели.

П.А. Плавильщиковъ.

С А П Ф А.

Кто часто близъ тебя бываешъ
 И видишъ блескъ швоихъ заразъ,
 Улыбкой нѣжной взоръ питаетъ
 И твой сладчайшій висмѣшъ гласъ,
 Тотъ равенъ въ щастіи съ Богами . . .

Передъ небесными красами
 Возможно ли спокойнымъ бысть,
 Ихъ сильной власти не любить ? . . .

Какъ зрю тебя, языкъ нѣмѣшъ
 И рѣчи гибнушъ во устахъ :
 Вся кровь и сердце пламенѣшъ

И меркнешъ свѣшъ въ моихъ очахъ :
 Звукъ нѣкій странный, непонятный
 Колеблестъ и смущаетъ слухъ :

Съ воспоргами любви, прїятный
 Я пренеши ощущаю вдругъ :

Томлюсь . . . блѣднью . . . воздыхаю
 И въ нѣжныхъ вздохахъ умраю.

Неизвѣстный.
П. Карадаевъ.

ЛЮБЕЗНОМУ СЫНУ

МОСГО

ИСТИННАГО БЛАГОДѢТЕЛЯ.

(съ книжкою.)

* * *

Прими, о юноша любезный ;
 Усердной даръ мой сей, прими !
 Младому сердцу онъ полезный,
 Лишь гласу ты его воньми :
 Проспри къ нему младые руки,
 Въ немъ шѣ обрящешь ты науки,
 Какъ въ мирѣ съ благоденствомъ жиши ;
 Какъ щасіе снискать трудами,
 И добродѣтели цвѣтами
 Украсишься, и мудрымъ слыши.

* * *

* * *

Зерцаломъ книги намъ блаженства,
 Источникомъ они наукъ;
 Вожди и други совершенства,
 Прогнанили несносныхъ скукъ.
 Кто пользу знаешь ихъ прямую,
 Тотъ луши не имѣшъ злую,
 И жизнь спокойную ведешъ.
 Враги льстцы и всѣ шираны
 У ногъ его лежатъ попраны,
 Отъ нихъ во вѣкъ онъ не падешъ.

* * *

Ни кое бѣдство не смущаешь
 Его судьбъ покорный духъ;
 Онъ ядъ злословій презираешьъ,
 Врагамъ своимъ онъ лупчій другъ;
 Живешь на свѣтѣ сердцемъ правымъ
 Не слѣдуя дѣламъ лукавымъ,
 Чашѣшъ истину и вѣ ней онъ твердъ;
 Ему всевышній побораешьъ,
 Хранитъ, покоишъ, назираешьъ
 И щастье вѣ даръ ему даешьъ.

* * *

* * *

Въ такомъ о! отрокъ, я желаю,
 Тебѣ блаженствъ процвѣсти,
 Усердьемъ испинны пылаю,
 Чтобъ могъ ты душу вознесши
 Надъ лесиной мѣра суешою,
 И былъ бы правимъ ты судьбою
 При всѣхъ благихъ твоихъ дѣлахъ.
 Теки къ наукамъ быстрымъ бѣгомъ,
 Да не волна спрастей подъ брегомъ
 Успѣшъ воспяшишъ твой шагъ.

* * *

Умножъ родишелей отраду,
 Ты ихъ сердецъ драгой залогъ:
 Любви и вѣрности въ награду,
 Тебя имъ далъ всевышний Богъ;
 Умѣй покорствовашъ ихъ волѣ,
 Глаголы ихъ всего чти болѣ,
 Смиренъ, послушенъ, крошокъ будь!
 Съ шакимъ величествиемъ духа,
 Отъ всѣхъ получишъ имя друга
 И къ щасію обрящешь пушь.

* * *

*

*

*

Проспри ко членью книгъ охому
 Въ цвѣтущѣй юносши швоей,
 Желанну въ нихъ найдешь доброшу,
 Возвысишь смыслъ души своей :
 Въ нихъ шаинства храняшся многа,
 Какъ чшишь всеследраго намъ Бога,
 Его могущество и власть ;
 Какихъ блюстися предкновеній,
 Блюстися пороковъ и волненій,
 Спрастей въ пучину чтобъ не впастъ.

*

*

*

А вы роднели дражайши
 Проспrite гласы къ небесамъ,
 Мольбы свои о немъ жарчайши,
 Да будеи онъ ушѣхой вамъ ;
 Доставище способы такіе,
 Чтобъ дни его толь дорогіе
 Могли нещепенно пропекашъ ;
 Чтобъ книгъ полезныхъ черезъ членье
 Себѣ и вамъ во ушѣшенье
 Онъ могъ бы разумъ угожашъ.

И. Варакинъ.

ПРИТЧА

Лилія и другие цветы.

Охощникъ до цвѣтовъ прекрасныхъ
Всѣхъ больше Лилію любилъ;
О ней въ заботахъ повсечасныхъ
Другое всѣ цвѣты забылъ.

Забылъ шульпаны, розы,
Гвоздики, шуберозы,

О лиліѣ одной и думалъ и гадалъ,
И въ лучшемъ воздухѣ цвѣточикъ сберегалъ.
Прелестна Лилія своею бѣлизною
Пригожествомъ, нѣжностью, сразмѣрной вы-
союю

Красуясь, роспевъ,

И лучше и милѣй ея въ сдемъ нѣшъ.

Коль изнышали природы
Не обольщающъ слухъ;
То всѣ твореній роды

Имъютъ чувства, мысль и духъ;

И естъли баснословы

Движенѣе дали имъ и гласъ;

То мы на естотъ разъ

Имъ шакъ же подражать готовы.

Охощникъ до цвѣтовъ въ одинъ прекрас-
ный дѣнь

Въ прохладную древесну тѣнь
Свой миленькой цвѣтокъ поставилъ,
А тѣ на солнышкѣ оставилъ.

Досадно Лиліѣ, что проче цвѣты
По мнѣнію ся, всѣ видятъ красоты,
Какими ясный день блестаешь,
Ее же мрачна тѣнь отъ свѣта скрываешь.
Любителъ лиліи хотѣлъ коснуться ей;
Но Лилія: постой, подъ мрачной тѣнью сей
Оставь меня въ плачевной долѣ;
Я вижу, ты мене уже не любишь болѣ.
Ласкаешь для шово чтобъ послѣ удалишь,
Иными жадный взоръ цвѣтами веселишь...
Могули, нѣжно шакъ и пламенно любя,
Могуль я, Лилія, обманывать тебя?

Такъ будучи мила, прекрасна,
Ты не стыдишься ревновать?
Или незнаешь ты, какъ ревность намъ
опасна?

Едва родишся, ты ужъ спанешь увядать.
Цвѣты, кошорые на солнышкѣ спояли,
Давно уже завяли.

Когда бы не былъ я плѣненъ швоей красотой,
Не спавиль бы тебя подъ тѣнью густой,
И шакъ шрезаешь ты ревностью пустой.

П. Карабашовъ

П Е Р Е Д Н Я Я.

Знатнаго барина.

Я бы никогда не проспилъ себѣ, есъли бы когда нибудь сталъ искать покрови-
тельства. Я бѣденъ; но твердъ, кусокъ хлѣба, кошорий я заслужилъ, слаще всякой пищи, кошорую могъ бы я приобрѣсть иска-
ніемъ. Сказываютъ, что надобно лѣстинъ,
чтобъ выиграть любовь у большаго бари-
на . . видно, я никогда любимъ не буду, я
гнушаюсь лестію, и хочу быть долженъ
всѣмъ шрудамъ своимъ, ижели гордой
улыбкѣ слѣнаго счастія, кошорая сниски-
вается лестію. Я читалъ много о перед-
ныхъ знатныхъ бояръ, и по большей части
читалъ худое обѣ нихъ описаніе: индѣ го-
воряшъ, что тамъ господствуетъ спонъ
несчастныхъ, и полъ смоченъ слезами без-
защитныхъ достоинствъ: индѣ пишущъ,
что будто входъ въ переднюю отверзашся
мешками; а передъ рушищемъ и бѣдноснію
онъ на всегда запворенъ, и грубый швей-
царъ съ спрашною дубиною, какъ лютый
церберъ однимъ взоромъ отгоняетъ при-
ходящихъ . . Боже мой! говоривалъ я самъ

себѣ, ежели эшо правда, какъ пишутъ...
языкъ мой нѣмѣлъ и отъ одного воображе-
нія заливался я-слезами.. и въ тоже мгно-
веніе благодарилъ Бога, чио онъ меня
создалъ съ шаковымъ разложеніемъ души,
что будучи малымъ доволенъ, я никогда
не буду имѣть нужды паскатъся по перед-
нимъ... развернулъ я еще книгу, нашелъ
и тамъ описаніе передней, гдѣ господинъ
дома будто всѣхъ принимаетъ ласково; но
благосклонность его питаешь всегда про-
сителей завтремъ . . .

И такъ судя по шаковымъ описаніемъ
какимъ я пораженъ вдругъ ударомъ, когда
представилася мнѣ нужда и йши съ прозбою
къ большому барину? . . Я воображалъ,
чио или меня шуда не пустяшъ, или я
приняшъ буду и провожденъ съ презрѣніемъ:
но колико я обманулся! о проклятые пи-
сатели!.. вы часцю созидаеше въ мысляхъ
своихъ таکія нелѣности, которыя ни гдѣ,
кромъ воображенія вашего не существуюшъ.
Какая въ помъ польза, чио вы обременяе-
ше вашими мрачными каршинами чишателя?
Ошнынѣ я не повѣрю вамъ ни въ чемъ. Вы
описывая вельможу гордаго, безжалостнаго,

корыстолюбиваго, даеще знань, что есть ли бы судьба поставила васъ самыхъ на чреду вельможъ; чтобы вы оправдали описание ваше.

По упру рукою искуснаго волосочеса сдѣлалась голова моя сѣда, какъ у старика лѣтъ въ девяносто; шупѣй и виски на ней изображали нечто по модѣ: я надѣлъ кафтанъ гораздо повычиствиѳ его; ибо другаго у меня нешъ: поглядѣлся въ зеркало и съ трудомъ въ немъ себя узналъ, отряхнулся и пошелъ къ большему барину, до котораго мнѣ была нужда: чѣмъ ближе я подходилъ къ его жилищу, тѣмъ болѣе нападала на менѧ робость . . . Во всю дорогу сочинялъ я въ умѣ, какъ начашь съ нимъ речь, и какъ сквозь сонъ сперъ помню, что я вздумалъ было нечто ошмынно высокое и замысловатое; но сѣва дошелъ я до лѣсници его, то все изъ головы моей пропало . . . Ученый свѣтъ много попрѣялъ . . Я было хощѣлъ назадъ ворошится; но нужда требовала, чиѣбъ я шелъ въ передъ.

Повлекся я весма мѣдленными шагами на верхъ и робкими взорами окидывалъ по всюду

ища ужаснаго швейцара съ грозною его дубиною, и дошедъ до самыхъ дверей нигдѣ съ нимъ не вспрѣшился; ливясь шаковому чуду опворилъ я тихонько дверь и вошелъ въ прихожую. Тутъ увидѣлъ я двухъ лиvreйныхъ, которые вспрѣтили меня съ превеликою учтивосшю; я имъ шакъ же поклонился учтиво и спрашивалъ, можно ли мнъ сего дня видѣть господина; одинъ изъ нихъ мнъ озвѣтствовалъ: извольше войни въ залу и взяша малое терпѣніе его обождать, у насъ ни окомъ не докладывающъ. Онъ обыкновенно всякое ушро выходитъ самъ въ залъ, гдѣ всѣхъ, кому есть нужда, онъ принимаетъ безъ доклада. Учтивость ихъ меня удивила: а болѣе всего, что входъ позволенъ всякому и безъ доклада, опъ чего робости во мнѣ гораздо поумалилась, и я взошелъ въ залу.

Въ иней было человѣкъ пять шесть не болѣе, и сѣва мы взаимно другъ другу поклонились, я увидѣлъ, что взошло къ намъ иѣми же, какъ и я, дверми человѣкъ болѣе десяти; а тамъ и еще шакъ, что зала сдѣлалась довольно полна: большая часть изъ нихъ были люди военные, старики,

средняго возраспа и молодые. Иные были пасмурны, иные веселы; а иные ни то ни другое.

Я примъшилъ тушъ однаго сшаричка, на которомъ былъ мундиръ довольно поношеный, и который прислоняясь къ углу казалъ видѣвъ весьма унылый: былъ тушъ еще одинъ чужеспранецъ, который, казалось, надъ всѣми бралъ верхъ и смѣловеселымъ лицемъ своимъ доказывалъ, что онъ еспль не другъ барина; то по крайней мѣрѣ его благодѣтель, и я по глупости моей воображалъ, что онъ будеъ представлять вельможъ всѣхъ тушъ находящихся; видѣлъ я еще человѣка похаживающаго по залу и держащаго книгу въ богатомъ переплетѣ, и который казался мнѣ весьма доволенъ собою; я неиначе обѣ немъ заключилъ, что онъ записываешъ въ эшой книгѣ нужды приходящихъ къ вельможѣ. Два человѣка довольно важнаго вида о чёмъ то разговаривали весьма шико и казалось по ихъ лицу и шѣлодвиженіямъ, что одинъ подавалъ совѣтъ другому; но тошъ его неслушалъ. Много знакомыхъ нашлось тушъ, которые, какъ видно начинали пересказывать другъ

М.

другу свои дѣла . . . Отворились двери:
въшелъ вельможа . . .

Я не примѣтилъ въ немъ ни гордости
ни презрѣнія къ пришедшемъ; проспона
ѣ благородствомъ на лицѣ его изображены
были: онъ поклонился всѣмъ, поклонъ его
примѣчательнѣй мнѣ показался по тому, что
онъ былъ непринужденный и не спорилъ
съ надмѣніемъ. Сѣлъ вельможа на стулъ;
передъ нимъ появился споликъ съ бумага-
ми: парикмахеръ началъ чесанье его волосы;
а онъ сталъ разбирашь бумаги. Поглядѣв-
ши въ одну окинулъ всѣхъ глазами, ко-
торые оспановились на уныломъ споликѣ
прижавшемся въ углу: вельможа позвалъ
его и сказалъ ему: „Государь мой! я не
могъ надивишься вашей просьбѣ и никакъ
шого исполнишь не могу, чего вы просите;
я обѣ васъ вездѣ разведаль и вонъ (подав-
ая ему бумагу) чѣпо по самой справедли-
вости должно вамъ сдѣлать!„ Споликѣ
прочитавъ бумагу затрясся и залился сле-
зами; а я глядя на него оцѣненелъ . . . Не
ужѣли, думалъ я, вельможа, который всѣхъ
допускаешъ къ себѣ безъ доклада, и у ко-
тораго нѣшь грубаго швейцара, могъ сдѣ-

лашь зло сему спастику? Или, не уже ли сей спарый воинъ заслужилъ какое нибудь наказаніе, чио онъ чиная бумагу тренещетъ и плачешь?.. Но что я услышалъ! спарикъ плачетъ отъ радости, и воинъ его слова: „Милоспивый Государь! ожидалъ ли я когда нибудь такого награждения за мои услуги? Что я сдѣлалъ для отечества? Я исполнялъ только свою должность. Я требовалъ единаго прописанія; но и обѣ томъ не сдалъ бы трудинъ вѣсъ, есъли бы сынъ мой не раззорилъ меня до основанія; есъли бы не отпусалъ я его въ чужie краи, гдѣ вместо мнимаго просвѣщенія онъ сдѣлался развратнымъ... онъ теперъ разкаялся, возвратился: но уже этого возвратить не льзя, чио онъ промошалъ... онъ теперъ въ армii... да; мой другъ! отвѣчалъ вельможа... и служилъ вѣсъма ошиично... Какъ обрадуешься этой вѣсли дочь моя... я могу теперъ жиши опять благополучно: вы награждали меня больше моего ожиданія: вы даровали мнѣ мѣсце покойное; я могу и при спарости служить отечеству: что можешъ быти для меня сего лесниче!.. вельможи

они вѣчалъ: я ни чего тебѣ не сдѣлалъ, кроме штого, что мнѣ мой долгъ велишъ; я предснавилъ твои заслуги и твои нужды, и ты получаешь отъ трона Монаршего достойное возмездіе. Твоя вина, что я не ранѣе о шомъ узналъ; но вѣрь мнѣ, что я не мѣньше тебя обрадованъ, когда могъ служишь тебѣ предснителемъ зная совершенно, что дворъ съ удовольствіемъ награждаешъ испинныхъ заслуги . . поди обрадывать дочь твою, и завтре приступи къ новой твоей должностіи; я знаю, что ты почтенный спарецъ сдѣласши честь своему мѣспу., Старикъ хошѣлъ что то говоришь; но не могъ, и помолчавъ не много поклонился вельможъ и вышелъ съ полными слезъ глазами; но мнѣ казалось, что онъ снѣлъ болѣе.

Послѣ него подошли къ вельможѣ два разговаривающіе важные человѣка; онъ всталъ и опошелъ съ ними къ окошку. Что они говорили, я не слыхалъ; но только оба пошли весьма довольны вельможю; а онъ сказалъ имъ: я благодарю васъ, что вы открыли мнѣ ваше мнѣніе, безъ того я бы

могъ ошибиться и навлекъ бы на себя роптаниe.

Въ то время вошли въ залу нѣсколько людей украшенныхъ знаками почеспей, кошорые ошдавали ошчетъ вельможъ въ порученныхъ имъ дѣлахъ, и получивъ приказанія шотчасъ ошправились исполнять оныя.

Послѣ нихъ подошелъ тотъ важный чужесранецъ, о кошоромъ я имѣлъ споль великія мысли: вельможа сказалъ ему тихо нѣсколько словъ; на чио чужесранецъ отвѣтишсовалъ, что это шакій прожектъ, за который Россія должна заплатить великими сокровищами, и чио естъли бы здѣсь умѣли цѣнишь доспоинства . . . На чио вельможа возразилъ, что здѣсь доспоинства цѣнишь умѣюшъ; а доказашельствомъ шому, что его прожектъ не прѣмлюшъ, и чио естъли сей прожектъ споль важенъ, и полезенъ, для чего онъ не представилъ его въ своеемъ ошечествѣ? А въ прочемъ онъ моженъ съ своимъ прожектомъ явившися къ кому другому, шолько чшобъ былъ увѣренъ, что ни гдѣ не найдетъ покровицеля прожекту, котормъ причи-

нишься можетъ явный вредъ Российскимъ фабриканамъ и торговлѣ. Иностранецъ поклонился и съ кислымъ лицемъ пошелъ вонъ.

Между тѣмъ волосы у вельможи причесаны; онъ всидалъ со спула и сталъ подходишь къ просителямъ . . . примѣшишъ должно, чио онъ сперва подходилъ къ тѣмъ, кои были не веселы и бѣднѣе другихъ одѣты; со всѣми говорилъ ласково, всякаго просьбу выслушивалъ съ терпѣніемъ, принималъ объясненія болѣе съ дружественнымъ видомъ покровишаля человѣковъ, нежели суди: ни одинъ, кроме сего чужестранца, не пошелъ отъ него съ лицемъ нахмуреннымъ . . . Коль счастливо человѣчество, гдѣ Монархи имѣюшъ таковыхъ вельможъ! Онъ не сдѣлалъ ни кому благодѣянія отъ своего имени, и всегда говорилъ, чио онъ ишлько предсташель, и благодаришъ Бога, чио онъ живетъ въ такомъ вѣкѣ, гдѣ правосудіе и милосердіе совокупно украшаютъ престолъ; и чио онъ очевидный свидѣтель, съ какою радоснію владѣющая дѣсница проливающъ счедроны на своихъ вѣрноподданныхъ, и чио еспѣли и еспѣ не довольно

награжденныя заслуги, по виновны тъ, чья должностъ обѣихъ представлять.

Не знаю для чего не высывался я впередъ, или это для того, чтобъ удостовѣришься совершенно, что я напрасно вѣрилъ писакамъ, которые, можетъ быть подобно иностранцу могли имѣть неудовольствіе на знатныхъ бояръ . . . спало въ залѣ гораздо просторно . . . предсталъ и человѣкъ съ богато переплѣщеною книгою, опѣвѣсилъ пренизкій поклонъ вельможѣ и вручилъ ему весьма унизенно свою книгу . . . вельможа развернулъ ее . . . Я полюбопытствовалъ изъ дали и имѣя зоркіе взоры увидѣлъ, что на первой страницѣ напечатано прекрупными буквами: *Ода на побѣды . . .* Вельможа показалъ ему ласковый взглядъ и спросилъ, гдѣ вы служите? На что спихошворецъ отвѣчалъ, я служу на *Парнасѣ*, и не пропускаю ни одного знаменитаго случая, чтобы не написать оды; и я очень радъ войнѣ *), что имѣю случай воспѣвать побѣды моихъ согражданъ . . . вельможа улыбнулся и сказалъ ему, я бы

*^у) тогда еще была война.

не желалъ войны для шого шолько, чтобъ
былъ случай спихонворцамъ писать оды . .
О естьли будешъ миръ, то вы изволише
увидѣть, сказалъ спихонворецъ, что я на-
пишу такую оду, которая покрайней мѣрѣ
будешъ имѣть купленовъ двесши, лишь бы
шолько сїя удоспоилась благосклоннаго
вашего прѣему . . Но развѣ нельзѧ писать
стихи и занимашся какою нибудь должно-
стью? Нельзѧ; отвѣчалъ спихонворецъ, я
служилъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ написалъ я
стихи, за которые шо мѣсце обязано награ-
ждань сочинишелей, я и былъ награжденъ;
начальникъ заплаша мнѣ, сїю на граду послѣ
вычелъ у меня изъ жалованья; шо послѣ
сего я не захочѣлъ служинъ ни гдѣ . .
Вельможа смѣялся и дивился сему произше-
шію, и видно почелъ, что спихонворецъ
согласъ: а можешъ быти, онъ ему и повѣ-
рилъ, и велѣлъ побывать у себя черезъ два
дни. Послѣ я узналъ, что спихонворецъ
вмѣсто спиховъ спалъ писать дѣла при-
казныя, и правишили шого приказа имъ не
нахвалялся.

Попомъ подошелъ одинъ просипель, ко-
торому вельможа въ просьбѣ отказалъ, пред-

ставя однакожь ему сильныя доказательства; а при томъ и со всемъ кроюшию, что исканіе его несправедливо и что для него гораздо будеть выгоднѣе, когда онъ его совсѣмъ оставитъ . . Проситель увидѣлъ ясно несправедливость своего требованія, просилъ вельможу, что бы онъ прощилъ ему то, что онъ его беспокоилъ: на что вельможа сказалъ: исполняя должностъ мою, я никогда нечувствовалъ беспокойства; жалѣю, что вамъ принужденъ отказать, но уверяю васъ, что со временемъ вы должны будете получить то, о чёмъ теперь просите и я первый всячески буду спарашиваться вамъ дослушавъ, что слѣдуешь.

Я одинъ почти остался въ залѣ; объяснилъ мое дѣло; не прошло недѣли, оно кончано. Я благополученъ . . и ешьли всѣ таковы переднія знаныхъ господъ: что я уверенъ, что ропщущъ одни только буйные головы, или кощорыя ничего не дѣля думающъ, что и самая праздность ихъ должна быть награждена болѣе, нежели испинное доспоянство.

Бывши въ сей передней ощущаютъ по
сердчное удовольствіе, которымъ покро-
вильельство сего знамнаго барина исин-
ная достоинства возражаетъ: си до-
стоинства имъ примѣчаныя и обнаружен-
ные оправдываютъ труды своего покро-
вильеля принося пользу ощечину: а още-
чество прославляетъ виновника ся, ко-
рый будучи неупомимъ въ трудахъ, пред-
стоя пресполу никогда неоспоримавшися
выслушивашь нужды, не зашворяешь слуха
своего ошъ. гласа къ нему прибѣгающихъ,
и что выслушалъ ни чю не оставлено безъ
справедливаго и скораго рѣшенія... Нѣтъ
нужды мнъ именовать его: имя его впе-
чательно въ душахъ имъ довольныхъ: сле-
зы восхищенія имъ произведенаго: суть
чернила, коими похвала ему начерпанна въ
сердцахъ тѣхъ людей, которые хотя единожды
имѣли случай его видѣть, съ нимъ
говоришь, служишь подъ его начальствомъ,
или прибѣгаешь къ нему съ просьбою.

Н. А. Плавильщика.

О Д А

н а

день моего рожденїя.

*

*

*

Восплеменише душу музы !

Восторгъ вашъ нуженъ мнъ теперь.

Снимиша съ мыслей тяжки узы !

Ошверзинше мнъ къ славъ дверь.

На лирѣ громкой тонъ настроя

Пою рожденье не героя ;

Пою зачинъ своей судьбы.

Что пѣнью воспрещишъ шакому ?

Хошь не кажусь я тѣмъ другому,

Кажусь героемъ самъ себѣ.

*

*

*

*

*

*

Когда я самъ собой доволенъ,
 Зоилъ! я плюю на шебя.
 Хвалишь кого хочу, я воленъ;
 Такъ я хочу хвалишь себя.
 Ужели жаждущіе славы
 Одни герои лишъ кровавы
 На лирахъ спояшъ пѣты бышъ?
 Иль смертные одни вѣчаны,
 И ихъ дары златоссіянны
 Жаръ въ музахъ могутъ возбудить?

*

*

*

Нѣшъ, музы! такъ мы не умалимъ,
 Талантъ свой въ разумъ людскомъ.
 Явимъ, что коль кого мы хвалимъ,
 То человѣка хвалимъ въ ніомъ.
 Когда кто льшившимъ Фиміамомъ
 Предъ знающимъ дышешъ истуканомъ,
 Безъ всѣхъ твой стапуи заслугъ,
 Имъ вы во зло употреблены;
 И сквозь стихи его надмены,
 Корысти видѣнъ низкой духъ.

*

*

*

*

*

*

Меня не будеть совѣсть грызти,
 Не спанушъ люди упрекашъ,
 Чтобы ласкалъ я для корысни,
 И чтобы пѣлъ я только знать.
 Мою вы чистопшу познайше,
 И хошь одинъ разъ въ жизни дайше
 Великихъ мнъ піишовъ гласъ.
 А что прославленъ быть я спою
 Спихогримящею трубою,
 Въ шомъ увѣряю чеспью васъ.

*

*

*

Мнъ рѣчъ у васъ въ ошвѣшъ готова :
 Коль шакъ плаѣнъ собою я,
 Жданъ лучше чесни отъ другова . . .
 За шѣмъ не стаLOBъ у меня :
 Нашлась бы лира·наняша;
 Да есши на это запяшая :
 Я счастья не успѣлъ купиши,
 Дѣлами никому не спрашенъ,
 Ниже звѣздами не украшенъ,
 А пуще : нѣчемъ подариши.

*

*

*

**

**

**

Такъ; вняли вы молящу гласу.

Вы всѣ шрепещете во мнѣ.

Парю спремишуно къ Парнассу

И чувшую себя въ огнѣ;

Разсѣкъ я въ мысляхъ сводъ сфириный,

И въ нихъ копящія громы лири.

Такъ дреvле Пифія сияшимъ

Дрожишъ внушенна въ храмъ жаромъ;

Перунимъ будшобы ударомъ,

Разишъ глаголомъ слухъ своимъ.

**

**

**

Ужь близъ я горнихъ странъ вознесся:
 Прочищенъ миъ воспоргомъ пушъ.
 И се миъ храмъ судьбы онверзся,
 Я кой спремился досягнушъ;
 Закленны спали амеписпы:
 Лешашъ отъ толь духи чисты;
 Зефирныхъ легче крыла ихъ:
 Несушъ представишъ миъ зерцало,
 Увижу въ коемъ я начало
 Блаженства полныхъ дней своихъ.

**

**

**

* * *

Я зрю... младенецъ тамъ родился,
Повищъ въ цвѣточныхъ пеленахъ;
И сонъ Олимпа всъ скопился
Пророчишъ о его дѣлахъ.
Киприда доброй чиницѣ примѣшой,
Что подъ ея рожденъ планетой;
Что милъ я Клоунъ покажусь.
Хотъ щещенимъ жданьемъ я томился,
Чтобъ сей оракулъ совершился;
Но ужъ когда нибудь дождусь.

* * *

Ея сынокъ ей подражая,
Перхаетъ надъ младенцомъ симъ,
И пламенникомъ пошрясая
Лъснъ въ сердце жаръ неугасимъ;
Заранъ стрѣлы всъ вонзаешъ . . .
Въ комъ щещенъ шрудъ любви бываешъ?
Люблю я всъ прекрасный полъ.
Брюнетки, русы, бѣлокуры,
Спѣсихи, умницы и дуры
Всъ зиждущъ свои во мнѣ престолъ.

* * *

**

**

**

Съ осанкою Минерва важной,
 Першомъ младенцу помаавъ,
 Хопъ умъ вселила неприважной,
 Судьбы чия можеиъ быши успавъ;
 Дала способность тяжко мыслишъ,
 Себя въ десяткъ умныхъ числицъ.
 Красу Юнона излила,
 И свой дала было сашъ спройной,
 Но зря чио спалъ гигантъ огромной,
 Вдругъ росиъ мнъ карлика дала.

**

**

**

Тамъ съ блескомъ солнечнаго зрака
 Рекъ друвершинной Богъ горы:
 Се новый родился писака !
 Я наинъ пролью свои дары.
 Воснишешъ онъ себъ онъ скуки,
 А людямъ можеиъ быши для муки,
 И часишъ съ рифмой нашяжной,
 Пойдешъ крупой спезей Парнасса,
 И даже ряяного Петаса
 Переупрямишъ онъ собой.

**

**

**

* * *

Со взоромъ пылкихъ глазъ тяжелымъ,
Арей опершился о щитъ,
Геройскимъ духомъ я и смѣлимъ
Дарю младенца, говоритъ:
Онъ тьму враговъ, кипя спремленьемъ,
Своимъ побьешъ воображенъемъ,
Имъ дома страшны даспъ бои.
Но просвѣщенъя, рекъ, въ прибавку:
Онъ отъ войны пойдетъ въ отставку,
Щадя дни важные свои.

* * *

Богиня счастія слѣпая
Рекла, вершась на колѣсѣ :
Я, будто машь ему родная,
Утѣхи дамъ младенцу всѣ.
Хоть будешъ въ самомъ дѣлѣ бѣденъ;
Но удаляя помыслъ вреденъ
Не узришъ къ счастію препонъ;
Себя въ блаженныхъ будешъ числишъ . . .
А кто умѣешъ эшакъ мыслишъ,
Скажише: чѣмъ несчастливъ онъ?

* * *

Н

Чтобъ довершишь Боговъ глаголы
Благопріяпны сполько мнѣ,
Зевесь тряхнувъ воздушны долы,
И блещущъ молніей извнѣ
Возрекъ громовыми устами:
Звучалъ бы въ свѣтѣ онъ дѣлами,
Когда бъ онъ дѣлалъ чио нибудь;
Но крошкимъ вознесеся вѣкомъ:
Онъ будешъ добрымъ человѣкомъ,
Зане закрышъ ему къ злу пушь.

Онъ рекъ, и дума молчалива
Объяла весь соборъ Боговъ.
Всъ мнятъ, что для осьмаго дива
Довольно сыпано даровъ;
И только лишь недоумѣютъ,
Всъ совершенства какъ созрѣютъ;
Вмѣшилище чио будешъ ихъ?
И толсту книжищу судьбины,
Хранящу бытїя карпини,
Прочесши рѣшилися всъ вѣ мигъ.

*

*

*

Ужь пашатъ Генii гиганины
Гигантску книгу въ ихъ совѣшъ:
Звучашъ заспежки адаманшны,
Коралломъ блещешъ перенлеть;
Листы раскрылись злашотканны,
Рукой незримой начерпанны
Сіяюшъ спроки яркихъ словъ:
„Какъ смершихъ въ мірѣ часть всѣхъ бренна,
„Младенца нынѣ въ свѣшъ рожденна,
„Рокъ будетъ точно же шаковъ. „

*

*

*

Прочепши Боги изумились
И замолчали всѣ опять.
И вдругъ всѣ въ шемны шути скрылись;
Пора пророчествувамъ престать:
И помрачая духи взглядомъ,
Зерцало обрашили задомъ
И показали только рушъ:
Лесяшъ во храмъ обратно съ блескомъ;
Сперлись враша за ними съ трескомъ; . .
Такъ огнь горишъ, гдѣ былъ ихъ путь.

*

*

*

Пора и мнъ прѣять мольчанье
 И поберечь душевныхъ силъ;
 Исполнилъ я свое желанье,
 Себя довольно похвалилъ.
 Когдаже симъ кто огорчится,
 Что духъ собою мой гордился,
 Что шакъ я самъ себя люблю :
 Пускай въ глаза онъ мнъ то скажетъ,
 Иль колъ изволитъ, пустъ закажетъ,
 Его я нарозъ расхвалю.

Андрей Бухарский.

П О Р Т Р Е Т Ы.

Ба ! это Г. Одехватъ. Можно держать одинъ прошиву десяти, что онъ сочиняешь кому нибудь оду. По нахмуренному челу свою должно думать, что онъ воображению своему даль куріерскую подорожную, облечешь всѣ чешыре часы свѣта. Оно собирается теперь въ кучу всѣхъ древнихъ и новыхъ героевъ ; всѣ достопамятныя произшествія отъ начала свѣта до теперешнего времяни, что бы помѣстить ихъ

въ честь штого, копсраго онъ восиѣть намѣренъ. Надобно ошдашь справедливость неупомимости Г. Одохвата; ибо написать 80 спрофъ ошборными стихами, наполнить сравненіями, уподобленіями, каршинами, ево собственного покрою, для нево шакъ легко, какъ вышишь чашку чаю. Онъ тошопъ изъ ремесленныхъ стихошворцевъ, который, какъ добрый разносчикъ можетъ прокричашь: по оды! . . по оды! . . говорятъ, что иногда потрясаешь онъ, какъ перышкомъ, небесами; сжимаешь въ кулакъ облака; даешь щелчки грамашикъ и ришорикъ; но его надобно извинишь: онъ пишетъ на подрядъ и берешъ гораздо менѣе многихъ лириковъ.

Къ спашъ и Г. Ланцетинъ. -- Какое веселое лицо! и можно ли быти ему инакому? Онъ на этихъ только дняхъ однимъ рецепшомъ выпустилъ духъ изъ лучшего цырюльника.

А! это госпожа Самолюба. Кажется, что она собою не довольна; зеркало сей севодни измѣнило, и показало на лицъ ея черты немногого неправильными; румянецъ нащекахъ ея, кажется ей блѣднымъ. Фран-

цузъ виноватъ, что сдѣлалъ его хуже обыкновенного. Она имѣєши щасиѣ увѣрять всѣхъ, но довольно скромно, что она красавица; и что сдѣлаешь того блаженнымъ, кіо на ней женишися. Къ чести ея сказать можно, что она имѣетъ въ себѣ довольно сопротивленія, не быть дѣвицей . . но и то сказать: охота пуще неволи.

Кого я вижу? Г. Разтачилова. Не могу удержать возхищенія, кошорое возродилось во мнѣ къ нему съ того времени, какъ сей просвѣщенный мужъ присыпал паханыхъ мужиковъ сдѣлалъ преполезными гражданами для отечества; что есть: преобразилъ ихъ въ пѣвцовъ, актеровъ, дансеровъ и музыкантовъ . . говоряшъ, что и они оправдали его выборъ; ибо всѣ думаюшъ, что они для сохи и рождены не были; и что отечество должно ихъ кормить на счетъ хлѣбопашцевъ. Послѣдній анекдотъ сего великаго человѣка, долженъ составить эпоху въ нашей исторїи: за двѣ своры гоньчихъ собакъ, отдалъ онъ съ величайшимъ хладнокровiemъ пять семей крестьянъ. Тощъ безразсуденъ, кіо осмѣлишися упрекнуть его, что онъ мало человѣчество уважаетъ,

и что не споль же полезенъ для общеспва,
какъ и славныя его гоньчія.

Кто это разчосанной самымъ лупчимъ
образомъ, и одѣтый въ богатой Француз-
ской кафтанъ? Милой *Цалато!* подлинно,
что судьба играетъ людьми такъ, какъ ей
угодно. Давно ли сидѣлъ онъ какъ Леса-
жевъ *Цалато* у ручейка, и голодалъ корку
засохлаго хлѣба? Хотя онъ прежде не такъ
пышно наряжался какъ тошь въ шеатраль-
ные обѣяленіи; по тому, что знаешь благоприятность; однако же носилъ съ ди-
рами и заплашами кафтанъ. Сердце сего
любезнаго человѣка неуспрашимо; предпрѣя-
тии пылки; воображеніе порывисто. Ибо и
того, кто въ должности, ему свойственной,
лупче его, и того, кто ево не хвалитъ,
предаетъ онъ проклятию, и не рѣдко
имѣетъ благородную замашку переломать
имъ руки и ноги. Но чемъ онъ приобрѣлъ
богатой кавтанъ, часы, цѣпочки, перстень?
Не посредствомъ ли Парацельсовыхъ бред-
ней, которые онъ держалъ нѣкогда въ дра-
гоцѣнномъ ящикѣ изломанного комода? Не
нашелъ ли онъ съ помощью магіи золота,
кладу, брилліантовъ? Ибо по его мнѣнію раз-

говорь съ духами, привидѣнія, воскресенія, и бесѣданіе съ мертвыми, не только дѣло вѣроятное, но и возможное . . . Нѣтъ, не шѣмъ; шакъ чѣмъ же? Добродѣшелью прекрасной своей супруги, которая сама философскій камень для цѣлаго его сѣмейства.

Parbleu, morbleu, ты здѣсь сидишь, вскричалъ мнѣ Г. Вѣтрогонъ? Время прекрасно, женщинъ здѣсь множество. Война будетъ непремѣнно . . Тхалъраль. Какой севодніи шешарпъ? Всна рано вскрылась . . Ахъ какъ она играешь! diable m' emporte я влюбленъ . . серозно на Крестовскомъ острову весело . . я поѣду въ Кронштадтъ . . какая игра была у Пикова . . о dieu! денегъ ни копейки нѣтъ . . parole d' honneur, что мы завтра увидимся . . Э? . . или . . да, а propos: какія привезены шляпы, сукна, казимиры, женскія уборы; но совсѣмъ пѣмъ у меня право ни копейки. Ты знаешь, что мое имѣніе полетѣло на воздухъ . . чортъ возьми, это не худо . . бѣдносить производишъ философовъ . . изъ всѣхъ этихъ спрамцовъ былъ богаче другихъ Аристотель, и щегольски одѣвался по тогдашнему време-

ни . . онъ былъ философъ при дворѣ . . ученикъ ево съ саблею въ зубахъ, съ бузылкою въ рукахъ, съ голубушкой въ палашкѣ, какъ съ умасшедшей мыкался по всему свѣту и задалъ пилюлю невкусную не одной тысяче . . . свиснулъ, занѣлъ, сдѣлалъ антраша, и все это однимъ духомъ и спремглавъ полешѣлъ ошъ меня.

Надобно ошдань справедливость Г. Вѣтрогону, что онъ съ того времени, какъ все промошалъ, сдѣлался строгимъ философомъ . . . историческія записки его фамиліи говорятъ, что онъ раздѣлилъ имѣніе свое на три части: одну проигралъ; другую раздаилъ красавицамъ; третью положилъ въ мершвой банкъ къ содержателямъ Французскихъ и Аглинскихъ магазейновъ. Безкорыстіе его шѣмъ примѣтилъ, что онъ и процѣнтовъ ошполь не берешъ. Знанія философіи въ немъ сполъ велико, что никто сукна къ лицу такъ не выберетъ какъ онъ. Въ математикѣ довольно далекъ: слагая и вычишая суммы, имъ издержаныя, ясно видишъ онъ, что у него ничего не оспалось.

Но обратимся къ роскоши, сему спреми-
тельному източнику, который все погла-
щаешь, и подобно Везувій извергаетъ изъ
себя единый смертоносный соспавъ для
человѣчества. О ежели бы безприсстра-
стный гражданинъ обратилъ взоръ разума
на плоды роскоши, которой вездѣ соору-
жаются олшари, человѣчество заспавило
бы его пролишь слезы состраданія! . . .
Сколько бы увидѣлъ онъ молодыхъ людей
подобныхъ *Вѣтрогону*, погибающихъ подъ
тяжкими ся ударами! . . Имѣніе нажитое
трудами праотцевъ, отдающееся селеніями
во Французскія и Аглинскія магазины; кре-
стьяна сихъ гибельныхъ сыновъ отече-
ства спонушъ опѣ поборовъ; человѣкъ вле-
чется во узахъ и становится въ мѣру для
исполненія безумныхъ желаній его власши-
теля; для содѣланія моднаго фрака, желе-
ща; для щегольской кареты, ливреи; для
спола, на которомъ уставлены сладостра-
стные блюды, и опѣ кошорыхъ восходя-
щія пары поглащаешь тучный обжора.

Я знаю, что чувствительность моя да-
леко меня завлечь можешъ; знаю, что изо-
брожая пороки, сю отправу человѣчества,

подвергаюсь я спротому суждению многихъ; но сердце мое никогда не унизится до подлости хвалишь пороки . . . ославимъ ихъ роптаніе и изобразимъ плоды роскоши.

Куда мнѣ обращаишь мысленные взоры? Въ черногахъ и хижинахъ куряшся фимиамы сему идолу. Жерпвы сїи тѣмъ ужаснѣ для сердца, что они не рѣдко окропляются слезами подобнаго мнѣ человѣка. Се тѣ бездушныя жрецы кооторыя предстояшъ предъ гибельнымъ, но блестящимъ исщуканомъ . . Кто они? Се надмѣнныя собою *Преглупы*, се шошы, кооторый выдумываетъ новый образецъ каретъ, скачетъ въ нихъ безъ памяти, задушасиша пылью съ нимъ вспарывающихихся; восхищающе очаровывая зрење безумцовъ, обращающихихъ глаза на сво экипажъ, на богато одѣтыхъ сво кучеровъ, лакѣевъ и егерей; се шошы, кооторый мыслишъ, что онъ свѣшило, озаряющее природу, и щедростъ коего изливаетъ спруи благошворенія на подобныхъ ему . . О если бы посмотрѣлъ онъ на состояніе своихъ крестьянъ проницательными глазами! увидѣлъ бы, чего мнимая его великость споишъ имъ. Не пошу, кооторый орошаешь безпрепан-

ныя шруды ихъ, но слезъ и самой крови; ежели бы обратилъ онъ взоры въ земный банкъ, всего скорѣе увидѣлъ бы въ долговой книгѣ свое имя; у напарусовъ, пропестованныя на него векселя; ежели бы онъ представилъ, что для безумной роскоши спрѣдѣль отъ него каретникъ, портной и другія цѣховыя, которыхъ раззоряещъ онъ безъ малѣйшаго грызенія совсѣми, возненавидѣлъ бы онъ роскошь, готовящую ему въ награду мучительное тюремное заключеніе.

Се другой, се тошъ, который похороня родителѧ съ философскимъ хладнокровiemъ, успѣлъ въ два мѣсяца послѣ смерти ево промошать полѣмїя на каретахъ съ гербами, на шабунахъ Аглинскихъ лошадей, на сполахъ, на модныхъ фракахъ и желешахъ. Онъ то изъ числа тѣхъ великихъ людей, которые вояжируя въ чужихъ краяхъ, научающи языкамъ иностраннымъ, но плачашъ за сїе развращеніемъ души и сердца; онъ то изъ тѣхъ великихъ духовъ, проповѣдующихъ презрѣніе къ своему отечеству, которое, не различаетъ его съ неблагодарнымъ живошнимъ. Я вижу, заимодавцы

окружающъ его: законы волюющъ за тѣхъ, которыхъ онъ обманулъ, онъ прибывающъ къ подлосши, низкое сердце его пресмыкающся даже предъ служителями судей его; ползанье его доставляющъ ему отсрочки, но долги еще не заплачены... Скоро, скоро возстанутъ законы за свое право, за право человѣчества; окробитель ихъ дастъ предъ ними опеченье; и тогда, когда спрахи будущъ ограждашь его спокойствіе, почувствуешь онъ свое разочарованіе, но пролежишъ даже время и разкаянія, нешолько надежды. Терзашся своими безпуштвами, упрекашъ себя ежеминуно въ безумной роскоши, се жребій его, жребій ужаснѣйший самой смерти.

Изобразимъ *Промота*: съ какимъ возхищениемъ бросаетъ онъ тысячи на покупку быгуновъ и верховыхъ; съ какимъ удовольствиемъ хвастаешь онъ, что ни кто лошадей, подобныхъ ему, у себя не имѣетъ.. Се полезный сынъ опечества!.. се испинный гражданинъ!.. се шошъ, который для удовлетворенія своей роскоши, для выигранія времени живъ по правиламъ не обузданной своей воли, для собесѣдованія съ жи-

водными, отказался отъ службы, отъ торговъ, отъ вспомоществованія бѣдственному человѣчеству. Никогда слезы страждащаго не извлекали его сожалѣнія; никогда бѣдность и отчаяніе не воспользовались его помощью. Онъ внималъ одной своей гнѣвой лошади; для нее жертвуетъ своимъ благосостояніемъ; въ ней полагаетъ свои ушѣхъ, съ нею раздѣляетъ свое время, ее душой живетъ, ея разсудкомъ мыслитъ . . положимъ, мнѣ скажутъ, что имѣніе промоша шоль велико, что нельзя его прожить: но сго безразсудная спрасить, его роскошь, не дѣлаешь ли влиянія на другихъ? Смѣешся ему благоразумный; но дуракъ сдѣлаетъ сльно за нимъ. О примѣры! вы научасиye рѣдко, но развращающе почши всегда.

Обрашимъ взоры на шого сласнополюбиваго, обжорливаго разпочищеля, который для шого, чио бы угодить вкусу своему, и похвасташь лунчимъ споломъ, не щадишъ ни трудовъ бѣдныхъ крестьянъ своихъ, ни доходовъ высосанныхъ съ потомъ и кровью сихъ нещастныхъ . . Се онъ! . . пучное шѣло сго, упшаниос язвами жирными,

соками спиртуальными и вредными для здоровья, преворилось уже въ нѣкоторую окаменѣлость; пары, входящіе внутрь его, изходяще изъ него подобно изъ земли, на поенной сырой влажностию; недвижимъ, едва позволяешьъ онъ природѣ раздвинуть челюсти, списнущая сладкими вареньями; едва можешьъ онъ отъ тяжести желудка воздухнуть . . . Разтянувшись на мягкомъ диванѣ, мысленно поглащаешьъ онъ блюды, которыя стояли на столѣ его; мановеніемъ повелѣваешьъ ихъ снова изготавливъ, и яко шелецъ упишанный, не засыпаешь; но позволяешьъ обѣять себя мертвенному забвѣнію . . . Я зрю предъ нимъ малолѣтнихъ дѣшей его: баптишка! говорятъ они, проливая слезы, свидѣтели скорби юнаго сердца ихъ; „баптишка, не прикажи отдавать въ закладъ машушкина портфеля съ бриллиантами! . . она говорила намъ при смерти: ежели отецъ вашъ всѣ деревни проживешь на столѣ своемъ; ежели ни чего не останешься на ваше воспитаніе; бриллианты довольно будешьъ на заплату вашимъ учительямъ. Не пекишесь о вашемъ богатствѣ, старайшесь имѣть доброе сердце . .

Башюшка! возьмише все наше: наши игрушки, наши кавианчики, велише продать ихъ, изголовивш блюды свои; да оспавши портрецъ машушки . . что тебѣ пользы, что ты сладко покушаешь, а насъ оставилъ безъ учителя? Мы не будемъ годиться служить государю и отечеству., Но какое вліяніе дѣлаетъ гласъ скорби, гласъ разинѣйшей юности, надъ сердцемъ, неприспупнымъ ни жалости, ни разуму? Сладоспращній отецъ зѣваешь и предаешься снова своей окаменѣлости . . О юноши, доспойныя отца благоразумнаго! слезы ваши прерзаютъ сердце мое; и волѣ все, чёмъ чувствительность жершвуетъ.. Соспрадать и не быть въ состоянїи помочь, для чувствительной души болѣе, нежели раздирапъ се на часпи. Я не оприцаю что вкусный сподѣ имѣть нужно; но разпочать имѣнїе, припеснять человѣчество для своего обжорства, не внимать ни гласу природы, ни гласу разума, болѣе надобно имѣть одревенѣлости, нежели нужно для живопнаго . . надобно сдѣлаться и собственнымъ своимъ злодѣемъ, и злодѣемъ человѣчества . . Ежели бы роскошъ,

сія заразительная болѣнь, заключала себя въ предѣлахъ ограниченныхъ; въ умахъ только совершило сій предавшихся: со-
страданіе къ человѣчеству и сизходженіе
къ слабостямъ его, заставило бы каждого
менѣ обратить вниманія на сю часть;
но увы!.. она далѣе проспираешъ подспѣхъ
свой, нежели предположить можно . . слѣ-
ды ея пребыванія съ нами: развратъ, по-
врежденіе сердецъ, нравовъ, добродѣтели . .
и самая нищета.

Испинній гражданинъ! скажи мнѣ: мож-
но ли надѣшся, что бы судія, привыкшій
проживать болѣе, нежели состояніе его
позволяетъ, не употребилъ во зло довѣ-
рнносни къ нему законовъ, не принесnilъ
невинности? . . Можно ли быть увѣрену,
что жена благонравная, но предавшаяся ро-
скоше, не поскользнется на пухи добра-
дѣтели, когда развратный сынъ пороковъ
предложишъ ей все, чѣмъ только роскошь
ослѣпляетъ шелѣсныя взоры, дабы восполь-
зовавшися слабостію ея и угасить священ-
ный отъ цѣломудрія? . . Чемъ докажутъ
мнѣ, что воинъ, зараженный ядовитыми
соками роскоши, предавшися ей на мгнове-

О

ніе, даље будеть способенъ почитать святѣйшую должностъ защищника опечесиша? . . . Сердце вкушаетъ развратъ; очи омрачаются мечтательнымъ удовольствиемъ; храбрость изчезаетъ . . . Добротицель и порокъ вмѣстѣ не присудствуютъ . . . Кто увѣришъ меня, что лишенный способовъ къ нынѣшнему своему содержанію, не дерзнеетъ на оскорблениѣ законовъ, на невинность, на добродѣтель? Единожды стоишъ сдѣлать шагъ ко преступленію, дабы презрить преграды къ дальнѣйшему шествованію по стезѣ пороковъ.. Подобно быстрому стремленію рѣки прерывающей оплоты, мгновенно преодолѣваешь онъ всѣ препятствія, крутишся и все разрушаешь.. преступленіе со злодѣяніемъ смѣжно и часто неразлучно . . Кто увѣришъ меня, что разочивший имѣніе не приобщится къ шайкѣ игроковъ, сихъ политическихъ разбойниковъ? . . Гласъ человѣчесиша, совѣсти, родсиша, дружесиша, угасаетъ въ немъ съ восприятиемъ сего до-споинсиша . . . и вошъ новый злодѣй, роскошью воспитанный! . . кто докажетъ мнѣ, что хлѣбопашецъ, рабочій, пожившій

въ сполицѣ, вкушившій оправу роскоши, далѣе будешъ хорошій земледѣлецъ, прудолюбивый роботникъ? . . Оба они доспашупъ болѣе легкими способами; упивающіяся манишками ихъ состоянію непозволенными; яствами имъ болѣе вредными и болѣе дорогими, нежели требуешь ихъ природа, ихъ воспитаніе . . . Нива запущѣла; земля не обработана; сѣмейство разстроено . . и се, се тысячи новыхъ тунеядцовъ поглащающихъ труды другихъ! все вздорожало!. потеря для отечества менѣе видимая, нежели ощущаемая . . . обращимъ взоры на цѣховыхъ: сапожникъ, масперовой, карепникъ, споляръ, становящійся члены клуба; и вотъ большая гибель . . Я не говорю о шомъ, что идата за ихъ входъ, за ихъ издержки, за наемъ дому, спояшъ денегъ, и все это на счетъ нашъ; что за все мѣлочи обязаны мы платить въ двое; ибо это необходимость . . . разсмотримъ далѣе сїе зло: чѣмъ занимаются нѣкоторыя члены сего собранія? Пьянствомъ, карражною и биліарною игрою, пустословіемъ, вздорными вѣдомостями . . . праздность засушаешь мѣсто трудолюбія; ра-

зумъ развращаєтъ, искуства увядаютъ . .
и се, се слѣды роскоши гибельной.

О Монтецкю! . . шы, который утверж-
даешь, что въ монархическомъ правлениї
роскошь должна существовать яко зло не-
обходимое . . кляну твое умоначертаніе! . .

Когда твои законы я читаю,
Вездѣ твой даръ, твой разумъ обрѣшаю,
Повсюду острошу . . но былъ ли ты
мудрецъ?

Ты былъ не болѣе какъ сладостный
творецъ

Писавшій для единой славы . .

Перо твое: сосудъ наполненный ош-
равы!

Александръ Клушинъ.

НОЧИ.

(Продолженіе.)

Въ сихъ мысляхъ возвратился я къ каре-
шѣ, надѣясь выведать чио нибудь ошъ ку-
чера, которой одинъ шамъ оспался. Едва
услышалъ онъ близъ себя шорохъ произо-

естъли твоя филозофія не столь глубока, то полрайней мѣрѣ она заманчива и пріятна . . . и я отъ нынѣ съ пользою буду наблюдать, когда опускается и поднимается твой барометръ . . .

Что это за чудной барометръ? Спросишь ты любезная читательница . . . это сударыня . . . но ты красиѣшь . . . и южная грудь твоя трепещешъ и напрасно спираешься удержашь шумной вздохъ . . . Ахъ! ешьли бъ не было тушъ твоей бабушки или пепушки, чтобы пошути глаза и скромною смиливостью давнобы сказала ты что это . . . любовь. Любовь! . . . къ незнакомой женщинѣ которую ни когда не видывалъ ты въ глаза?.. О! ешьли вы невѣришь, сударыня, что заглянише только въ романы: вы найдете тамъ тьму спрашныхъ любовниковъ, которые не видывали въ глаза другъ друга, заглянише въ Элегіи; неы найдете, что поэты преждко воспѣ- О! ють любовь свою къ красавицамъ, кошто съ случалось имъ видать разъ во снѣ, и товъ ли прескрасныя письма къ несрав- было мыть прелестямъ, которые рождаются въ станцію. Ильницахъ и умирающъ въ книж-

зумъ развращаєтъ, искуства увядаютъ . .
и се, се слѣды роскоши гибельной.

О Монтецкю! . . ты, который утверждаешь, что въ монархическомъ правлениі роскошь должна существовать яко зло необходиное . . кляну твоє умоначертаніе! . .

Когда твои законы я читаю,
Вездѣ твой даръ, твой разумъ обрѣшаю,
Повсюду острошу . . но былъ ли ты
мудрецъ?

Ты былъ не болѣе какъ сладостный
творецъ

Писавший для единой славы . .

Перо твое: сосудъ наполненный ош-
равы!

Александръ Клужинъ.

НОЧИ.

(Продолженіе.)

Въ сихъ мысляхъ возвратился я къ яствѣ
шѣ, надѣясь выведашъ чю нибудь спрѣ не
чера, которой одинъ тамъ осталъ нахъ . .
услышалъ онъ близъ себя шорѣ прекрасно, и

еспѣли твоя филозофиј не столь глубока, то полрайней мѣрѣ она заманчива и прѣятна . . . и я опѣ нынѣ съ пользою буду наблюдать, когда опускается и поднимается твой барометръ . . .

Что эшо за чудной барометръ? Спросиши ты любезная чишашельница . . . эшо сударыня . . . но ты красиѣшь . . . и ѡжная грудь твоя трепещетъ и напрасно спарапаетъ удержать шумной вздохъ . . Ахъ! еспѣли бѣ не было шушъ твоей бабушки или шешушки, чтобы пошути глаза и со скромною стыдливостю давнобы сказала ты что эшо . . . любовь. Любовь! . . . къ незнакомой женщинѣ которую ни когда невидывалъ ты въ глаза?.. О! еспѣли вы неувѣрише, сударыня, что заглянише только въ романы: вы найдеше тамъ тьму спрашныхъ любовниковъ, которые невидывали въ глаза другъ друга, заглянише въ Эллегі; вы найдеше, что поэты прежалко воспѣваютъ любовь свою къ красавицамъ, которыхъ случалось имъ видать развъ во снѣ, и кищутъ престрасныя письма къ несравненнымъ прелестямъ, которые рождаются въ ихъ чернильницахъ и умираютъ въ книж-

ной лавкѣ на полкахъ. И такъ вы видите, что ничего нѣшъ легче, какъ влюбиться въ совершенства такой особы, которой на свѣтѣ не было. Что до меня, то одинъ голосъ моей незнакомки разлилъ по моимъ жиламъ электрической огонь; а воображение пріятности ночнова приключений довершило дурачество мое сдѣлаться героемъ такова романа, въ которому долженъ бы я быть играть эпизодическое лицо мужа. Правда, совѣсть меня упрекнула, что я срываю съ вилки у ближнева кусокъ совсѣмъ мнѣ непринадлежащей; но кто въ семъ свѣтѣ работаетъ на себя? (Крестьянинъ потѣшѣ и шрудиша цѣлыя годы, чтобы выплашибъ колѣсъ богатой кареши, или пуговицу съ кафшана своею господина Промошова, которыхъ онъ никогда не увидѣшъ.) Судья высасываетъ у члобитчика набитой кошелекъ для шово, что бы жена его нарядила въ обновку капишана хватова, молодова его сосѣда. Неуспращимой офицеръ Храбронъ дерешся для шово, чтобы щеголеватова его товарища Юлу племянника его сїятельства Дурындина назвали храбрецомъ. Толстой Безмозговъ плашишъ бо-

гато прекрасной своей Неопказѣ, не воображая, что сво щедростію пользуются человѣка четыре молодыхъ подлішаль, не включая въ то число Неопказина волосочоса, кучера и егеря. Вотъ сколько примѣровъ собралось у меня тогда на оправданіе моево поспунка; и шакъ, для чево же мнѣ не пользовашся шѣмъ блюдомъ, которое не для меня гошовится? . . . На свѣтѣ семь всѣ какъ повара, сущащія и готовяще кушанье для другихъ; между шѣмъ, какъ сами хващающъ съ шакихъ блюда, которые нечаянно попадающія къ нимъ подъ носъ. Въ шакихъ то размышеніяхъ подкрадывался я къ ночному похищителю: ударило часъ и я услышалъ у нево со слугою слѣдующей разговоръ . . .

Еще часъ бѣшъ, сударь, и намъ по условію оснаешься ждать бишыхъ полчаса . . .

Б. Ахъ еспѣли бѣ шы зналъ, Иванъ, какъ мнѣ время длинно кажется! . . .

Иванъ . . . вѣрно не шакъ какъ мнѣ, сударь . . . признаюсь я очень неохопно вдаюсь въ шакое приключеніе отъ которова кромѣ худа ни чево намъ ждать нельзя . . .

Б. Естьли избѣгашь худа, то ни въ одно приключение нельзѧ вдавашся. Что до меня, то я всегда на мои предпріяшія смотрю съ одной доброй стороны. Теперь, на примѣръ: я однимъ иѣмъ занятъ, какъ моя милая Жанета пылка, влюблена, прелеспна невинна . . .

Иванъ . . о красотѣ я ни слова, сударь: въ любви какъ въ кушанье: иной любишъ кислое, иной соленое, и трудно увѣришь, чио лучше. Но что до невинности, то я соглашусь скорѣе искать смыслу въ Антирихардсоновыхъ романахъ и оспроши въ комедіяхъ мнимова Дешуша; нежели искать невинности во Французской лавкѣ . . гдѣ . .

Б. . . О! да ты еще и въ учености вмѣшиваешься . . но послушай, у меня страшная охота бить разумныхъ людей, и такъ не совѣшую тебѣ никогда при мнѣ вплетающія въ разсужденіи; для шово, что это совсѣмъ не ваше дѣло.

Иванъ. Почемужъ, сударь? . .

Б. . . почему . . . почему? . . . У меня есть на это хотя тонкія, но гибкія доказательства . . .

Иванъ!.. а! а! понимаю; вы говорите про
шалки . . и признаюсь, что убедительные
Русо доказываете мнѣ вредность наукъ . .
осправившися же этотъ разговоръ; я не охот-
никъ до ученыхъ споровъ . . и сианемъ
лучше говоришь о томъ, что къ намъ бли-
же. Скажите, на примѣрѣ: къ чему вамъ
вѣдумалось весни любовь свою такими око-
личностями, и обижать чеснную мадамъ
Плутанвиль; похищал у неї украдкою ша-
кой шоваръ, которымъ эши чеснныя мада-
мы разшорговываются болѣе, нежели мод-
ными шляпками?

Б. Какое дурацкое сравненіе! неужли
ты думаешь, что и моя прелестная Жане-
ша такъ же, какъ и ее подруги Францужен-
ки, не отличаетъ своихъ прелестей отъ
продажныхъ лентъ и булавокъ? . . Грубо
ошибаешься, другъ мой! еспѣли бы ты зналъ
какъ за нею прилежно волочились Промотъ
и Голосумъ . .

Иванъ . . сианется . . я и всегда былъ
увѣренъ, что пропитывъ безденежныхъ воло-
кишъ нѣшъ добродѣтельные женщины, какъ
ваша Жанеша и ее подруги. Еспѣли бы не
почла она васъ богатымъ; то повѣрте,

что никогда не поколебали бы вы ее цѣломудрія . . .

Б. . . . не должно, мой другъ, такъ грубо разсуждать о жѣнской добродѣтели . . .

Иванъ. О! добродѣтель женщины помо-
дѣ, такъ же тверда какъ спекло, которое
никакою осиротою бришвою кромѣ алмаза
не разрѣжешь . . . да скажише миъ куда вы
намѣрены дѣвать вашу Елену, не имѣя ни
полушки денегъ? Развѣ хопишь вы умо-
ришь ее съ голоду и дать случай писа-
лямъ къ новому Роману?

Б. Лишь бы удалось мнѣ увезти любез-
ную Жанету и мы съ нею докажемъ на пере-
корѣ всему свѣту, что и во Французкихъ
модныхъ лавкахъ ешь предобродѣтельныя
женщины . . .

Иванъ . . . сомнѣваюсь, сударь: нынѣ не
такой вѣкъ, чтобъ чудесамъ вѣрили. Но
скажише: не совѣстноли вамъ измѣнять
прелестной вашей Верпушкиной, которая
теперь одна поддерживаетъ вашъ блескъ на
счѣшъ любезнаго своего супруга . . .

Б. Куда какъ худо шолкуешь ты лю-
бовь! по швое му Мнѣнїю, она должна бытъ
такъ же тверда и постоянна какъ старин-

ное супружество, чтобы наскучить въ дѣй недѣли. Пустое, мое другъ; любовь какъ смородина, которую какъ бы ты ни жаловалъ, но она въ шесть минутъ набѣшъ пѣбѣ такую оскомину, что вѣкъ настое не взглянешь, еспѣли не возмешь предосторожности употреблять ее рѣже. Измѣна и невѣрность, мой другъ, есть ключь къ сохраненію модной любви, и для того что я знаю много супружествъ, которые продолжаются въ добромъ согласии только для того, что супруги не скучающъ другъ другу безопиязною вѣрносщю . . . Но я слышу, что въ верху кашлянули . . . пригото-
вимся принять Жанетту.

Услыша это, отошелъ я опѣръ нихъ и ожидалъ чѣмъ кончится приключеніе. Сперва мнѣ пришло въ мысль самому сѣсть на козлы и отвесши къ себѣ Анжелику. Но какъ я не надѣялся управившись съ лошадьми, что едва было не оказался отъ моего предпрѣлія, еспѣли бъ нечаянная всшрѣча не подала мнѣ помочь. Я увидѣлъ, что шагахъ въ пяти опѣръ меня бродитъ человѣкъ, которой не ошходилъ опѣръ твоего мѣста, и кажется хотѣлъ бышь свидѣтелемъ происходящаго приключ-

ченія. Другъ мой, сказалъ я ему, не занялъ ли ты чѣмъ, и можешь ли оказать мнѣ услугу, за которую тебѣ дано будешъ на водку ? Охопни, сударь, отвѣчалъ онъ ; я спорожъ эпова дома и хожу по очере-ди около нево ; но это шакая должностъ, за которую еще десять могу я оправить. Чѣо вами угодно ? . . . Мой баринъ сгово-рился уйти съ одною дѣвушкою . . не изъ этой ли Французской лавки ? . . . Точно шакъ . . . не Жанешою ли ее зовушъ? . . . Ты угадалъ . . а барина твоего Верпушки-нымъ ? . . Правда . . да ты почему все это знаешь ? . . О ! я часто видалъ какъ они перебрасывали другъ другу письма, и уже ожидалъ что изъ эпова выльется что ни-будь доброе. Эта мысль требуетъ еще подтверждениѧ, отвѣчалъ я . . но выслушай же мои просьбу . . Жанеша скоро спу-спишися къ намъ а кучеръ нашъ ушолъ и вѣрно въ кабакъ . . баринъ про это узналъ и грозится уже наградить ево палочнымъ увѣщеніемъ. Такъ не хочешь ли ты, ко-гда я тебя черезъ минуту позову сѣсть, на сво мѣсто не говоря ни слова, и отвѣти на сѣсть къ * * * москву, въ домъ * * *

охочио Бояринъ . . я очень люблю править лошадьми и радъ слукаю вамъ подслужиша . . . въ ту минуши подошелъ къ нему одинъ человѣкъ: Ну, сидорычъ, сказалъ онъ моему новому знакомцу, долголи намъ дрогнуть? Мои товарищи восемь человѣкъ всѣ ошь морозу зубы повыколотили . . и намъ бы теперь не худо руки погрѣть . . подите домой брашцы, отвѣчалъ дворникъ; вы мнѣ болѣе ненадобны . . какъ, ненадобны, развѣ не спанутъ въ нынѣшнюю ночь? . . Ну слышишись вы мнѣ ненужны, перервалъ дворникъ съ досадою, дѣло безъ васъ обойдется.. а кіпо же заплапишъ намъ за то, что мы всю ночь сперегли? . . Приходиша завтра комнѣ; я заплачу вамъ шакъ точно какъ будтобъ вы все сдѣлали . . подиже и скажи товарищамъ, чтобъ они разошлись . . а Семену скажи, чтобъ онъ съ лошадьми поѣхалъ домой . . понимаешь ли? . . Понимаю отвѣчалъ другой . . и скрылся ошь нась . . Что это значитъ, спрашивалъ я со смятѣніемъ дворника, къ чему собраны были у шебя все эти люди? Это ничево, Бояринъ, отвѣчалъ онъ. Мы узнали что въ нынѣшнюю ночь соседскіе лакѣи собрались ограбиши

моево хозяина и для тово то запаслисъ мы маленькою засадою, чтобъ сдѣлать доброй отпоръ и переломать имъ руки и ноги; но какъ шенерь уже время назначенное для этова посыщенія прошло, и они видно узнали, чио здѣсь взяты предосмотрожности . . и для тово опмѣнили свой походъ, то я разпушилъ своихъ товарищей . . но къ чему же этотъ человѣкъ съ лошадьми? Спрашивалъ я ево? О! онъ былъ приготовленъ чтобъ въ случаѣ нужды гнашься верхомъ за этими буянами . . но дѣло все кончилось благополучно и опасатся нечево . . да и правду сказать лучше мнѣ пряслись за деньги на козлахъ, нежели даромъ дрогнуши у воротъ на улицѣ, и сперечь чтобъ не обокрали моево барика, къ которому къ самому надобно бы было приспавить караулъ и смотрѣть за нимъ, чтобъ онъ не грабилъ бѣдныхъ члобишчиковъ, на счетъ кооторыхъ выстроены эти полапы . . снай же мой другъ и дожидайся меня сказалъ я ему: а я пойду и когда время придешъ, то тебѧ позову; по томъ ошъ нево возвратился я къ моимъ похищеламъ разположа въ мыслахъ какъ должно случиться дѣлу.

Я подходилъ, когда уже невинная Агнеса спускалась. Къ спашь бы здѣсь было помѣшишь всѣ возхищенія любовниковъ, но они и въ комедіяхъ мнѣ наскучили, и я чрезвычайно обрадовался, когда въ нѣкоторой новой комедіи увидѣлъ, что авторъ, двухъ любовниковъ обѣнчалъ, не давъ имъ ни слова сказать другъ другу о любви. Что до меня, то и разслушать мнѣ у моихъ любовниковъ ни чево было не можно; ибо всѣ дѣла происходили шихомолкомъ.

Уже наша чеша приближалась къ каретѣ, когда примѣнили, что нѣтъ кучера; бездѣльникъ эшошъ вѣрно, гдѣ нибудь пьянствуешь, говорилъ сквозь зубы волокита . . Бога ради говорише тише, сударь, Шепшала красавица: еспѣли услышашъ въ верху эшопъ шумъ, и мадамъ Плуашанвиль догадаешся о моемъ побѣгѣ, что я погибла: у насъ чесь очень строго хранится . . подише лучше съ вашимъ человѣкомъ и посшарайшесь поскорѣе ево ошѣйскашь, а я останусь у кареты и подожду васъ здѣсь . . вошъ неробкая героиня, подумалъ я самъ въ себѣ, кажется эша дѣвушка уже давно привыкла къ ночнымъ приключеніямъ.

Едва отошелъ онъ отъ своей Анжелики, какъ я бросился къ подговоренному дворнику. Ступай мой другъ, сказалъ я; не надобно терять времени; садись на козлы, пришворись пьянымъ и скажи только что ты опогрѣвался въ ближнемъ трактирѣ; а между тѣмъ вѣзи насъ, куда я уже тебѣ сказалъ? Повѣрь баринъ что я дѣло кончу шакъ проворно, какъ ты не думаешь, ошвѣчалъ онъ, и послѣ того бросился на козлы; а я подкрадывался за нимъ, пришворясь, какъ будто потерялъ дорогу. Любезная Жанета, здѣсь ли ты? Спрашивалъ я, . . здѣсь ошвѣчали мнѣ шихонько кучеръ твой пришолъ, но кажется онъ пьянъ: я не разслушала, что онъ пробормоталъ . . съ тобой ли твой человѣкъ? . . Ево иѣшь любезная Жанета, для того что я спрого запрещилъ ему возвращаться безъ кучера . . а онъ долго сво проищепъ; шакъ лучше пойдимъ одни . . онъ и безъ насъ умѣетъ домой ворошиться . . и я тошчасъ ошворилъ дверцы, посадилъ красавицу . . вскочилъ за нею въ карету, зашворилъ за собою дверцы, и всѣльѣ кучеру скакать домой, не забоялся ошомъ, охопно ли къ себѣ воз-

врашившися мой нещасливой совмѣстникъ пѣшкомъ и безъ любовницы, которую уже починалъ онъ вѣрною въ своихъ рукахъ.

Едва ударили по лошадямъ, какъ моя скромница зачала хохотать во все горло; голосъ ее показался мнѣ знакомымъ. Чему шы такъ хоочещь душа моя, спрашивалъ я ее, о! это ужесиль смѣшино, кричала она, когда я воображаю какъ разсердившая спрая моя мадамъ Плушкинвиль, ненашедъ меня въ моей комнатѣ; скажи мнѣ, мой ангелъ, не щегольскили мы ее провели.. Боже мой! это шы Маша, вскричалъ я . . . ахъ! Миробродъ *) негодной!.. какимъ страннымъ случаемъ . . я не знаю радовавшися я должна . . или сердишися за нашу нечаянную вспрѣчу . . какой дьяволъ занесъ шебя въ эту карешу, когда невидясь съ тобою года три, я менѣе всево шебя тутъ ожидала . .

П 2

*) Г. читатель можетъ здѣсь видѣть, что герой сей повѣсти Миробродъ и издашель ее Крыловъ суть два разные лица; но послѣдній будетъ всегда доволенъ, еслѣли Публикъ понравится первой.

Примѣчаніе типографщика.

какимъ образомъ вспрѣшилась ты мнѣ, когда и въ умѣ не приходило, чѣмъ моя милая Маша соспавляла свишу Французской уборщицы? . . Какимъ образомъ превратился ты въ похиниша? . . Какъ переродилась ты изъ Русской горнишной дѣвушки во Француженку, не имѣя понятія о Французскомъ языкѣ? О! . . мои приключенія не чудны. Вскорѣ послѣ тово какъ мы съ вами разстались, барышня моя ушла съ однимъ молодымъ офицеромъ, чemu много помогла Француженка ее учительница, копорая подговорила шакъ же се увезти изъ дому много бриліантовъ и денегъ. Я какъ проворная дѣвушка, спошасъ смѣнула намѣреніе Француженки, и ни денегъ ни алмазовъ не выпускала изъ своихъ рукъ; шакъ, чио Французская плутовка, наконецъ открылась мнѣ Руской въ своихъ намѣреніяхъ, для которыхъ она и барышню мою подговорила къ побѣгу; и мы осѣвили влюбленную эшу чешу безъ денегъ и безъ вещей на попеченіе судьбы, пипашься одною взаимною спрасью, и уѣхали въ здѣшней городъ, гдѣ моя учительница завела Французскую модную лавку на счетъ

москвичини; а какъ ей нельзя отъ меня
отвязаться, неопасаясь отъ меня мщенія,
то я по необходимости сдѣлалась первою
ея по другою, и мы съ ней торговали по-
полнѣ очень удачно, пока не влюбилась я
въ молодова Вершушкина, и хощѣла пожерши-
вовать ему моимъ щастіемъ и . . Плутилов-
ка! вскричалъ я захочетавъ; я былъ сви-
дѣтелемъ всево вашева ночнова приключе-
нія; и когда еще возвращаясь домой съ
швості Француженкой, говорила ты съ ней
у воротъ, что я все слышалъ, и заключилъ
справедливо, что ты влюблена; да только
не въ Вершушкина, а въ ево деньги . . ты
лжемонъ а не человѣкъ отвѣчала моя краса-
вица: отъ тебѣ ни въ чомъ утаишься не-
льзя, и я вижу, что тебѣ во всемъ приз-
наешься надобно . . повѣса! . . продолжала
она, выслушай все, и ты увидишь, что я
до нынѣ отъ тебѣ ни какой шайны не
имѣю :

Если бы модные торговки жили од-
ними уборами, то бы ис вывозили такъ
много денегъ въ чужіе краи; но главной
торгѣ ихъ состояніе въ томъ, чтобъ
украшать не однихъ женщинъ, но часто и

мужей иныхъ, которые иногда не подозрѣвая опускаютъ своихъ женъ въ модные лавки себѣ за головнымъ уборомъ. Припомъ же эти чесипные Француженки не рѣдко доспавляютъ случай молодымъ дѣвушкамъ видѣться съ своими любовниками, и за это берутъ порядочную пошлину. Ешова недовольно: они держутъ у себя въ лавкѣ много молодыхъ ученицъ съ шѣмъ, чтобъ приманивать волокидъ, и мнимою спорогосію и препяспивами своимъ дѣвушкамъ увеличивающъ желанія воздыхателей; а когда увидятъ, что надобная минута наступила и кошелекъ любовника шугъ, тогда изъ подруки даютъ своимъ дѣвушкамъ согласіе на побѣгъ; и такимъ образомъ вдругъ, получающъ и деньги, и оспающся съ добрымъ именемъ; ибо такихъ похищений не смыюшъ приписывать на ихъ счетъ; видя что они сами болѣе всево за то шумятъ и жалуются. Прекрасная выдумка! сказалъ я.. и такъ моя любезная Маша . . . твоя любезная Маша, вскричала она захочопавъ, подъ кровищельствомъ модной уборщицы, теперь имѣешъ чесипъ въ восмой разъ представлять невин-

носпъ . . я любопыщенъ видѣть искуснаяль шы акширица Маша. Но кареша оспановилась, войдемъ ко мнѣ, и будь увѣрена, чио швоя невинносТЬ здѣсь вѣ шакой же безъ опасности, какъ и во Французской лавкѣ.

Дверцы карешныя ошворились, и сдва успѣлъ я выскочить, какъ ударили по лошадямъ, закричали! . . къ обухову мосту . . и карешы спало неслышно. Любезная моя Маша сѣ ее невинносТЬю и уже конченое почти приключеніе, все изчезло, какъ пріятной сонъ, и я очутился вѣ рукахъ мотнаго повѣсы, кошорой сказавъ мнѣ, чио опѣ моєво молчанія зависишъ моя жизнъ, шолкнулъ меня на дворъ и заперъ за собою вороша.

Тушъ мягкая и нѣжная рука схватали мою руку . . и женской голосъ сказалъ мнѣ, чиобъ я болѣе всево сперегся сдѣлать шуму. Барыня уже васъ ожидаетъ сударь говорила мнѣ моя предводительница. Ахъ! естьли бѣ вы знали вѣ какомъ она смущеніи . . я и самъ вѣ неменышемъ безъ покойствѣ, отвѣчалъ я шихонько и дрожа опѣ спраха. Бога ради, продолжала она поспарайшесь се упѣшишь . . но неправ-

дали, что мы щегольски васъ увезли и умѣли въ пору разорвать вашу любовь съ эпою негодною бѣглянкою, про которую я уже все развѣдала; но оспавимъ ешотъ разговоръ: вы конечно проспите моей барынѣ то, чѣму одна любовь ея къ вамъ причиною . . . или она умрѣшъ съ печали бѣдная! . . но теперъ болѣе всево опасайтесь кашлянуть и говоришъ громко; еслѣ баринъ проснется то мы всѣ попадемся въ такіе хлопоши, изъ которыхъ трудно будешь намъ выдраться, и вы можете легко потерять ребра четыре. Послѣ шакова ушибицельнова предувѣдомленія вела она меня, черезъ долгое сѣни, не говоря ни слова, и мы прошли шихомолкомъ большой рядъ комнатъ, а наконецъ остановились въ осмой или девятой. Остановившись въ этой уборной, сказала она мнѣ, барыня шопчасъ къ вамъ выдешъ; впрочемъ бояться вамъ нечево: уборная эта вамъ вѣрно знакома. При сихъ словахъ пожала она мнѣ руку, дала горячей поцѣлуй и оставила одново размышлять о странности моихъ приключеній.

Гдѣ я?.. Какимъ образомъ сюда попалася?.. За чѣмъ сѣ шакою скороспію умчали мою невинную Машу?.. Кто все это спушилъ?.. И какъ выду я изъ дома.. не смѣя сдѣлать ни шага, и не зная разположенія комнатъ, коихъ прошелъ шакое множество?.. Вотъ сколько вопросовъ задавалъ я самъ себѣ, и смущенной мой разсудокъ ни на одинъ изъ нихъ небылъ въ силахъ сдѣлать ошвѣша.

Правда я ждалъ къ себѣ женщины, и приключеніе могло кончиться для меня не сѣ слишкомъ бѣдственno; но страхъ, что всякую минуту я могу быть узнанъ и побитъ, дѣлалъ меня почти неспособнымъ ощущать предстоящее благополучіе... тогда шо вспомнилъ я не кѣ спашъ наняшова мною кучера и ево товарищей, коихъ разпушилъ онъ, какъ ухватился за случай взмоспившися на козлы.. словомъ у меня родились тысячи догадокъ, изъ которыхъ одна другой была хуже... Естѣли все это приключеніе, прошепталъ я вздохиувши,

кончился на моихъ бокахъ; то надобно отдать мнъ справедливость, что я самымъ искуснымъ образомъ придался къ случаю быть побитымъ.

Иванъ Крыловъ.

(Продолженіе впредь.)

Конецъ первой части.

Особы подписавшіяся на сіє изданіе.

Въ Санктпетербургѣ.

*Его Слѣдѣльство Графъ Николай Ивановичъ
Солѣиковъ.*

- - Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ.
- - Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.
- - Графъ Федоръ Асшафьевичъ Ангальтъ.
- - Князь Алексѣй Степановичъ Мещер-
скій.
- - Графъ Иванъ Александровичъ Апрак-
синъ.
- - Графъ Аполлосъ Аполлосовичъ Му-
синъ-Пушкинъ.
- - Графъ Петръ Андрѣевичъ Толстой.
- - Графъ Александръ Федоровичъ Апрак-
синъ.
- - Князь Петръ Николаевичъ Долгорукій.
- - Князь Семенъ Ивановичъ Салаговъ.

*Его Высокопреображенство Иванъ Ивано-
вичъ Шуваловъ.*

Его Превозходительство Николай Петрович Архаровъ.

- - Василій Иванович Левашевъ.
- - Пешръ Степановичъ Валуевъ.
- - Алексей Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.
- - Гаврило Романовичъ Державинъ.
- - Федоръ Петровичъ Денисовъ.

Его Высокородїе Дмитрій Прокофьевич Трощинскій.

- - Иванъ Алексѣевичъ Алексѣевъ.
- - Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ.
- - Михайло Василіевичъ Добровольский.
- - Машвѣй Дмитріевнчъ Олсуфьевъ.
- - Захаръ Алексѣевичъ Хитрово.

Его Высокоблагородіе Никиша Иванович Акининъ.

- - Александръ Лукичъ Симанской.
- - Андрей Андрѣевичъ Бееръ.
- - Осипъ Даниловичъ Петровъ.
- - Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.
- - Ардаліонъ Семеновичъ Шишковъ.
- - Андреянъ Моисѣевичъ Грибовской.
- - Яковъ Степановичъ Есиповъ.
- - Иванъ Артемьевичъ Федоровъ.
- - Николай Петровичъ Зубовъ.

Его Высокоблагородие Дмитрий Андреевич
Кривцовъ.

- - Александръ Григорьевич Демидовъ.
- - Петръ Лукичъ Вельяминовъ.
- - Иванъ Семеновичъ Захаровъ.
- - Алексѣй Петровичъ Вѣтровъ.
- - Евграфъ Петровичъ Башуринъ.
- - Федоръ Ивановичъ Гудимовъ.
- - Ардаліонъ Африкановичъ Соловцовъ.
- - Александръ Дементьевичъ Апсисповъ.
- - Яковъ Яковлевичъ Тоузаковъ.
- - Петръ Ивановичъ Челищевъ.
- - Василій Васильевичъ Мальцовъ.

Его Благородие Александръ Ивановичъ Левандо.

- - Дмитрий Федоровичъ Раевскій.
- - Иванъ Антоновичъ Гарновскій.
- - Николай Максимовичъ Скварцовъ.
- - Николай Васильевичъ Скоряшинъ.
- - Петръ Михайловичъ Бунурлинъ.
- - Сергѣй Николаевичъ Тишовъ.
- - Александръ Александровичъ Бускетовъ.
- - Андрей Ивановичъ Шлаштеръ.
- - Павелъ Васильевичъ Киндяковъ.

Его Благородие Алексей Семенович Трапезниковъ.

- - - Пётръ Михайловичъ Бырдинъ.

Пётръ Семеновичъ Роговиковъ.

Фролъ Федоровичъ Кондюринъ.

Алексей Ивановичъ Одинцовъ.

Григорій Семеновичъ Чакрыгинъ.

Неизвѣстный подъ липерами: Д. Р.

Катерина Федоровна Баранова.

Прасковья Тимофеевна Сафонова.

Яковъ Степановичъ Воробьевъ.

Г. Ганзалецъ.

Въ Москвѣ.

Его Превозходительство Михайло Михайловичъ Ладыженский.

Его Высокоблагородие Николай Николаевичъ Башышъ - Каменскій.

Въ Кіевѣ.

Протоіерей Іоаннъ Левандо.

Въ Коломнѣ.

Его Благородие Иванъ Ивановичъ Мѣщаниновъ.

Въ Козловъ.

*Его Высокоблагородие Иванъ Герасимович
Рахманиновъ.*

Въ Орлѣ.

*Его Высокоблагородие Алексѣй Михайловичъ
Павловъ.*

*Его Благородіе Алексѣй Лукичъ Лукинъ.
- - - Степанъ Васильевичъ Савиновъ.*

Въ Калугѣ.

Иванъ Григорьевичъ меньшой Губкинъ.

